

ДЖУЛИ ДЕЙС

ВАНШКА

НЕТ
НИЧЕГО
НЕВОЗМОЖНОГО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Джули Дейс
Наши границы
Серия «Нет ничего
невозможного», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51373476

SelfPub; 2021

Аннотация

Всё начинается красиво и хорошо. Мы думаем, что это навсегда. Вот же она – настоящая и истинная любовь. Но мы и не предполагаем, что она может обернуться тьмой, от которой не избавиться. Она медленно пожирает тебя. Каждый день ты будешь просыпаться с одним вопросом в голове, который не будет давать тебе покоя: почему? Это «почему» будет убивать тебя изнутри. Для тебя этот вопрос станет кислородом, выжигающим лёгкие. Когда-нибудь ты найдешь антидот и ослабишь эту боль, но даже такое лекарство принесёт тебе колотые раны и рубцы на сердце. Останется лишь пустота, которая окутывает разум и душу.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	47
Глава 4	62
Глава 5	78
Глава 6	98
Глава 7	113
Глава 8	131
Глава 9	146
Глава 10	173
Глава 11	185
Конец ознакомительного фрагмента.	192

Джули Дейс

Наши границы

Пролог

Фолл—Ривер,

7 лет назад

Сердце отбивало бешеный кульбит, отчего даже в висках чувствовался яростный пульс. Ноги сами неслись к машине, не обращая внимания на зрителей, которые с интересом и опаской наблюдали развернувшуюся картину. Мысли парня уже давно спутались в клубок, который не в силах распутать ни он, никто-либо ещё.

«Зачем я вообще приехал. Зачем я встретил его. Зачем повелся на провокацию», – возникало в голове парня, и тут же сменилось другим вопросом: *«Простит ли она меня?»*.

Дёрнув за ручку автомобиля, которая на удивление не сломалась от той силы, которую к ней приложили, юноша запрыгнул в машину и быстро завел двигатель, который в ту же секунду зарычал.

Парень перевёл дыхание, чтобы успокоиться. Единственное, что ему сейчас поможет – это рассудительность. Он может в порыве эмоций сказать лишнее, сделать то, о чем по-

жалеет и далее по списку.

«Ты уже сделал то, что сделал. Хуже не станет, поверь», – закрипела совесть в голове.

От злости на себя парень стукнул ладонями по рулю, отталкивая себя от затеи ударить того ублюдка, который всё испортил. Он поймал себя на мысли, что выпотрошит из него все дерьмо, если Алисия не простит его. Её глаза, на тот момент, отражали разочарование, которое и поспособствовало прекращению его действиям. И он запомнит этот взгляд на всю жизнь.

Выкрутив руль, он выехал на дорогу, выискивая глазами жёлтый авто. Она не могла далеко уехать. Алисия плохо владела водительскими навыками, и, когда они куда-то уезжали, то за рулём всегда сидел он. Благодаря этому, сейчас ему не составило труда заметить знакомую машину.

Он зажал педаль газа и на всей скорости устремился за Алисией. Эти кошки мышки ему нравились, ведь он точно знал, что ждёт их, когда он догонит её. На лице у него заиграла предвкушающая улыбка.

В этот момент его обогнал другой автомобиль, становясь единственной преградой между ним и Алисией. Ярость в груди у юноши заклокотала, сопровождаясь злосчастными картинками в голове.

Он потянулся к телефону и набрал её номер.

Гудок. Гудок. Гудок.

В это время Алисия перевела напряжённый взгляд запла-

канных глаз на телефон, на экране которого высветилось имя причины её слез. Она долго смотрела на телефон, думая принять ли звонок.

В одно мгновение, до него донёлся звон разбившихся стёкол и визг автомобильных шин, которые замолчали также быстро, как и прозвучали. Испуганно устремив взгляд на дорогу, он увидел то, как желтая машина, точнее, остатки от неё – полыхали огнём.

Глава 1

Принстон,

Наши дни.

С раннего детства мне внушали о том, что нет ничего невозможного, но как можно говорить это человеку, руки которого скованы семейными обычаями, традициями и делом?! Чушь собачья, нет ничего невозможного для того, кто раскован, проживая жизнь, руководствуясь собственным выбором, а такое не обо мне. Даже за тысячу миль – родителям удаётся держать меня на поводке, словно собачку, отчаянно пытающуюся перегрызть эту линию, которая тянется от шеи к рукам её хозяев. Но где-то мне удаётся вытянуть поводок из их рук, и тогда я отрываюсь по полной, позволяя себе намного больше, чем-то возможно девушке, род которой, отчасти, примыкает к «голубой крови».

Мы не являемся частью королевской семьи, которая живёт во дворце, где на столе с левой стороны от тебя лежит пара вилок разного размера, с правой стороны – нож и две ложки, прямо – десертная вилка и ложка. Плюс к этому, по правой стороне тянутся три бокала, чашка с блюдцем, а противоположно им – ещё одна тарелка с ножом и салфетка. Нет, это не о нас, но эти правила этикета мне известны ещё с той поры, как меня пересадили с детского стульчика на цар-

ский трон в виде стула за столом. Мои родители с какого-то троюродного или четвероюродного родства решили, что мы являемся частью семьи во дворце и обязаны следовать всем правилам подобной жизни. Я, конечно, с ними в корне не согласна, но кто меня будет спрашивать? Это обязанность, а не выбор.

Благодаря связям родителей, я могла поступить в любой университет Америки и стран Европы. Но, недолго думая, я выбрала то самое место на карте, куда «королевский» нос моих родителей точно не сунется, и на этом спасибо. Их разочарованные лица вызывают у меня приступ рвоты и снятся по ночам, поэтому избавиться хотя бы от их вида – уже счастье. Но, к сожалению, от их влияния, как я полагаю, не смогу избавиться даже в гробу.

Готова поспорить, что моя задница уже посинела от многочасовой поездки от аэропорта до здания университета. И, наконец-то, на горизонте появился незнакомый мне Принстон, которому я необыкновенно рада. Да я рада всему, что спасет меня от родителей, а тут ещё и на целых четыре года, что безусловно потрясающе.

Шофер Джошуа, который возил меня ещё малюткой и сопровождал меня в самолётах, опустил окно, разделяющее пассажирскую часть машины от водительской. Мужчина улыбнулся мне через зеркало. И это была точно не та улыбка, которую нашей семье посылают другие. Это была та самая искренняя, бескорыстная улыбка, заставляющая мою брав-

ду пасть и улыбнуться в ответ.

– Почти приехали. Осталось только найти место на парковке, что, боюсь, будет не так просто, учитывая, сколько студентов здесь учится.

Повертев головой в разные стороны, я тоже обратила внимание на то, что машин здесь немало, а значит мой верный Джошуа будет вечность искать парковочное место. Я откинулась на кресле, думая, как скоро я смогу принять горячий душ и лечь в теплую постель. После поездки это единственное, что мне нужно.

В конце концов Джошуа всё-таки нашел место, и мне посчастливилось выйти из машины на свежий воздух и размяться, потому что сейчас по эластичности я напоминала дерево.

В это момент ко мне из неоткуда выпрыгнул грузный мужчина с сальными волосами и самым противным видом. Нет, дело не в чертах лица. Это скорее то, что меня мало волнует. Но улыбка, которую он посылал мне, взгляд его глаз, противно скольльзящий по мне, – заставляли мое внутреннее «я» приложить его чем-нибудь тяжёлым, не дожидаясь даже слов от него.

Проведя пухлой мозолистой рукой по волосам, заправляя их ещё больше назад, он обнажил зубы, пожелтевшие от табака.

– Здравствуйте, мисс Мелтон, меня зовут Этан Харрис. Для нас большая честь видеть вас здесь.

Даже не буду спрашивать его, откуда он знает меня: всё итак очевидно.

– Добрый вечер, мистер Харрис.

Мужчина быстро взглянул на часы и с ещё большей приторной улыбкой посмотрел на меня.

– Вы правы. Сейчас как раз вечер. Позвольте мне вас проводить до вашей комнаты в общежитии? – поинтересовался он, но что-то подсказывает мне, что это была простая формальность. И я была абсолютно права.

Не дожидаясь моего ответа, который был бы отрицательным, Харрис скрепил руки за спиной и важным шагом пошел к высокому зданию, стоящему недалеко от университета.

– Вы всех новых студентов провожаете до комнат? – откровенно насмехаясь, спросила я.

Губы Харриса изогнулись в нервной улыбке, но тут же вернулись в прежнюю позицию.

Раздраженный моим прямым вопросом, он потёр шею и махнул Джошуа, который всё это время шел за нами, держа в руках чемоданы с моими вещами.

– Третий этаж, комната 1703В. Женщина у входа поможет вам, – Джошуа кивнул и удалился в указанном направлении, оставляя нас наедине.

Мистер Харрис повернулся ко мне без фальшивой улыбки и приторного взгляда.

– Нет, не всех, Грейс. Вы и без меня знаете свою цену в обществе, поэтому к чему был этот вопрос?

– Вот и ваше истинное лицо, мистер Харрис, – мы без пяти минут знакомы с этим донжуаном, но он уже не вызывает у меня ни малейшего доверия. Он точно не будет тем человеком, к кому я обращаюсь за помощью даже с банальным расписанием.

Сморщив нос, будто почуял зловонный запах, Харрис качнулся на одних пятках, продолжая сверлить меня тяжёлым взглядом.

– Вам не о чём беспокоиться, я вас уверяю. Для меня играют роль ваши достижения в спорте, и ничего более.

– К чему вы клоните?

Мужчина раздражённо вздохнул. Пусть считает, что я глупая, чем будет думать, что сможет повлиять на меня. Я только избавилась от постоянного внимания и натиска родителей, и новый поводырь мне не нужен.

– Мы же взрослые люди, Грейс, – прошипел он сквозь зубы, оглядываясь по сторонам, будто где-то есть жучки, направленные следить за нами, – наша команда по женскому американскому футболу оставляет желать лучшего. И, несомненно, увидев вашу персону в списке кандидатов, я возложил на вас большие надежды. И я очень надеюсь, что вы их оправдаете.

От его заявления, кровь в венах забурлила с новой силой.

Я люблю американский футбол. Это – единственное, что помогает мне справиться с проблемами контроля гнева. В спорте не нужно следить за движениями, словами, эмоция-

ми. Хотя бы в спорте я могу позволить тебе делать то, что считаю нужным, в отличии от жизни, где максимум, что я могу делать самостоятельно – дышать.

Наверное, именно поэтому я добилась хорошего успеха в американском футболе, когда была девочкой-подростком в старшей школе. Хотя могу заверить, что большинство моих соперниц из других школ были вдвое больше меня, а то и втрое. Поэтому назвать этот спортивный период в моей жизни детским, у меня не поворачивается язык. Это было реальное месиво: мне дважды ломали руки, пару раз я получала сотрясение и бесконечно раз я лежала дома, обложившись льдом, из-за многочисленного количества гематом. Но даже травмы не смогут убавить мою симпатию к спорту. Именно поэтому предложение Харриса, которое звучало скорее, как утверждение, понравилось мне куда больше положенного.

– Вот мы и пришли, – объявил мужчина, возвращая меня из собственных мыслей, когда мы добрались до комнаты. Он уже пошел по направлению к лестнице, чтобы спуститься, но резко остановился, – я надеюсь, что вы хорошо подумаете над тем, что я вам сказал, и сделаете правильный выбор. До скорой встречи, мисс Мелтон.

С этими словами он скрылся.

Стоять и смотреть ему в спину, пока он исчезает из моего вида, я не видела смысла, тем более, когда этот мужчина становится мне противен с каждым сказанным им словом. Я открыла дверь комнаты, к которой меня привел Харрис, и

вошла. Но рассмотреть комнату я не успела, отвлекаясь на реально громкий визг рядом с моим ухом.

– Да не ори ты, – я попыталась закрыть уши, чтобы не слышать вопль девушки, но это мало помогало.

От возмущения эта банши открывала и закрывала рот, жадно хватая воздух, не в силах ничего сказать.

– Это я ещё кричу? Да ты кто нахрен такая? – она сжала руки в кулаки и прижала их к бёдрам.

В темноте комнаты я не видела даже её лица. Лишь свет солнца, которое вот-вот исчезнет за горизонтом, помог мне увидеть хотя бы размеры этой бестии. Как будто услышав мои мысли, девушка прошла мимо меня в другой конец комнаты и включила свет, вспышка которого тут же ослепила меня. Когда мои глаза привыкли к освещению, я смогла рассмотреть свою собеседницу.

Черные волосы крупными локонами ниспадали с плеч, ореховые глаза злобно смотрели на меня, позже быстро убежали, и выражения лица девушки стало растерянным. Только в этот момент, я оглядела комнату: белые, красные и синие шарики были развешаны по всей комнате; звёзды, прикрепленные ниточкой к потолку, развивались на лёгком сквозняке, доносящимся из окна.

Как только девушка открыла рот, чтобы на этот раз что-то сказать, телефон в кармане моих джинс зазвонил. На экране высветилась наша с Аланом фотография, где я в шутку целовала его в щеку, пока он ел гамбургер.

– Ты должна была прилететь два часа назад, Грейс. Где носит твою задницу? – раздалось из трубки и позади меня. Не знаю, где я в жизни так нагрешила, но, по великолепному стечению обстоятельств, Алан стоял в дверном проходе и с открытым ртом смотрел на меня.

Большие медовые глаза заискрились радостью, а его губы тронулись в приветственной улыбке. Издав радостный вопль, я кинулась к лучшему другу с объятиями, после чего, потрепала его заметно отросшую шевелюру.

– Джошуа долго искал парковочное место. Им в срочном порядке необходимо расширять территорию не под учебные корпуса, а под парковочные места, – улыбнулась я, дёргая волосы, цветом горького шоколада, – ещё чуть-чуть, и мы сможем сделать тебе дреды, либо я буду тренироваться на тебе в плетении кос.

– Тогда в первый же день, ты оставишь меня лысым, в таком случае, мы отложим идею с дредами на далёкое будущее, и пойдём покупать мне парик, – усмехнулся Алан своей тёплой улыбкой, – ты испортила мой сюрприз. Нужно было терпеть до тех пор, пока струйка не побежала из ушей.

Позади раздалось тихое покашливание. Девушка явно намекала на то, что мы тут не одни. Отстранившись от друга, я завернула лицо в сторону незнакомки, которая скрестила руки под грудью, смотря на нас с неким любопытством.

Из-за того, что Алан или я, можем обнять друг друга в любой момент – нас часто принимают за влюблённых, но это

ошибочное суждение. Мы лишь друзья и не более. Мы знаем друг друга всю жизнь, и это он помогал мне неделю назад паковать чемоданы в Лондоне, ворча о том, как много у меня вещей и зачем они мне вообще в другой стране. Его идею с новым гардеробом, который можно подобрать тут – я отрезала сразу. Денег у родителей куры не клюют, но я не горю желанием их брать, иначе так привяжу себя к дому ещё больше, таким образом, они будут следить за каждым фунтом, точней, центом в моём кошельке, а я и без того на коротком поводке.

– Мисс, – послышался голос Джошуа за спиной Алана. Повернув голову теперь уже к своему шофёру, я опустила глаза на четвёрку чемоданов возле него.

– Спасибо, Джошуа, – улыбнулась я, – их можно оставить тут.

Указав на свободное место у стены по правую руку, после чего, повернулась к девушке, но мой взгляд быстро перешёл за её спину, а точней, на то, что там стояло – кровать. В комнате две кровати параллельно друг другу, что повергло меня в замешательство, и не только меня. Искоса я заметила, что Джошуа свёл брови на переносице смотря в ту сторону, куда смотрела я.

– Мисс, – начал мой шафер, – мистер Мелтон чётко выражался, когда говорил о том, что для Вас была предоставлена одноместная комната. Я сейчас уточню, – кивнул он, и сделал шаг к двери.

– Нет, – резко вырвалось из моего рта, а глаза распахнулись и стали размером с орбиту, когда я обернулась к Джошуа. – Я прошу, не нужно. Я не хотела жить одна. Пожалуйста, – чуть ли не взмолилась я, смотря на удивлённого Джошуа, – не рассказывайте им.

– Мисс, но Ваш отец и мать, они... – заговорил он.

– Они не узнают, – оборвала его я на полуслове, – мы скажем, что Алан помог мне отнести чемоданы, а Вас – я отпустила. Я прошу... Джошуа...

На лице у мужчины промелькнуло сожалению: он прекрасно понимает меня, и мне даже кажется, что он единственный человек кроме Алана, знающий то, чем я живу. Обходя просьбу родителей, меня поселили не одну, а с девушкой, пусть и крикливой и достаточно странной, но даже ей я рада, все равно лучше, чем жить одной. Если это – не подарок судьбы, то что?

Состроив мордочку, с помощью которой я всегда выпрашивала шоколад у Алана, в последний раз попробовала:

– Они не узнают, Вам не о чем беспокоиться. Просто, пожалуйста, это очень важно для меня.

– Думаю, соблюдая осторожность, мы можем избежать наказание за эту самодеятельность. Но, если вдруг что-то пойдет не так...

– Я возьму всё на себя, клянусь, – энергично закивала я.

Улыбка, свойственная Джошуа, и без которой он – не он, скользнула на его лице. Я уже знаю, что он согласится, но на

всякий случай смотрю на него с мольбой, чтобы добить.

– Ладно, но мы делаем это всё на ваш страх и риск, – побеждено выдохнул Джонас. – Хорошей учебы, мисс Мелтон и мистер Джонас. До свидания.

– Спасибо, Джошуа, – одновременно ответили мы с Аланом, и мужчина удалился.

Меня распирало от радости осознания того, что я не буду жить одна в отдельном блоке, словно больной человек, опасный для общества. Уверенность в том, что родители не узнают про эту ошибку университета, конечно, не стопроцентная. Но мне и не нужна гарантия того, что все пойдет так, как нужно. Сейчас мне нужно лишь выпытать у Алана информацию о том, что тут происходит.

– Как давно ты приехала? Почему ты мне не сказала? – как только я приготовилась нападать на него с моими вопросами, он тут же прервал меня своими, – чтобы ты понимала, я с самого утра сидел и украшал комнату к твоему приезду. Да я даже купил твой любимый грёбанный тыквенный сок, который, если что, трудно найти.

– Ну вообще-то, ты не сам все делал, дорогой, – подала голос девушка, привлекая наше внимание, – я тоже помогала тебе. И по большинству всё делала как раз-таки я.

Очень интересно получается. То есть мой лучший друг, приехавший в Принстон за неделю до меня, уже обзавелся пассией. И, что забавно, заставил украшать комнату в честь меня, которую она даже не знает. Теперь я не удивлюсь, если

она и впрямь окажется моей соседкой.

– Спасибо, Сам, – обиженно надул губы Алан. Да, его сдали с поличным. С жутким раскаянием в глазах он посмотрел на меня, не отвлекаясь на хихиканье банши.

– Я правда старался, но ты же знаешь, что эта мелкая работа не для моих рук. Тем более, я – мужчина. В общем я мчался сюда, чтобы встретить тебя и как следует поздравить с исполнением Американкой мечты. Да я даже плакат сделал. Я сделал, а не Сам! – он указал на кусок бумаги над свободной кроватью с фотографиями и надписью «Добро пожаловать в Американскую месту, детка», – но по дороге сюда меня остановил мистер Харрис и начал говорить что-то про нового тренера, который прибудет к нам со дня на день. Представляешь, мне придется отвечать за то, чтобы он был введен в курс дела. Да я же сам новичок.

Не знаю, как мы свернули с момента про сюрприз, на тему Харриса и нового тренера, но от имени ублюдка—ректора у меня прошлась мелкая мурашка по коже и возникли рвотные позывы.

Кашлянув в кулак, банши снова заставила нас посмотреть на неё. Кажется, её уже порядком раздражает то, что ей приходится заставлять нас замечать её существование.

– Меня в общем-то Саманта зовут. Мы теперь вроде как соседки. Если честно, то для меня это тоже большой шок, но ты не расстраивайся, вдвоем ведь веселее, да? – ободряюще улыбнулась Саманта.

– Так ты тоже должна была жить одна?

– Нет, – махнула она рукой, – меня собирались поселить с подругой, но в последний момент к ней подселили мексиканку, а меня отправили сюда.

Значит, это только меня родители попытались изолировать от других студентов. Это даже не удивляет меня, были вещи и похуже: мама перевела меня на домашнее обучение из-за того, что в школе отказывались давать мне одноместную парту, а папа однажды выгнал моих друзей из дома, предварительно сказав им, что они даже не достойны дышать одним воздухом со мной, а нам, на минуточку, было всего девять лет. Они всегда ставили себя выше остальных, а соответственно делали также и со мной, что было невыносимо паршиво.

– Хорошо, – улыбнулась я, вновь переключив внимание на друга, который готов был бить кулаками в грудь, что он сделал плакат и даже повесил его. Но что-то мне подсказывает, что и тут ему помогла Саманта. Алан не управился бы один, скорей всего, сейчас на лёгком сквозняке могли развиваться два отрывка, так называемые плакатом. Но плевать, он ведь так старался, и я ценю это, как и его самого.

Алан всегда был в почёте и его лицо возглавляло список лучших учеников школы. Но многие глубоко заблуждаются, когда отдают ему должность ботана или паинького мальчика, это совершенно не так. Мой друг успевает везде, и иногда я всерьёз задумываюсь, не продал ли он душу дьяволу. Он кра-

сивый, умный, дружелюбный настолько, насколько это вообще возможно. Алан бросит всё и помчит на первом самолёте по первому зову, даже если ты пролила молоко на новую кофточку. Он смешной и забавный, его юмор легко понимает каждый. И кроме того, мой лучший друг – спортсмен, что определённо выделяет его из толпы. По этим малым причинам – у Алана даже есть собственный фан-клуб. Я не шучу. Ведёт его, конечно же, не он, но там больше двухсот девушек. Друг лишь плакал от смеха, когда я нашла подобное детище на фейсбуке и показала ему. Конечно, Алану было приятно, но подобного рода увлечение в виде парня, которого они видят только на обложке журнала в виде школьной газеты – вызывает у него смущённую и забавную реакцию. Тогда он покрутил головой и сказал, что это детские прибабасы: перерастут и успокоятся. Что ж, могу сказать о том, что фан-клуб Алана всё ещё существует и обновляется, потому что иногда, я тайно слежу за ним.

Я не сомневаюсь, что в его рекомендательном письме для университета расписали каждую мелочь, даже то, что он купил маркеры для доски, потому что старые прекратили своё существование в самый неподходящий момент. Если написать и собрать все мелочи, которые сделал Алан – можно в несколько раз обмотать весь Принстонский университет. И сейчас я без доли сомнения уверена, что лучшим – он будет тут. В первый же день его заметил противный ректор, хотя мой друг, ещё даже не был на лекции. Ввести в курс человека

доверили человеку, который сам не в курсе. Вот же умора, но даже с этим – Алан, безусловно, справится.

– Скажите мне, вы всегда никого не замечаете вокруг, когда находитесь вместе? – спросила Саманта, из-за чего я тихо засмеялась, посмотрев на Алана, глаза которого тоже озорно заблестели. Она определённо права. Нам никто не нужен, мы хорошо понимаем друг друга.

– Не говори ерунду, Сам, мы просто не виделись, – вежливо улыбнулся Алан, посмотрев на мою новоиспечённую соседку, – а вообще, я вижу, что мне пора валить, потому что Грейс сейчас напоминает Пиноккио.

– Кстати, – выдала я довольно громко, чем завоевала внимание двух людей, – я – Грейс.

– Я уже поняла, и Алан весь день талдычил твоё имя, будто я – рыбка Дори, которая спустя три секунды ничего не вспомнит, – улыбнулась Саманта.

– Э—эй, – смеясь, протянул друг, – я просто хотел, чтобы всё было идеально.

– Всё очень даже идеально, Алан, – заулыбалась я, протянув руку к его волосам, и проведя по ним в противоположном направлении. Алан это ненавидит, поэтому сразу начал выворачиваться и поправлять спутавшиеся локоны, – спасибо вам. И я действительно хочу упасть на кровать и не шевелиться, даже пол – сейчас мне покажется водным матрасом.

– Тогда, увидимся завтра? – поднял уголки губ Алан, переводя взгляд с Саманты на меня. Не нравится ли она ему

часом?

– Безусловно, – сразу кивнула я, и приняла объятия друга, который в знак мести, кулаком быстро поворошил по моей макушке, таким образом, намагнитив волосы, а это уже ненавидела я, поэтому вырвалась из его захвата и показала язык, – мне всё равно нужно в душ. Они придут в норму.

– Тогда я сделаю это в другой раз, – засмеялся он.

– Даже не думай об этом, – закрутила я головой, – иначе я подам в суд, и ты больше не приблизишься ко мне на несколько миль.

– Я подам апелляцию, – пошевелил он бровями, сделав шаг к двери, – до завтра, девочки. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Алан, – улыбнулась я, провожая его взглядом. То же самое сделала Саманта – пожелав ему доброй ночи. Повернувшись к соседке, я не нашла ничего лучше, чем просто улыбнуться.

Глава 2

Шагая в сторону нужного корпуса, я рассматривала каждую деталь в готической архитектуре строения. Каждый кирпичик в стене – приводил меня в невообразимый восторг. Эти шпили, которые врезаются в небеса, суровые массивы, тонкие стёкла и загадочность – поднимают каждую волосинку на теле.

Готический стиль поистине величественный и изумительный. Он не подвластен времени. Его ноты присутствуют не только в рамках старинных замков или храмов, он успешно сочетается с чем-то современным, что придаёт ему ещё более превосходящий над другими стилями колорит. Для меня – он одновременно романтичен и грозен. Он завораживает. В нём столько красок даже несмотря на то, что готика связана, в основном, с тёмными цветами. Я по-детски восхищаюсь историческими постройками, как ребёнок полученной шоколадке, в них столько тайн и загадочности. Столько событий хранят стены, которые были возведены с начала двенадцатого века.

Лужайка, на которой засиживались студенты, была красочной и манящей, что мне, по неволе, тоже захотелось присоединиться к другим, но я опоздаю, а меня где-то должен ожидать Алан. Мы договорились встретиться у арки, но где её найти? Точней, какая из них нужна мне?

Корпуса университета тянулись в разные стороны, но мои глаза нашли одну и самую большую арку по левой стороне, которая возвышалась над ступеньками соединяя парочку корпусов. Глаза вмиг обнаружили шевелюру друга, а ноги сами добавили себе темпа. Не люблю заставлять кого-то себя ждать. В школе я была капитаном, и зная моё отношение к опозданиям – команда никогда не задерживалась. Все они минута в минуту стояли перед моим лицом. Торопиться мне не хотелось, ведь я наслаждалась каждой частичкой свежего воздуха и той атмосферой, которая была присуща Принстонском университету, но ноги так не думали.

Минуя тропинку и ступеньки, я оглядела друга: чёрные потертые джинсы, таким же цветом футболка, поверх которой был накинут бомбер отсвечивающий под солнечными лучами, лишь кроссовки на Алане выделялись, потому что единственные оставались белого цвета. Плюс к его тёмной одежде с одного плеча свисал рюкзак. Сейчас он напоминал бунтаря, с которым определённо хотелось бы познакомиться и понравиться любой ценой. Искоса я заметила, что есть парочка женских компаний, с любопытством рассматривающих моего друга и перешептываясь между собой. Посылая ему улыбочки, они глупо хихикали и строили глазки, на что он смущённо опускал голову и запускал пятерню в волосы.

– Хорошо выглядишь, – улыбнулся Алан, когда я поравнялась с ним, – сон тебе пошёл на пользу.

– Э—эй, – засмеялась я, легонько шлёпнув его руке, – во-

обще-то я просидела в кресле самолёта половину суток, ты хоть понимаешь, какого это, спать в одной позе такое количество времени?

– Вообще-то, я понимаю, – засмеялся он в ответ. Глупо было такое говорить, ведь мы прилетели с одного города, просто с небольшим периодом во времени, – и как ты достала эту блузку? Я помню, что она была на самом дне чемодана.

– Пришлось приложить немало усилий, – улыбнулась я, поправив закатные рукава на нежно—розовой шифоновой блузке и покрутив верхнюю золотистую пуговицу, после чего, я отряхнула белые джинсы и поправила сумку на плече.

– Ты идёшь не на встречу с королевой, а на лекцию, Гри, – дружелюбно усмехнулся Алан, – ты прекрасно выглядишь.

– Ты уже помог тому, кому должен был помочь? – спросила я, когда мы направились внутрь арки, которая растянулась в несколько футов.

– Нет, мистер Харрис говорил о двенадцати часах. Нужно подойти к административному корпусу. Чёрт, я даже не знаю, где найти административный корпус, не говоря уже о том, чтобы помочь. Думаю, что мы будем бродить тут как два идиота в поисках иглы в стоке сена.

– Может, тебе хотят поручить провести для него экскурсию по университету? – захихикала я.

– Очень смешно, Гри, – закатил глаза Алан, дёрнув меня за локон волос, – ты уже вступила в команду?

– Думаю, что мистер Харрис сделал это за меня, – пожа-

ла я плечами, когда Алан открыл перед моим лицом массивную деревянную дверь и пропустил вперёд. Да, ещё он джентльмен, который пропускает вперёд, открывает дверь, носит рюкзак и помогает с пакетами.

– Да, твои спортивные успехи были явно основополагающими для зачисления, – хохотнул друг.

– Э—эй, – снова шлёпнула его по руке я, – тебе не стыдно говорить мне такое?

– Гри, ты выбрала биологию в дополнение к основным экзаменам, но поступила на факультет искусств, как такое ещё можно обосновать?

– Может, я просто являюсь способной ученицей, – довольно улыбнулась я, – и я люблю биологию и рисование.

– Да, твоей первой художественной работой тут – будет какой-нибудь человеческий орган, – засмеялся Алан.

– Будешь ещё болтать, и я нарисую твою печень, при чём, она будет моей натурщицей.

Алан посмеялся над моими шутливыми угрозами, а я окинула взглядом широкий коридор, по которому мы вышагивали. В какой-то момент я почувствовала себя не иначе, как в Хогвартсе, потому что над головой свисали светло серые кирпичные закруглённые арки, точно такими же были стены. Доведя меня до нужной двери, где я увидела необходимый номер, Алан подмигнул мне и зашагал к своей, предварительно пожелав *«не уснуть на интереснейшей лекции по истории изобразительных искусств»*. Для меня – это увле-

кательно и интересно, для Алана – скука смертная, поэтому вслед, я пожелала ему не помереть на веселейшей лекции по истории Европы, потому что друг поступил на факультет политологии.

Проводив его взглядом до тех пор, пока спина друга окончательно не скрылась в толпе студентов, я зашла в амфитеатр.

Величественные окна тянулись по всей длине стены за рядами, которые возвышались над профессорской трибуной. В этот момент я почувствовала себя настоящей студенткой. Это далеко не школа. Стулья и столы, вытянувшиеся полукругом от стены до стены, три крупные люстры в готическом стиле нависали по всей длине свободного пространства. В аудитории было огромное количество света, который исходил из массивных окон.

Заняв свободное место на втором ряду вблизи профессора, я достала ноутбук и с нетерпением ожидала начала лекции. Дальние ряды выбирают лишь те, кто желает поспать, либо же ему не интересно, хотя я искренне не понимаю таких людей. Они не ценят свободу, которую так желаю получить я.

Родители были против моего поступления на данный курс, но преподаватели в школе всё же смогли их переубедить, говоря о том, что у меня талант и его нельзя губить. Они не особо разбираются в искусстве, скорей, моя семья очень хорошо владеет в музыкальных направлениях, особен-

но теми инструментами, где можно подёргать за мои нервы. На моих струнах – они играют словно на гитаре, и уверяю, эти линии могут в один момент дать слабину и порваться.

Думаете, родители так слепо поверили преподавателям? Чепуха. Они позволили мне поступить на факультет искусств только тогда, когда продали мою любимую, написанную мною же, картину, что принесло им не хилую сумму в карман, а мне – разочарование. Она была одной из первых, написанных моею рукой. Конечно, среди денег, которые есть у родителей – продажа картины лишь капля в море, но это было сделано только для достоверности и убеждения. Только после подобной продажи и отзывов – они окончательно позволили мне поступить на художественный курс. Сейчас я могла сидеть рядом с Аланом, либо на факультете юриспруденции, либо вовсе надеть белый халат, чтобы стать врачом. И подобный выбор родителей – вызывает у меня лишь рвотные позывы, которые в дальнейшем закончатся асфиксией.

– Доброе утро, друзья! – начал седовласый профессор, поправив очки и заняв место на трибуне, опираясь на неё локтями и поддавшись вперёд, – пожалуй, пора начать, не будем терять времени. И, думаю, мне стоит представиться для новичков. Можете обращаться ко мне – профессор Фаринсон. Но я сделаю вид старого дурака, который не знает, что в университетских коридорах вы зовёте его «мистер коричневый пиджачок». Для тех, кто не в курсе – когда-нибудь, вы услышите историю происхождения данного наименования, а

сейчас, приступаем к работе.

Удивлённая таким названием, я поджала губы и вновь их разжала, открыв следом ноутбук, лежащий перед лицом, где создала новый документ по данной лекции. Подняв глаза, я вновь посмотрела на профессора Фаринсона, который поправлял коричневый пиджак и, кажется, я догадываюсь о подобном негласном имени для него, который создали студенты. Взгляд янтарных глаз нашёл меня в толпе и остановился, пристально вглядываясь в моё лицо. Вероятно, о «её королевском величестве» – знают все, что отвратительно. Я не хочу выделяться из толпы, я просто хочу спокойной и одновременной бурной студенческой жизни, а не тыканье в собственную сторону указательным пальцем и предложения дешёвой дружбы.

Моё желание только одно: быть наравне с другими. Но, вероятно, с фамилией Мелтон – это невозможно сразу при рождении. Я уже в команде по футболу, и совершенно не буду удивлена, если мистер Харрис сделает из меня чуть ли не народное достояние, чью статую возведут по центру от главного входа в университет.

– Все мы знаем, что существует два вида направления живописи: станковый и монументальный. Наверняка кто-то из присутствующих, занимался монументальной, даже сейчас это делает, – сказал профессор, смотря в самую верхнюю точку рядов, куда все студенты быстро завернули головы, в том числе и я, – я, конечно, понимаю, что Вам хочется под-

черкнуть предназначение стола в этом кабинете, но давайте остановимся на стенах для граффити, а не на резьбе по дереву!?! – иронично проговорил он.

Парень, чем-то шаркающий по столу, вмиг остановился и помрачнел, заметив, как десятки глаз устремились в его сторону. Отложив свой инструмент, он что-то тихо пробубнил и скатился по стулу вниз, из-за чего мне стало видно лишь его торчащие рыжие волосы в разные стороны.

– Спасибо, – кивнул седовласый мужчина, вновь окинув взглядом студентов, – сегодня мы не будем говорить о видах живописи, их слишком мало и каждый выберет свой собственный, наиболее удобный и подходящий для него. Сегодня я хочу обсудить с вами основные стили живописи. Их пять, и я хотел бы, чтобы к следующей лекции – мне поступили доклады на почту с Вашим мнением об определённом стиле. Не нужно затрагивать все, я прошу лишь один, который Вы должны раскрыть от себя. Готов кто-нибудь поделиться собственным мнением прямо сейчас? – вновь провёл взглядом по студентам профессор, и мне захотелось убиться, потому что его глаза застыли на мне, – мисс Мелтон? Не желаете поведать нам Ваше мнение, и назвать более понравившийся стиль?

Вздыхнув, я прокляла свою фамилию, которая словно красное знамя маячило над моей головой. Что ж, я хочу стать хорошей студенткой, поэтому стоит ответить.

– Я не предпочитаю ни один из тех стилей, о которых Вы

сегодня говорите, – пожала я плечами, – по мне, так это вычурное умершее прошлое. Величайшие картины в данных стилях были написаны сотни лет назад, и сейчас их никто не способен повторить, либо сделать что-то лучше. Новые и современные стили превосходят в яркости и красочности.

– Я видел ваши работы, и хотел бы их обсудить по завершению лекции. Вы, мисс, я так понимаю, предпочитаете что-то в стиле абстрактного экспрессионизма. Что именно привлекает Вас в данном стиле?

– Эмоции, – сразу ответила я, пожав плечами, – это выражение человеческих чувств в определённый момент, которые он отражает на холсте. То, что вы рисуете – и есть вы. Ваши переживания, тревога, радость, грусть, тоска и весь остальной спектр эмоций. Всё это можно увидеть по цветам, которые останутся на картине. Это жизнь, которую вы переносите во внешний мир с красками.

– Хорошо. Что Вы скажите о картине Малевича. Я имею в виду «Чёрный квадрат», – улыбнулся он.

– Супрематизм очень схож с абстракционизмом. Эти два стиля почти родственники, потому что отказываются от конкретных изображений. Если в супрематизме для создания картины, Вам необходимо провести геометрическую линию вдоль холста, то в абстракционизме достаточно не глядя махнуть кистью, оставив блямбу. Но эта полоса или капля – уже будут отражать ваши эмоции. И существует множество спорных теорий на счёт данной картины. Одни говорят, что Ма-

левич просто не добился нужного результата и решил измазать написанную картину, таким образом, получив чёрный квадрат. Образно говоря: психанул. Другие скажут, что он, не думая, вставил квадрат в белую рамку. Я же не примыкаю ни к одному из мнений. Для меня эта картина говорит о том, что чёрный цвет преобладает над остальными. Если смешать все краски в кучу, то выйдет – чёрный. Вряд ли Малевич думал о чём-то в этот момент. Он выражал то, что у него лежит на душе, таким образом, он абстрагировался от внешнего мира, а мы получили данное произведение искусства.

– Я поражён ходом Ваших мыслей, но как же барокко, классицизм и другие основные стили? – с блеском в янтарных глазах, смотрел на меня профессор.

– Я уже сказала, что это вычурно. Данные стили остались в прошлом, на смену им пришла яркость и незамысловатость.

– И вы предпочитаете эту незамысловатость?

– Да, – согласно кивнула я, – я отражаюсь на холсте, в этом разве не суть любого искусства? Музыка, рисование, спорт, литература. Конечно, сейчас Вы начнёте глаголить о чём-то *«прекрасном»* в виде Джоконды и тому подобном, но к чёрту прекрасное, профессор. Кто-то отдаётся душой музыке, подбирая аккорды или стихи, кто-то находит себя в живописи, кто-то в письме книг, а кто-то в спорте. В любое дело – мы вкладываем душу.

– Свою душу Вы отдаёте изобразительному искусству? – вежливо улыбнулся мистер Фаринсон. И мне показалось, что

наш диалог слегка затянулся, потому что остальные студенты хоть и оставались оживлёнными и заинтересованными в нашей дискуссии, но с каким-то временем этот интерес потухнет.

– Я отдаю её ещё спорту, – коротко отрезала я.

– Разве спорт можно считать искусством? – вскинул он брови, из-за чего его очки подпрыгнули вместе с ними и чуть ли не слетели на трибуну.

– А разве нет? Искусно владеть мячом, шайбой, коньками, оружием – не является искусством!? По мне, так это и есть искусство, но лишь в различных направлениях.

– И чем искусно владеешь ты? – слышалась насмешливость с левой стороны от меня, на что я обернулась и кинула хладнокровный взгляд в светловолосого, слащавой внешности, парнишку, который решил выделиться из толпы зевак.

– Тем, что легко попаду футбольным мячом в самое яблочко между разрезом твоих глаз, даже если мне закроют глаза и отведут на сто ярдов от тебя, – сухо ответила я, чем явно ошеломила всех присутствующих, – с удовольствием могу предложить тебе опробовать сие искусство владение мячом на поле.

После произнесённого мою предложения – парень сощурился, но, вероятно, поверил мне на слово, потому что закрыл рот, не решаясь чем-то ответить. Слабак. Ещё раз бросив в него смирительный взгляд, я повернулась к профессору и улыбнулась.

– Ещё, я искусно владею тем, что легко могу заткнуть любую выскочку, решившую попортить воздух своими бессмысленными изречениями.

– Мы отошли от темы, – прокашлялся профессор, явно изумленный моими последними словами. Плевать, потому что я не позволю какому-то имбецилу, считающему себя властелином мира, шевелить языком там, где им махать не стоит.

Продолжив свою лекцию, профессор коротко, но вполне понятно рассказывал о каждом стиле и на его взгляд, самых знаменитых и запоминающихся в том или ином направлении художников.

По приходу в кампус – я с удовольствием займусь докладом, приступить к которому – у меня уже чешутся руки. Я внимательно вслушивалась в слова профессора, оставляя для себя небольшие пометки, чтобы прочесть побольше о том, чего ещё не знала, либо же знала, но не так глубоко, как хотелось бы сейчас.

Я не знаю, чего желаю получить от данной специальности, я просто понимаю, что должна присутствовать именно тут и сейчас на том месте, которое занимаю. Это моя отдушина, как и футбол.

По завершению лекции, засунув ноутбук в сумку, я уже было направилась к выходу из амфитеатра, когда услышала собственную фамилию из уст профессора, подзывающего меня к себе. В какую-то секунду, я даже подумала, что дей-

ствительно позволила себе лишнего, но ведь я была права, потому что намёки слащавого – были далеко не двусмысленными. Он выразался вполне конкретно. С удовольствием бы двинула по его напыщенной ухмылке и думаю, что вполне могу это сделать, если он ещё раз откроет рот, перейдя рамки дозволенного. Милая и робкая блондинка, которая думает не головой, а губами из силикона – не обо мне.

– Мисс Мелтон, я хотел бы обсудить с Вами работы, которые Вы прислали, – улыбнулся профессор.

– Эм, хорошо, – медленно кивнула я, делая несколько шагов к столу, где он собрал чемоданчик и отложил его в сторону, поправив пиджак. Я снова заметила этот жест и загадка на счёт «мистер коричневый пиджачок», становится для меня более понятливой, разве что там упоминает коричневый цвет. Возможно, что он просто носит пиджак этого оттенка ежедневно.

– Меня восхитили Ваши работы, и сейчас, когда мне удалось узнать Вас побольше, – откашлявшись, начал профессор, – я начал лучше понимать Вас.

– Спасибо, – ответила я, не находя ничего лучше, чем подобная словесная благодарность.

– Мой друг – Антуан, устраивает выставку молодых художников, и мне очень хочется, чтобы Вы приняли в ней своё участие.

На какой-то момент – я опешила, обдумывая его предложение, которое явно не понравится родителям, строго сле-

дядицами за моими «художествами», как они любят их называть. С одной стороны – это шаг в будущее, ведь не зря же я поступила на данный факультет, а с другой – мнительная затея. Есть сомнения, что подобное предложение не связано с моей фамилией, либо же вовсе дело рук родителей, которые пытаются запихать меня везде.

– Я подумаю, – ответила я, спустя минуту молчания.

– Мисс Мелтон, Ваши работы действительно воодушевляют и эмоционально воздействуют в приятном смысле этого слова, – вежливо улыбнулся седовласый профессор, смотря на меня сквозь крупные линзы очков, – выставка будет проходить через пару недель, но Ваш ответ, мне необходимо получить за неделю.

– Хорошо, – кивнула я, сделав шаг назад.

– Мисс Мелтон, я рад, что Вы выбрали Принстонский университет для раскрытия Вашего таланта, – остановил меня словами он, но время на часах уже говорило только о том, что в эту минуту – я должна менять повседневную одежду на спортивную форму.

– Спасибо, – натянуто улыбнулась я, – мне нужно поспешить. Извиняюсь.

Свои прощания – я выразила уже тогда, когда практически выскочила из двери, и чуть ли не снесла с ног того слащавого парня, который будто поджидал меня. Обернув его, я поскакала вприпрыжку по малознакомым коридорам на тренировку, которая уже вот-вот должна начаться, а на мне всё

ещё белые джинсы, готовые поцеловать и собрать всю грязь с земли.

С горем пополам добежав до раздевалки, которую я, кстати, с таким же горем пополам нашла в стенах университета, я распахнула дверь и быстро проскользнула внутрь. Времени у меня мало, а точнее, его вообще нет. Я уже в минусе и это жутко выводит меня, потому что я всегда приходила раньше других, чтобы вдоволь насладиться одиночеством на поле. Для меня было истинным наслаждением то, если рядом никого нет, а я в это время слушаю любимую музыку и колдую над новой картиной, либо же над тактическим построением команды.

Быстро скинув с себя блузку, я сменила её на черный топ, который сидел на мне, как вторая кожа, а на ноги натянула легинсы и такого же цвета, что и топ, кроссовки. В команде нашей школы у нас была форма, которую нам нужно было носить на тренировки. В чем занимаются здесь – для меня чёртова загадка, которую я не тороплюсь разгадывать. Если, будучи в школе я старалась показать себя, то здесь я буду заниматься только ради себя и точно не ради Харриса.

Все девушки уже выбежали на поле, оставив меня в раздевалке одну, поэтому, наспех скрутив пучок на голове, я вышла вслед за ними.

Зелёное поле размером сто двадцать на пятьдесят четыре ярда, которое, если честно, выглядит даже более идеальным, чем, то же поле у нас в школе. Кто бы что не говорил,

но поверхность, на которой вы играете, структура и ухоженность, – это тоже вносит свою лепту в результативность вашей игры.

Десять девушек уже разминались, а трое, которые по-видимому являются запасными, сидели на скамье и слушали музыку. Будет забавно посмотреть на них, когда одной из этих дамочек прилетит мяч в лицо. Готова поспорить, что я буду первой, кто кинет его в них, причём специально. Хотя темнокожая девушка, вдвое больше меня ростом и с самым атлетичным телом из всех, что я видела у женщин, смотрела на эту троицу с таким же азартом и безумством, что и я.

Недолго думая, я направилась именно к ней.

– Грейс, – представилась я, когда почти дошла до девушки, но я не сомневаюсь в том, что она меня услышала.

С дружелюбным лицом она повернулась ко мне и вытянула руку вперёд.

Только не говорите мне, что американцы так здороваются. Ещё говорят, что британцы странные, – фыркнула я у себя в голове, но, естественно, держала язык за зубами.

– Мадонна, но для друзей просто Донна, – как только я вложила в ее большую ладонь свою крошечную, она сжала её с такой силой, что мои костяшки склеились в одну. Затем она – Мадонна притянула меня к себе и безумно крепко обняла, да так сильно, что наши ребра поцеловались.

– Мадонна, – прохрипела я, пытаюсь оттолкнуть её от себя, подметив, что больше к ней даже близко не подойду.

– Просто Донна, Грейс. А как тебя называют друзья? – все также сжимая меня, спросила она.

У меня не так много друзей, а точнее всего один друг, который не так часто, но называет меня Гри. И, чёрт возьми, я ненавижу это прозвище, которое напоминает кличку собаки. Так что этой любимице обнимашек придётся разочароваться во мне.

Наверное, я слишком долго молчала, потому что Донна испугано отпрянула от меня, схватила за плечи и держала перед собой.

– Никак. Меня никак не называют друзья. И, пожалуйста, не делай так больше, иначе тебе придется прятать труп, а я не маленькая, так что, Донна, тебе придется искать место побольше, – попыталась я отшутиться, но кажется она заметила, как я судорожно хвастаюсь за кислород, пытаюсь не упасть в обморок.

Девушка легко отмахнулась и выпустила меня из своей мёртвой хватки. По-моему, я даже прошептала слова благодарности Богу, но это точно было не специально.

– Не лги себе. Ты самая маленькая девочка в нашей команде, кроме Полли. Кстати, ты уже знакома с ней?

Отрицательно покачав головой, я остановила себя от дальнейшего объяснения. Сомневаюсь, что ей нужно знать, как мои родители долго не отпускали меня в университет, и выпустили в последний момент, но под вечную слезку Джошуа, которому родители поблизости сняли квартиру для

лучшего наблюдения.

– Кто такая Полли? – задала я встречный вопрос, на что она тяжело вздохнула.

– Я не так давно познакомилась с ней, если честно, но уже могу сказать, что она – сука, которая мечется в лидеры команды. Так что если ты собираешься идти в капитаны, то быстрее оставляй эту затею, пока она не съела тебя живьём.

– Она – отстойный капитан, судя по тому, что на данный момент её задница не присутствует на поле, – улыбнулась я, а Донна пожала плечами.

Может, Донне всего лишь показалось, что девушка – сука, но что-то подсказывает мне, что эта жизнерадостная Донна не просто так решила такое на её счёт. Во всяком случае, если она всё-таки окажется такой, какой её представила мне Мадонна, я поставлю эту девочку на место самым жестоким путем из всех.

Я не успела сказать это вслух, как раздался звонкий хлопок в ладоши рядом с нашей группой девушек. Все мы были одеты по-разному, и, кажется, это даже взбесило тренера, в виде подтянутой рыжей старушки.

– Вам не выдали форму, новички?

– Нет, тренер, – хором ответили мы, на что женщина удовлетворённо кивнула нашей дисциплине.

– После тренировки зайдите к Миссис Эванс, чтобы она выдала вам вашу форму. А мы начинаем, – громко сказала она и снова хлопнула в ладоши. – Меня зовут тренер Мак-

кой, и вам придётся очень постараться, чтобы называть меня так.

– А что, можно называть Вас как-то по-другому? – спросила пышногрудая брюнетка в другом конце строя.

Тренер хладнокровно улыбнулась, и мне даже показалось, что она была готова проглотить эту несчастную.

– Да, новичок. Ты можешь никак не называть меня, если не будешь в моей команде. Два выбора, вникаешь? Либо в команде, либо за дверь. Решать вам, новички, – если она ещё раз скажет «новички», я начну выть на луну. – Какое звание у вас было в школе?

Звание? Мы, нахрен, в армии?

– Фулбек, – крикнула блонди.

Не знаю, что не понравилось в ней тренеру, но та скорчила гримасу ужаса.

– Корнербек.

– Центр.

– Лайнбэкер.

– Фри сейфти.

Девушки продолжали называть свои «звания», а тренер Маккой кивала, иногда смеялась и фыркала. Очередь дошла и до нас с Донной.

– Тэкл защита, – громко сказала Донна. Примерно на защите я и представляла эту большую девушку.

– Серьёзно? Какой хрен поставил тебя на защиту? Ты огромная, новичок, и должна играть в нападении.

Это. Просто. Омерзительно.

Говорить человеку, твою мать, девушке, что она огромная? Вы серьезно?

– Простите, мэ, – шмыгнув носом, оскорблённо пробормотала Донна. Мне захотелось пихнуть её в бок, чтобы она не извинилась, ведь она даже ни в чём не виновата.

Но тренер уже сконцентрировалась на мне.

– Главный квотербек, – стальным тоном объявила я свою позицию в игре.

– Как хорошо ты играешь?

– Я надеру вашу задницу, – стиснув челюсть до жалобного скрипа, прохрипела я, на что женщина улыбнулась.

Я не веселю тебя, сучка, я пытаюсь вывести тебя из себя за мою новоиспечённую подругу.

– Сыграем? – спросила тренер.

Если я откажусь, то стану посмешищем и грушей для битья этой сучки. А я точно не могу этого допустить.

– Один на один. Мяч Ваш, тренер. Я даю Вам фору, – объявляю я и кидаю ей продолговатый кожаный мяч со шнуровкой, который лежал рядом с моей ногой.

Маккой с надменной улыбкой двигается к скримеджу, пока я хрустела костяшками, встав лицом к линии нападения. Как только свисток, который тренер дала одной из девочек, просвистел, мы собрались кинуться друг на друга. В мои планы входило держать драйв всю игру и в конечном счёте выиграть, но уже знакомый мне ректор громко заорал.

Он собирается портить мне каждый день своим эффектным появлением?

– Какого чёрта здесь происходит?

Кажется, что сучка-Маккой не такая смела, при виде Харриса. Тренер быстро скинула мяч с моих рук, который я успела схватить со свистком.

– Проводим воспитательную беседу, мистер Харрис, – приторно пропищала она, поправив свою футболку. – А что собственно случилось?

– Случилась Ваша некомпетентность, – рявкнул он на неё, отчего она спрятала голову в плечи, как испуганная собака поджимает хвост. Он перевел свирепый взгляд на нашу компанию, – можете идти в раздевалку, дамы, на сегодня тренировка окончена. И знайте, что с завтрашнего дня у вас будет новый тренер. Всем до завтра, а Вас, мисс Мелтон, я попрошу остаться.

От его тона, не терпящего возражений, мне пришлось сделать так, как он просит, хотя внутреннее противостояние всё-таки совершилось.

Всё девушки пошли в раздевалку кроме Донны, которая стояла возле входа и сверлила меня взглядом, задавая немой вопрос. Я приятно удивилась заботе с её стороны, и кивнула ей, чтобы она могла оставить нас с ректором наедине.

– Вы, миссис Маккой, тоже можете идти.

– Сэр, я...

– Идите, – прошипел он, и тренер, вздёрнув подборок

ввысь, зашагала прочь с поля, периодически поворачивая голову в нашу сторону.

Как только дверь за ней захлопнулась, я с наигранным равнодушием окинула взглядом ректора. Уже другой костюм сидел на нем достаточно хорошо, прикрывая пивное брюхо.

– О чём вы хотели поговорить со мной?

– Ты подумала на счёт моего предложения? – с нетерпением спросил Харрис, перебив меня. Неужели я так сильно нужна команде? Или во мне нуждается Харрис из личных целей? Может кто-то предложил ему серьёзную сумму за победу Принстона в матче этого месяца? И ещё миллион вопросов сменяются один за другим в моей голове, и ни на один нет ответа.

– Подумала и решила согласиться.

На самом деле, конечно, я не думала. У меня попросту не было времени вспоминать ректора и его рекомендацию вступить в команду. Но спорт нужен мне, и я это понимаю.

Харрис улыбнулся, становясь похожим на Чеширского кота, которому дали мяту.

– Я рад, мисс Мелтон. Очень рад, – покачивая головой, он скрепил руки за спиной в замок и ушел с поля, оставляя меня позади.

Не знаю, что с этим мужчиной не так, но, кажется, что-то движет им, и это далеко не лучшие побуждения. Характером и своим поведением он с каждым разом напоминает мне моего отца, а он один из самых противных людей в моей

жизни, которые всё делают лишь ради собственной выгоды. Не желая больше находиться на поле, я пошла в раздевалку, которая к моему приходу – осталась пустой. Неужели диалог с ректором был столь долгим? Наспех стянув с себя одежду и нижнее белье, я намеревалась принять душ. И в тот момент, как я сделала шаг к душевым – дверь распахнулась, и очень сексуальный парень возник на пороге раздевалки, где стояла я, причём голая и практически безоружная, если не учитывать ноутбук в сумке, которым я, конечно, легко могла двинуть ему, если бы собственные руки были свободны.

Мужчина с тёплыми карими глазами, эротичной щетинной, о которую я захотела потереться щекой, рельефным телом, которое скрывается под обтягивающими джинсами и футболкой с коротким рукавом – окинул меня холодным взглядом, а затем посмотрел в самые глаза. От его взгляда – я невольно вздрогнула. Ни злой, ни разочарованный, ни обвинительный вид моих родителей не сотрясали меня так, как это делает этот парень.

– Даже не будешь визжать? – это должно было прозвучать как шутка, но его тон был далеко не весёлым. Простое сухое безразличие и только.

– Может ты выйдешь, умник? – огрызнулась я, прикрывая руками всё, что могла. Жаль, что я слишком далеко закинула одежду, и если попытаюсь достать её, то парню откроется полный вид на мои прелести.

– Не переживай, ничего интересного я не увидел. Не впечатляет, – скрестив руки на мощной груди, он поиграл желваками и вышел.

Растерянная и злая ещё минут пять, я стояла и пыхтя смотрела туда, где видела этого придурка. Какой-то идиот, который страдает картографическим кретинизмом и не более, но, чёрт возьми, очень сексуальный идиот.

Глава 3

Продолжая внутренне кипеть, я тяжёлым шагом огибала столики со студентами. Когда чёртов горячий потеряшка, который перепутал двери и лицезрел на меня голую, вышел, я не нашла ничего лучше, чем поддержка старого доброго Алана. Для этого ведь нужны друзья, не так ли? Поэтому я написала ему с просьбой встретить меня, добавив капсом, что я в ужасном состоянии и как никогда нуждаюсь в нём. Парень оказался в кафе и предложил мне присоединиться к нему, и я, конечно, не отказалась, потому что парочка эклеров значительно поднимет моё настроение.

Заметив темную макушку своего друга, я тут же ринулась к нему. Он тоже заметил меня, а также увидел выражение лица, с которым я летела к нему. Алан испуганно встал с места, и я налетела на него, прижимаясь головой к его груди. Обняв его за торс, я крепко прижала его к себе, вдыхая запах одеколона, который уже стал до безумия родным. Алан опешил, но сразу же обнял меня в ответ, поглаживая спину рукой.

– Все настолько плохо, Грейс? Кому нужно надрать задницу? – шепнул он на ухо.

Вот он – мой лучший друг, готовый всегда помочь мне, поддержать меня и надрать задницу не пойми кому. Кажется, что я начинаю обожать его всё больше и больше с каждым

днём. Хотя я уже и не понимаю, куда можно больше.

– Какой-то идиот перепутал двери и зашел в женскую раздевалку. А там я была.

– С кем не бывает, Грейс. Ты однажды перепутала мужской туалет с женским, и пускай они и не были против, что ты зашла к ним в туалет, – тихо рассмеялся Алан, продолжая гладить мою спину. Странно, но этот жест на самом деле успокаивающе влиял на меня.

– Я была голой, – прошептала я

Алан тут же схватил меня за плечи и отодвинул от себя, взглядываясь в мое лицо и пытаюсь понять, шучу я или нет.

Хотела бы я, чтобы это было шуткой.

– Ты сейчас серьёзно? – напряжённо спросил он, а его голос надломился. Кажется, я уже начинаю жалеть о том, что рассказала ему, – Господи боже, Грейс, как это вышло?

– Откуда я знаю? Сам же сказал, что со всеми бывает.

– Ты была голой, – взревел он на все кофе, и чуть тише повторил, – ты была голой. Кто он? Скажи мне кто он, и я убью его.

– Конечно, дорогой. А сейчас прекрати злиться. Даже я остыла под твои разгневанные вопли, – Алан попытался мне возразить, но я тут же перевела тему, – провёл экскурсию?

Мой план успешно сработал, потому что биение его сердца замедлилось, и он перестал быть очень горячим, как уголь, пылающий огнем.

– Провел.

– Ты так и не узнал, почему именно ты?

Он закатил глаза и улыбнулся.

– Конечно, узнал. Меня поставят капитаном команды по лакроссу, поэтому мистер Харрис решил, что именно мне следует помочь новому тренеру.

Обрадовавшись за Алана, я вновь притянула его к себе в объятия в то время, как позади раздался рычащий голос.

– Кто это? Почему она обнимает его? Саманта, какого черта ты спокойно сидишь, будто это тебя не касается? Ты не видишь, что бешеная фанатка без чувства собственного достоинства прилипла к Алану?

Бешеная фанатка?

Ярость во мне, которая совсем недавно была направлена на сексуальный объект с неизвестным именем, перешла на суку, сидящую рядом с моей соседкой. Волосы девушки было красиво уложены и крупными локонами лежали на груди. Надменный взгляд зелёных глаз рассматривал меня с ног до головы, а алые пухлые губки скривились от отвращения.

– Полли, что ты несёшь? – грубо осадил её Алан и отодвинул мне стул за столом, чтобы я присела. Этот жест не остался незамеченным этой Полли. Девушка покраснела от злости и сжала руки, покоящиеся на столе, в кулаки.

Я, естественно, поняла, что к чему. Девочка влюбилась в моего лучшего друга и ревнует – как же ожидаемо. Мое нутро трепетало заявляя, что я должна проучить эту безмозглую девицу, которая слишком много о себе возомнила. Поэтому

я послала сладкую улыбку Алану, положила свою ладонь ему на бицепс и медленно присела за стол, не отрывая взгляда от Полли. И, о боже, я почувствовала безумное ликование, когда она со всей силы дёрнула ногой под столом, больно ударившись коленкой.

– Думаю, что вам нужно нормально познакомиться. Полли, это Грейс, моя любимая подруга, – улыбнулся мне Алан, даже не взглянув на Полли, у которой от слова «любимая» дёрнулся глаз.

– Приятно познакомиться, – ложь. Мне не просто приятно познакомиться, мне *очень* приятно познакомиться, ведь я теперь твой ночной кошмар.

Она натянуто улыбнулась, а руки вздрагивали. Кажется, она хочет убить меня, что несомненно станет рекордом, потому что мы знакомы всего пять минут.

– Может тебе стоит представить... – она сморщила вздёрнутый носик, – Грейс Саманте?

– Мы уже знакомы, – легко ответила Сам и откусила сэндвич. Похоже, что она здесь единственная, кто не чувствует эмоционального напряжения.

– Да? И откуда? – Полли нахмурилась и уставилась на жующую Саманту, словно та была гребаной шпионкой и периодически передавала ее секреты мне.

Но Сам не обратила внимание на тон Полли и, продолжая есть, пробубнила:

– Она моя соседка по комнате.

Я говорила, что Полли злилась, когда я касалась Алана? Так вот теперь она просто в бешенстве. Зубочистка, которую она держала в руках, сломалась со звонким треском.

– Так это ты, та богатенькая Барби? – она вновь окинула меня оценивающим взглядом и сделала вид, что её тошнит.

Если бы Алан смотрел на неё, то заметил бы её актерскую игру и сто процентов не оценил. Удачно, что Алану нравятся нормальные девушки, и мне не приходится отпугивать таких чучел, как Полли. Хотя последние три года у него никого нет, что определено странно, учитывая его доброту, ослепительную харизму и необыкновенную красоту.

– Прекрати, – шикнула Сам на Полли, и стукнула ее по плечу. По-видимому, она заметила, что диалог идёт не в том русле, и, скорее всего, всё сведётся к неприятностям, поэтому Саманта с тяжёлым вздохом отодвигает тарелку с сэндвичем, провожая его жалобным взглядом, и обращается ко мне, – Алан обещал тебе рассказать, но, как я понимаю, он забыл.

– О чём ты? – перебивает её Алан и впервые за то время, пока я нахожусь здесь, переводит взгляд с меня на Саманту, а затем и на Полли, которая пыхла от злости. Полли на растекается лужицей, как любая влюбленная девчонка, но точно оттаивает.

Саманта фыркает.

– Вечеринка для новичков в доме братства. Вечер. Много напитков, красные стаканчики, потные тела, лёгкие нар-

котики. Вспоминаешь?

– Точно, совсем вылетело из головы, – он хлопнул себя по лбу и добавил уже мне, – мы пойдем.

– Да вы охренели! – взвизгнула Полли, но её проигнорировали.

– Ну уж нет, Алан. На сегодня хватит с меня, – он слишком настойчиво посмотрел на меня, – не делай этого со мной.

– Прекрати, королева драмы. Я знаю, что ты хочешь расслабиться. В Лондоне родители следили за каждым твоим шагом, но сейчас, – он обвел глазами кафе и вскинул руки, – их здесь нет. Отрывайся, Гри.

Он прав. Как всегда, прав. И это чертовски раздражает меня. Я знаю, что мои отношения с алкоголем вместе дают ядерную смесь, и он знает это точно также. Похоже, что он специально ведёт всех нас на верную смерть, ведь пьяная Грейс – просто гребаная пушка.

– На гранитной плитке, под которой тебя похоронят, будет твоя самая удачная фотография, где ты целовался с Билли, – сдалась я и побеждено выдохнула.

– Я тебя умоляю, солнце, это ещё не самая удачная фотография. Вот та, где ты засунула носок, делая вид, что это твоя третья сиська, – это реальный ужас.

Почему он помнит это? Это мать твою было пять лет назад, и я была тринадцатилетний девчонкой, которая хотела иметь большую грудь. Просто один носок соскользнул из чашечки лифчика, и стало похоже, что у меня третья грудь. Это

был самый худший момент в моей жизни.

– Так, парочка, хватит вспоминать свои «романтичные», – Саманта сделала пальцами кавычки, – моменты. Идём переодеваться и на вечеринку.

С неподдельным энтузиазмом Саманта взяла за руку Полли и начала тащить ее за собой, как упрямого коня, в комнату переодеваться. Та всю дорогу ворчала, фыркала на наши с Аланом шутки и периодически «случайно» наступала мне на ботинки, отчего они в один прекрасный момент попросту слетели. Но и тут она промахнулась, потому что Алан взял меня на руки и нёс всю дорогу до комнаты. Надо было видеть лицо Полли: багровое от злости, красные белки глаз бегают из стороны в сторону, губы дёргаются в постоянных фальшивых улыбках.

В конце концов мы всей четвёркой добрались до нужного этажа, и мы с Самантой побежали переодеваться, пока Полли и Алан ушли по своим комнатам делать то же самое.

Взяв ярко красную помаду, я начала заканчивать свой образ: красное короткое жутко облегчающее платье на тоненьких лямках, под которое я не смогла надеть трусики, волосы прямо лежали на спине, а ноги украшали черные лаковые шпильки с открытым носиком. В мои планы не входит соблазнение неудачников и девственников, хотя это одно и то же, мне просто хочется хотя бы вечером выглядеть шикарно, потому что на утро я буду схожа с овощем.

– Грейс, – промычала Саманта, пока я наносила помаду на

губы, а она красила ресницы, смешно открывая рот, – Полли классная, просто она иногда бывает не в себе. Но она быстро привыкнет к тебе, дай ей время.

Я могу дать сучке—Полли хоть сто лет, но что-то мне подсказывает, что даже за миллион лет она не привыкнет ко мне. Во всяком случае, наверное, она ослабит свою ненависть, когда поймет, что нас с Аланом связывает только дружба, но это я доказывать ей не буду, ибо наши отношения – точно не ее дело.

– Ради меня, – жалобно проскулила Саманта, издавая хныкающий звук.

– Боже, ладно, сдаюсь. Я дам ей время, только прекрати выть.

Она, весело пританцовывая бедрами, перекинула сумочку через плечо и вышла из комнаты, а следом и я.

Вы когда-нибудь были в доме братства? Как вы вообще представляете себе логово Сатаны, где живут одни парни? Это место напоминает самый настоящий хаос, преисподняя, чёртов ад. Стены обычно окрашены в синий, коричневый или черный цвета, потому что тот же зелёный, по их мнению, – показатель того, что они не мужики. В воздухе повсюду витает тестостерон, парни топлес, а иногда и совсем голые, передвигаются по дому, не стесняясь публики. Второй этаж, усыпанный спальнями, давно можно переименовать в «Публичный дом». И именно сюда мы и направляемся, ведь если вы были в университете и ни разу не побывали на вече-

ринке братства – вы не жили.

Перед самой дверь Саманта быстро поправляет прическу и платье, заслужив своими резкими движениями смешок от Полли, которая, кстати, перестала смотреть на меня разъяренным взглядом – теперь просто злым. Уже что-то, не так ли?

Дверь нам открывает высокий темнокожий парень с модельной внешностью, и с открытой дверью музыка, которую мы слышали ещё в кампусе, стала громче в сотню раз. Парень дружелюбно улыбнулся и вытер белую дорожку над губой.

– Саманта, рад видеть тебя. Ты с друзьями? – кучерявый прошёлся по нам взглядом, останавливаясь на моей груди, виднеющейся из-за глубокого выреза.

Алан, как настоящая мама медведица, встал передо мной, скрывая меня от любопытных глаз, и заслужил разочарованный вздох.

– Взаимно, Кир. Да, сегодня я с друзьями. Ты ведь не против?

– Проходите, – вяло проблеял парень и пропустил нас внутрь дома.

Мы дружно вошли в дом, оставляя Кира снаружи, потому что парню резко стало плохо. Вот поэтому я и не принимаю наркоту.

Комната была бы в кромешной темноте, если бы не разноцветные лампы, которые создавали что-то на подобии танц-

пола в центре комнаты. Танцующие тела прижимались к друг другу, парочки целовались и сжимали друг друга на диванчике, в кресле, в углу, одинокие алкоголики опрокидывали в себя один стакан коктейля за другим.

Алан схватил меня за руку сразу же, как только мы вошли. Он с отвращением смотрел на всю обстановку, творящую в доме.

Если он собирается везде ходить со мной, то далеко я не продвинусь.

Похоже, единственные из нас, кому удастся отдохнуть – это Полли и Саманта, потому что обе исчезли в толпе, направляясь к напиткам. Мои ноги уже несли меня к ним в тот момент, когда Алан притянул меня к себе и закружил.

– Ты чего? Уже что-то принял? – я податливо покоилась у него в руках.

Тело парня содрогнулось от смеха.

– Нет, глупая, меня сейчас стошнит от этого всего, и ты единственная, кто меня успокаивает. Ты же не против, что я танцую с тобой?

– Конечно, нет. Что за вопросы, Алан? Я всегда «за».

– Всегда, – слишком грустно шепнул Алан, надеясь, что я не услышу его.

Он качал нас из стороны в сторону, намертво прижимая меня к себе. Даже когда пьяные студенты пытались пройти через нас, он все равно держал меня, дарил злой взгляд бедолаге, и тот с поражением обходил нас.

– Отпустишь меня, я схожу за напитками?

Алан тяжело вздохнул и нехотя выпустил меня из кольца своих мощных рук.

– Мне просто содовую.

– Сомневаюсь, что здесь есть обычная содовая без слабительных, алкоголя или наркоты, – рассмеялась я и ушла в том же направлении, куда недавно ушли Полли с Самантой.

На импровизированной стойке стояла множество стаканов, графинов, бутылок, и ни одной тарелки с едой. Какой идиот составлял меню на эту вечеринку? Взвешивая свою способность опьянеть от текилы, я держала руку напротив стопки шотов.

Позади меня донёсся тихий смех, который я услышала даже сквозь громкую музыку. Обернувшись, я подтвердила догадку: передо мной возвышался тот самый парень из раздевалки. Сейчас он выглядел ещё более сексуальным в расстегнутой на несколько пуговиц рубашке, обтягивающий штанах и с взъерошенными волосами. От его вида рот наполнился слюнями, которые я пыталась незаметно сглотнуть.

– Так ты у нас ни только любительница ходить без одежды, но ещё и алкоголик. Забавно выходит, – холодным тоном сказал незнакомый красавчик.

Почему, когда парень красивый, он обязательно должен быть таким ублюдком? Что с этим мужчиной не так?

– К твоему сведению я была в раздевалке после тренировки. Ты считаешь, что я должна была пойти в вонючих вещах,

пропитанных потом, в кафе?

Он раздражённо закатил глаза и скрестил руки на груди, подчёркивая накаченную грудь.

– Почему ты злишься? Я всего лишь пошутил, или я чего-то не знаю? А может ты начинаешь беситься, потому что хочешь меня? Прости, но такой, как ты, я точно не дам даже посмотреть на себя без футболки.

Простите, что? Этот парень только что сказал, что я не достойна его?

– Такая как я? Что прости? – гнев, снова направленный на этого идеального идиота, вырывался наружу. В такие моменты я бежала к Алану, чтобы он успокаивал меня, пока я не наделала бед, но сейчас я хочу сделать все наоборот. Я мечтаю надрать задницу этому высокомерному снобу. Прямо сейчас, твою мать.

Как только я собиралась надвигаться на него, чтобы ударить в челюсть, «великолепная» Полли решила пройти мимо и «случайно» вывернуть мне на платье содержимое ее стакана, который, удивительно, был полным.

Тупая сука.

– Мне не жаль, – сухо сказала Полли и ушла. За честность я попытаюсь не убить её сегодня, но насчёт завтра – сомневаюсь.

Спасибо платью, что оно не впитало в себя жидкость. Поэтому на зло Полли, я осталась более сухая, чем она себе представляла, когда придумывала план *«Как сжить меня со*

света».

– Да ты оказывается сплошной магнит для неприятностей, – гортанно рассмеялся парень, и, клянусь, если бы не была так зла на него, то растаяла бы от его смеха, как шоколадка под палящим солнцем.

– Все неприятности приключаются со мной, когда ты рядом. Может тебе стоит не попадаться мне на глаза? – рывнула я ему, желая, чтобы он ушел и остался – одновременно.

– Сделай доброе дело – спрячь колючки, – равнодушно ответил он. – Может тебе стоит успокоиться и всё-таки выпить? Надеюсь, что это хоть как-то потушит тебя.

Кто он такой? Грёбанный Санта Клаус?

– Ты предлагаешь мне выпить с тобой? Серьезно? После того, как ты видел меня голой, ты просто хочешь напоить меня?

– Ты всегда так узко мыслишь? Ты не богиня красоты, и твои формы мне не понравились. Не в моем вкусе. Так что успокойся, бери свою задницу и пошли, – на одних пятках сексуальный придурок развернулся и сексуальной походкой пошел в сторону столов.

Что мы имеем на сегодняшний день: меня ненавидит Полли, которая отчаянно влюбилась в моего лучшего друга – Алана. То, что она пролила свой коктейль мне на платье, кажется, только начало; мой друг перестает быть похожим сам на себя, посылает мне многозначительные взгляды, и я вечно ловлю его внимание на себе; до жути странный ректор Хар-

рис хочет, чтобы я была в команде, по-честному не объясняя своих целей; преподаватель по искусству хочет, чтобы я продавала свои картины, но этого не хочу я, потому что не считаю их великолепными; самый сексуальный парень в мире с внешностью Бога и прекрасным телом видел меня голой, говорит, что я не в его вкусе, и предлагает мне выпить с ним. Спрашивается где. Где я в жизни так оступилась, что теперь буду жить с таким букетом красок жизни?

Алан был прав. Мне нужно срочно напиться и отдохнуть от первого дня в Принстоне. Если это – только начало, то я даже не знаю, что меня ждёт дальше. Я боюсь представить, что будет через полгода, через год и более. Но я точно знаю, что сейчас я безумно хочу находиться в обществе сексуального ублюдка без имени.

Я ведь даже не знаю, как его зовут.

– Я даже не знаю твоего имени, – крикнула я ему вслед, когда он уже скрывался из виду.

– Диего Фуэнтес.

Не задумываясь об Алане, Полли и Саманте, я двигаюсь за ним, расталкивая плечами танцующих людей.

Хорошо, Диего Фуэнтес, я надеюсь, что ты сможешь скрасить мою жизнь своими яркими красками, потому что я хочу, чтобы ты сделал это.

Как только я почти поравнялась с ним, телефон в сумочке завибрировал. Не останавливаясь, я на ходу вытащила его и открыла входящее сообщение.

«Поздравляю, мисс Грейс, Вы – капитан команды девушек по футболу. Ваш ректор, мистер Харрис.»

Блядь...

Глава 4

С протянутым и не самым приятным стоном, я открыла глаза, которые мне удалось разодрать с очень большим усилием. Чёртова голова была размером с воздушный шарик, и, кстати, была точно такой же хрупкой. Коснись её и произойдёт взрыв. Потерев глаза, я осмотрела незнакомую комнату, где по правую руку от меня развеивалась на сквозняке открытой двери балкона – лёгкая прозрачная тюль, поверх которой оставалась задёрнута темно-коричневая штора, но сквозь небольшую щёлку, пробивались солнечные лучи. И они не просто светили, твою мать, они выбрали тот самый угол и слепили мне глаза, тем самым помогая голове раскалываться даже не на две части, а сразу на миллион частиц.

Я. Больше. Не. Пью. Никогда.

Я не знаю, где я. Не знаю, кто я. И не знаю, какой сейчас, чёрт возьми, год. Я проклиная себя за вчерашний выпитый алкоголь, но жалею ли? Нет. Было весело. У меня сейчас только одна проблема: в чьей кровати с нахожусь? На блок в кампусе явно не тянет, потому что такой роскоши в виде балкона там нет.

Кто бы тут ни жил – заботиться о моей одежде этот человек явно не собирался. Она валялась на полу, вероятно, не без моей помощи. Уверена, что скинула её сама. Вечером – мало заботил сегодняшней внешний вид. Я, собственно, во-

все не планировала просыпаться в чужой кровати, и уж тем более дома.

Подняв вещи с пола, я быстро натянула на себя одежду и потянулась к двери, откуда изначально высунула голову для разведки, а после чего, проскакала к входной двери напротив. Обувь долго искать не приходилось. Свои туфли я нашла сразу на полу у двери. И чудо, что в квартире было тихо, даже слишком тихо. Я даже слышала звук стрелок на часах. Кстати, о часах.

– Вашу мать! – закричала я зубами.

Через пятнадцать минут – мне нужно стоять на поле с командой, а я непонятно где и непонятно у кого.

Заглянув в телефон, я ещё раз выругалась и выскочила за дверь, которая была открытой, попутно включая карту, чтобы разобраться в месте своего нахождения.

Настоящим чудом и спасением для меня было то, что прибывала я в квартале от кампуса, до которого должна добраться максимум за пять минут, где переоденусь и упаду лицом в воду, которая приведёт его в порядок, потому что сейчас жесткое похмелье написано на моём лице и видно невооруженным глазом.

Через минуту, я прокляла свою обувь и стащила туфли с ног, взяв их в руку, галопом побеговав к кампусу. Столько ошарашенных взглядов – мне еще поймать не удавалось. Такое чувство, что бежала я не без обуви, а с ней, но без одежды.

Преодолев путь за шесть минут, я с отдышкой скакала по ступенькам к кампусу, после чего на нужный этаж, и ещё дальше к комнате, где должна была сегодня ночевать, и не только сегодня. Это моё место дислокации на четыре последующих года. Нужно запомнить и постоянно напоминать себе об этом, а лучше, сделать татуировку в виде адреса, куда меня нужно доставить при непредвиденных обстоятельствах.

Вроде тех, что были вчера.

Увидев меня на пороге, Саманта открыла рот и шокировано оглядела меня с ног до головы, не издавая и звука. Да и мне некогда было чесать языком и вдаваться в подробности, которых я абсолютно не помню.

Быстро скинув вчерашнее платье, и натянув первые попавшиеся вещи, я, не дожидаясь вопросов от Саманты, которая уже открыла рот – выскочила из комнаты, словно ошпаренная. У меня нет и секунды, чтобы поговорить с ней. Да и что рассказывать, если в моей голове непробиваемый вакуум.

Через несколько минут – я уже открывала двери женской раздевалке в университете, где было пусто.

– Чёрт! – взревела я, вновь скидывая с себя одежду, чтобы натянуть форму.

Чёрная форма, по бокам которой тянулась пара лампасов оранжевого цвета, и повторяющие этот оттенок цифры на спине – села настолько упруго, что каждую косточку и из-

вилинку на моём теле, можно было увидеть даже из космоса. Собрав волосы в хвостик, я шлёпнула дверцей шкафчика, которые загрохотал так, что барабанные перепонки полопались. И в этот момент передо мной в зеркале отразилась Кунг-фу Панда, которую я напугалась. Мой внешний вид был далёк от королевского. И будь сейчас родители рядом, от меня бы смело написали отказную.

Вытерев остатки бывшего макияжа с лица, я рванула на поле, куда уже опоздала на четыре минуты и двадцать две секунды. Будь я проклята, потому что сейчас сама себе кажусь недоразумением в виде капитана команды.

Выбежав из дверей, я, спеша, направилась к команде, которая уже в полном сборе разминалась. Чёрт. Я точно опоздала даже на знакомство.

Скорей всего новый тренер свернёт мне шею одним пальцем, судя по широкой спине вдаль, где прыгали девочки. Видимо, мистер Харрис не шутил, когда говорил о замене той сучки, которой я так и не успела надрать задницу. Будь он проклят дважды.

– Извиняю... – начала я, когда ко мне повернулось вчерашнее лицо.

– Какого хрена ты тут делаешь? – свёл он тёмные брови на переносице, расставив руки по бокам и выгнув бровь. Чёрт возьми, но я проглотила слюну от одного вида на его мускулистые руки, которые были напряжены.

– У меня тот же вопрос, придурок. Какого хрена ты тут

делаешь? Я – капитан этой команды.

– Поздравляю, а я тренер этой команды, – сухо ответил он, от чего я подавилась выделившейся слюнной и воздухом, который не дошёл до лёгких, а завис где-то не в том месте.

Взгляд мой прошёлся по девочкам, которые с интересом наблюдали за разворачивающейся картиной. На лице Донны отразилась куча немых вопросов: *где тебя носило? Что с твоим видом?* И, конечно, самый главный: *капитан?*

Решив ответить на них после тренировки, следом мой взгляд метнулся на девушку, чьё имя я отлично запомнила со вчерашнего вечера – Полли.

Насколько тесен мир?

Вот же она, сучка-Полли собственной персоной, метающая в меня невидимые ножи, о которой лепетала на днях Донна, а ещё и по забавному стечению обстоятельств – лучшая подруга моей соседки, которая, кстати, мне очень симпатизирует до тех пор, пока рядом с ней не возникает эта выскочка. И вот же самое весёлое: придурок, нахамивший мне в раздевалке, когда я была голой и безоружной, на вчерашней вечеринке – тренер команды. На этом шутки закончены или сейчас откуда-то должен выпрыгнуть чувак с камерой и сообщить о том, что я, мать вашу, приемная!?

Открыв рот, я начала хлопать губами, хватаясь за воздух. Чёрт возьми, я была у него дома. Воспоминания резко обрушились на голову с такой силой, что меня могло легко вкрутить в землю, как шуруп. Я страдаю склерозом и амнезией

одновременно. Он ведь говорил вчера, что знает меня. В какое дерьмо я вляпались так и не успев начать обучение и выиграть первый матч?

Кажется, этот придурок догадался о ходе моих мыслей, потому что в один шаг сократил расстояние между нами и ухватил мой локоть, потащив в сторону.

– Ничего не было, – прохрипел он, снова расставив руки по бокам, – ляпнешь кому-нибудь, и я лично вырежу тебе язык, обмотав вокруг шеи.

– Надеюсь, вокруг своей, – поморщилась я, бросив в него взгляд отвращения, – и приятно познакомиться, *тренер*, – чересчур заносчиво выделила я название его должности, – футбольные правила объяснять не буду, раз уж Вас наградили подобным званием.

– Мелтон! – грубо рявкнул он, когда я зашагала к команде, удивлённо наблюдающей за нами. Лучшим решением было то, что я, не глядя, показала ему средний палец и заняла место рядом с Донной, челюсть которой, была готова отпасть. Собственно, не только у неё. Все смотрели на меня, как на сумасшедшую и прокаженную, и лишь сучка—Полли до сих пор метала ножи, на что я закатила глаза и вытянула руки вверх, чтобы потянуться.

Откинув все эмоции, которые бушевали во мне секунду назад, я начала разминаться, пока остальные с долей ужаса и шока смотрели на меня, как и придурок, вернувшийся на место. Я не люблю лишних драм на тренировках.

– Я не поняла, – жёстким тоном заявила я, вернув корпус в вертикальное положение и оглядев толпу, – вы сюда пришли играть в футбол, а не на спектакль. Я не потерплю лени, прохлаждения и нытья. Хотите драму – валите с поля в театральный кружок. Я понятно изъясняюсь?

– А ты кто такая, чтобы решать за всех? – объявила о себе моя милая сучка—Полли.

– Мне нужна ватная палочка, чтобы вытащить серу из её ушей, потому что она плохо слышит, – бросила я, – ещё раз повторяю, я – капитан команды. Не согласны – валите нахрен с поля. Я никого не держу. Либо работаем и побеждаем, либо чиркаем в тетрадочках записки о любви. Всю личную жизнь – мы оставляем за белой линией на траве. Все учебные моменты – мы оставляем за белой линией на траве. Всё то, что касается команды и игры – мы решаем здесь и сейчас, и это не выходит за линию поля. Всем понятно?

– Да, – в один голос ответили девочки, из-за чего моя оппонентка помрачнела и лишилась дара речи. То-то же, сучка. Никакого личного дерьма. Только спорт, когда мы собираемся тут. И судя по дружному тону – команда признала меня лидером. Так-то лучше, одна выскочка – не вся команда, я быстро верну эту принцессу с небес на землю.

– Тут я тренер, – вступился наш доблестный придурок—рыцарь.

– Какого чёрта команда прохлаждается, тренер? – выгнула я бровь, устремив в его сторону холодный взгляд, который

вмиг превратился в кипящий от жара, потому что чертова красная майка сидела на нём лучше, чем идеально.

– Повторяюсь для опоздавших, – с насмешкой, произнёс он, окинув взглядом девочек и меня в том числе, на которой остановил взгляд более положенного, – я – тренер Фуэнтес, а теперь продолжаем работать.

Закатив глаза на воодушевляющую речь, я вновь опустила корпус вниз и потянулась ладонями к траве, расставив ноги на ширине плеч.

– Мы кто: проститутки или стриптизерши? – спросила я у Донны, которая занялась тем же.

– Уже второй год эту форму выбирают в качестве основной, – вздохнула моя новоиспеченная подруга.

– Я сожгу всё это тряпьё для шлюх, и уведомя Харрисона, что в этой команде играть не будет никогда. Я не собираюсь трясти сиськами перед кучкой идиотов, глазеющих с трибун и крича не самые доблестные комментарии.

– Давно пора, – кивнула она, завернув в мою сторону голову, – когда ты успела стать капитаном?

– Вчера. Мистер Харрис торжественно вручил мне данную должность, когда я преклонила перед ним колени, а он постучал мечом по моим плечам во время вечеринки в братстве.

– Грейс, – засмеялась Донна, качая головой, – Полли закопает тебя по центру поля, где разыгрывается мяч.

– Пусть готовит лопату, сучка, – торжественно улыбнулась

я, размахивая руками из стороны в сторону.

Вероятно, мой ответ – устроил Донну даже больше положенного, судя по широкой улыбке на её лице. Что ж, меня всё устраивает не меньше, кроме чёртового горяченького тренера, бродящего вокруг нас, словно надзирателя в тюрьме для особо опасных преступников.

Абстрагировавшись от внешнего мира, я занялась тем, чем занималась всегда и с удовольствием: спортом. Кроме того, что он помогает избавиться от накопившихся эмоций, как и рисование – помогает ещё и держать тело в отменном состоянии. Если для кого-то идти в зал и изнурять себя круговыми тренировками – считается адским и вынужденным занятием, то для меня фантастическим времяпровождением. Благодаря подобной любви, я с упоением могу наворачивать сладкое, совершенно не задумываясь на счёт каждой килокалории.

– Грейс, – шепнула Донна. Её щеки пылали, а взгляд был робкий.

– Что? – не отвлекаясь от тяги к ногам корпусом, спросила я.

– У нашего тренера стояк, – безумно тихо сказала Донна. Я проследила за её взглядом, направленным на горячего придурка. У него и впрямь стояк, который он тщательно пытается скрыть книжкой с нашими именами.

– Боже, Донна, какого хрена ты смотришь на его член?

– Эй, это не я смотрю. Это он на меня смотрит. И у него

встал на тебя, Грейс.

– Что?! – ахнула громче положенного, чем привлекла к себе внимание некоторых девочек.

– Он смотрит всю разминку только на тебя, – хихикнула Донна.

Что-то внутри меня ликовало, но я лишь закатила глаза и издала рвотный звук. Склонив тело к ногам, я постаралась выделить грудь, которую закрывал коротенький топ. Поднявшись с земли в вертикальное положение, я повторила упражнение, которым занималась изначально.

Поиграем, придурок.

Повернувшись боком, я ещё раз выгнулась и склонилась корпусом к ногам, потянувшись ладонями к траве. Сейчас я уже чувствовала на себе тяжелый взгляд, и честное слово, мне хотелось хихикать, словно какой-то малолетней девочке, на которую смотрит мальчик.

– Заканчиваем, – раздался довольно резкий и громкий хлопок ладоней, из-за чего я еле сдержала смешок.

В каком месте он заканчивает?

Повернув голову к Донне, давящейся смехом, который рвался наружу в виде слёз, я и сама еле удерживалась от подобного рода занятия. Искоса я заметила, как одной рукой придурок потёр лоб, видимо, от пота.

– Это было что-то, – прыскала Донна.

– Ты о чём? – свела я брови, создавая непонимающий и непринуждённый вид.

– Хорошее шоу, Грейс, – проворковала она, сквозь слёзы, которые смахивала с лица.

– Было весело, – сдалась я и захихикала следом, – у тебя есть вода?

– Только не говори, что ты хочешь вылить её себе на голову и грудь.

– Нет, всего лишь попить, вчерашняя вечеринка прошла на славу, и сегодня я поклялась больше не пить. Снова.

Кивнув головой, Донна сделала несколько шагов и подняла одну из бутылочек, покоящихся на траве, которую следом вручила мне. Несмотря на то, что знаем мы друг друга буквально сутки – по её лицу я видела, что веры мне не было. Донна точно уверена, что я не просто сделаю глоток. Что ж, она права.

Послав ей хитрую улыбку, которую она сразу поняла и раскусила, я поднесла бутылочку к лицу и сделала хороший глоток, из-за которого вода проскользнула мимо рта и закапала на грудь. С нужной стороны, до уха донеслись покашливания от человека, для которого и было устроено сие шоу. Вернув бутылочку Донне с ликующим лицом, я смахнула остатки капель с груди и подняла глаза в сторону тренера, вопросительно выгнув бровь, потому что тёмные глаза смотрели прямо на меня.

Ты проиграл, придурок.

Из-за выражения моего лица, налюбимейший тренер вновь вернул маску безразличия и хладнокровность на лицо,

вдруг проявив интерес к девочкам, спрашивая их о положениях на поле, которые они занимали в школе. Теперь я точно убеждена, что картина в раздевалке ему понравилась, как и моё миленькое шоу сегодня. Его нижний дружок выдаёт его с потрохами.

После тренировки, которую устроил для нас Диего, все хотели выплюнуть лёгкие на землю, кроме, конечно, меня. Я люблю подобные нагрузки, потому что сама никогда не давала спуску команде.

Главное не победа, а участие?

Засуньте это выражение себе в задницу. В данном случае, для меня существует только победа. Спорт – это то, где я легко побеждаю, потому что реальная жизнь мне не предоставляет таких шансов. Скорей всего, родители тоже руководствуются подобным правилом, применяя его на мне.

Найдя кабинет с холстами и красками, я взяла нужные для себя предметы и направилась на поле, где была максимум полчаса назад. Даже несмотря на выброшенные эмоции на поле, а именно те, которые заставляют меня испытывать хренов Фуэнтес, я чувствую не полную опустошённость, и для этого у меня есть выход в виде красок.

Пустота и городской шум – вот моя идеальная мелодия, но ещё идеальней та, что я включу в наушниках. Вставив пару белых капель в уши, я нашла песню подстать настроению Paramore – Misery Business и поудобней разместилась на траве, сложив ноги по-турецки, куда положила свеженький

холст. На самом деле, сидеть под эту песню мне абсолютно не хотелось, но, если я начну прыгать по полю размахивая головой и выкрикивая текст песни, находясь в наушниках – меня сочтут за психически-неуравновешенную.

Первый взмах кистью с красной краской, которая олицетворяет сегодняшний день: такой же броский и через чур яркий, режущий глаза. Из-за Фуэнтеса, мне совершенно не хотелось выводить нежные линии кистью, мне хотелось швырять ею, и желательно в лицо чёртового горячего тренера. Пусть катится прямиком в ад.

Надавив на кисть с такой силой, из-за которой холст чуть ли не порвался, а кисть не сломалась – по правую руку от меня возник никто иной, как творец моего дерьмового настроения после тренировки.

– Что за мазня? – выгнул он бровь, нависая надо мной. И чёрт побрал, потому что моё лицо было практически на уровне его паха.

– Убери от моего лица свой член, придурок, – наиграно поморщилась я, – и это называется абстрактный экспрессионизм, а не мазня. Мазня – это то, что ты чертишь на своём листочке в виде тактического плана на игру.

– Прибереги свои коготки, Грейси, – сухо ответил он, на что я скривилась в лице, которое стало пунцовым и ледяным. Так меня называют родители.

Грейси.

Хренова Грейси осталась в Лондоне. Засуньте её куда по-

дальше и несколько раз прокрутите против часовой стрелки. Даже собачью кличку, данную мне Аланом в виде Гри – я люблю больше, чем сраную Грейси. Это придурок начал рыть яму, которую я залила бетоном, железом и свинцом в одной смеси.

– Гри! – послышался голос моего лучшего друга, в сторону которого тут же завернули свои головы я и Диего.

Чувство стыда окатило меня ледяной водой. Вчера я пошла за содовой и чем-то для себя, так и на вернувшись назад. Зная Алана, друг наверняка изморочил свою голову в догадках и поисках меня, пока я отжигала с чертовым тренером, член которого так и продолжает находиться на уровне моих глаз. И провалиться мне под землю, если ночью он побывал во мне.

– Твою мать, Гри, тебя где носило? – вздохнул Алан, когда подбежал ко мне и резко поднял за руку, привлекая в тёплые объятия, – я чуть ли голову не сломал. Ты вообще знаешь, что такое мобильник?

– Спроси у сучки, которая изволила окунуть моё платье в ядерной смеси, которую влили в её стаканчик, – первый раз соврала я другу, точнее, сказала правду, но не всю.

– Здравствуйте, – сказал Алан, обратившись к тренеру, стоящему рядом с мрачной миной на лице и горящими то ли яростью, то ли пустотой глазами.

– Добрый день, – прохрипел Фуэнтес, испепеляя взглядом Алана.

Он вообще умеет улыбаться или это его постоянное выражение лица?

– Я дико волновался за тебя, Гри, – вновь притянул меня в свои объятия Алан, которые я с удовольствием приняла, видя, как мрачнеет лицо Диего. Серьёзно, ничего не могу с собой поделать, но мне так нравится выводить его из себя, будь то небольшое стриптиз-шоу или объятия друга.

– Готова искупить вину и накормить нас в кафе, – довольно улыбнулась я, искоса взглянув в сторону Диего, чей взгляд застыл и сверлил дыру теперь во мне, из-за чего я решила подлить масла в огонь, – ночь была отвратительной, собственно, как и вечер.

– Ладно, но кафе выбираю я, – улыбнулся Алан своей искренней улыбкой и оставил поцелуй на моей макушке. И пусть меня простят небеса, но я так была рада получить его поцелуй именно сейчас.

– Согласна, – энергично кивнула я и расплылась в улыбку, которую послала Алану, а, следом, повернула лицо в сторону тренера, на шее которого вздулись вены. Если меня не обманывает слух, он даже рыкнул.

– Я помогу тебе, – отстранился Алан, подняв с травы набор для моего творения, которое так и осталось не начатым. Но оно и не нужно, ведь я уже выбросила эмоции от тренировки и получила новые сейчас. За это, дорогу в ад для меня покроют красной ковровой дорожкой, а сам Люцифер преклонит колена, позволяя ступить на порог преисподней.

– Всего доброго, – проворковала я, когда Алан подхватил всё в одну руку, а вторую закинул на моё плечо. Могу сказать о том, что я полностью прощена уже сейчас. Алан слишком снисходителен ко мне даже там, где этого делать не стоит.

Тяжелый взгляд Диего – я чувствовала весь путь до дверей университета. Только тогда, когда наши спины скрылись с горизонта тёмных глаз, я скинула руку Алана и улыбнулась, показав язык и скорчив рожицу. Друг явно не догадывается о том, где только что побывал. Меж двух огней, если быть точным.

Глава 5

Вернув на место художественные принадлежности, я положила холст с кривой линией на стол. Вдруг повезёт, и войдя сюда кто-то завтра, сочтёт это за шедевр, тем самым вознеся меня до уровня Марка Ротко, с его картиной «Красный, коричневый и чёрный». Могу даже название дать «Красный на белом». Всё гениальное просто.

– Хотелось бы для начала забежать в блок, чтобы упасть лицом в косметику, – вздохнула я, повернув лицо к Алану, шагающему рядом.

– Я ужасно голоден, Гри, и у меня есть пакет, – пожал он плечами.

– И к чему нам пакет?

– Мы наденем его на твою голову и вырежем пару дырочек, – улыбнулся он.

– Почему пару? – захихикала я, – я же задохнусь, поэтому, мне нужна вторая пара для носа.

– Я вырежу столько дырочек, сколько тебе заблагорассудится, – подмигнул друг, вновь закинув руку на моё плечо. Клянусь, он начинает пугать моя подобными частыми объятиями, – что хотел от тебя тренер?

Хотелось бы мне сказать, что было утром, и что сейчас практически болталось у моего лица, но я сдержала свой порыв.

– Как тебе вчерашняя вечеринка? – быстро сменила я тему.

– Ты бросила меня и за это кое-что должна, – тихо засмеялся Алан, остановившись посредине тропинки, заставляя окружающих обходить нас.

– Что?

– Я хочу тебя кое-куда пригласить, – улыбнулся он, посмотрев на меня, на что я вскинула брови и улыбнулась в ответ. Я ещё толком не видела город и надеюсь, что это именно то приглашение прогуляться.

– Куда?

– На свидание.

– С кем?

– Со мной, Гри, – вздохнул Алан.

– Ты кого-то пригласил на свидание и хочешь, чтобы оно было двойным?

– Господи, Гри. Нет. Ты и я. Я приглашаю тебя на свидание

Открыв рот, я глазела на Алана, словно припадочная. Кажется, что слух сейчас начал меня подводить. Я даже встряхнула головой, чтобы убедиться в точности услышанного.

Мой лучший друг приглашает меня на свидание.

– Алан, я.. – забубнила я, но телефонный звонок оборвал меня, так и не позволив договорить.

Незнакомый номер высветился на экране, из-за чего я тупо уставилась на мобильник. Вряд ли я успела оставить свой

номер кому-то в Принстоне, разве если только не на вчерашней вечеринке. От одной мысли, что звонок от Диего – меня кинуло в жар. Дрожащей рукой, я смахнула подступившие капли пота с лица, когда Алан посмотрел на меня с замешательством и смятением. Вряд ли бы друг приглашал меня на свидание, если бы знал, в чьей кровати я была с утра. Но это я оставлю при себе.

– Да, – приняла я звонок.

– Мисс Мелтон, это ректор Харрис, – заговорил мужской голос, и я непроизвольно поморщилась. Это точно не Диего. В какой-то степени, подобное меня даже разочаровало.

– Слушаю, – поменялась я в голосе на твёрдый и уверенный.

– Я должен поговорить с Вами прямо сейчас. Жду в своём кабинете.

Ни приветствия, ни прощания. Он вообще знаком с правилами этикета и вежливости? Вероятно, стоит напомнить ему о подобных изречениях и желательно, если данные слова он будет вставлять в начале и в конце своей речи.

– Мне нужно к ректору.

– Мы пообедаем и сходим, – кивнул Алан.

– Нет, – покрутила я головой, – мне нужно к нему прямо сейчас.

– Гри, что происходит? – свёл брови Алан, пытаюсь найти ответы, но по моему лицу было видно, что сейчас я не шучу. Мне нужно быть в кабинете прямо сейчас, – я отпущу тебя,

при условии, что ты согласишься.

– Хорошо, – автоматически кивнула я, из-за чего губы Алана дрогнули в улыбке. Притянув меня в объятия, которые теперь не считались дружескими, он оставил поцелуй на моей голове и сделал шаг назад.

Выдавив слабую улыбку, я понеслась со всех ног к дверям университета с полу дрожащими коленями.

Меня совершенно не беспокоит то, из-за чего я была вызвана в срочном порядке на ковёр ректора. Плевать, устроила ли я что-то вчера или в принципе за эти два дня. Диего явно непохож на того, кто будет бежать к ректору и жаловаться на студентку. Хотя, с чем чёрт не шутит, и этот с виду грозны и холодный мужчина, на самом деле тонкая и ранимая душа. Я даже засмеялась над собственными рассуждениями, пока бежала. Прямо-таки представляю, как этот мужлан вытирает слёзки платочком. Но сейчас не до этого. Когда мой лучший друг успел миновать черту дружбы в парня, который приглашает меня на свидание. Как я вообще не заметила столь сильной перемены?

Я готова к чуваку с камерой и объявлению меня приёмной. Это не иначе, как хреновы шутки, которые всё никак не могут прекратиться.

Добежав до деревянной двери с золотистым прямоугольником, где разместилась фамилия ректора, я дёрнула ручку. Как никак, этот звонок спас, но что-то мне подсказывает, что ещё он только усугубил и без того не красочную ситуацию.

Достаточно просторный кабинет с громоздкими шкафами встретил меня теплотой своей атмосферы. По правой стороне, полу дугой разместился стол, сидящая женщина за которым, тут же устремила на меня взгляд зелёных глаз.

– Мисс Мелтон, добрый день, – приветственно улыбнулась она.

Тут что, каждый человек знает моё имя и фамилию?

Я как чёртов Гарри Поттер, который известен всему волшебному миру с рождения. Стоит взять канцелярский нож и вырезать у себя на лбу молнию, чтобы наверняка почувствовать себя в мире магии.

Обойдя стол, она открыла передо мной дверь, которая разместилась по левую сторону от её стола и освободила для меня путь. В какой-то момент, мне даже захотелось потребовать красную дорожку, но я удержала свой порыв нагрубить. Это ведь элементарная вежливость и выполнение рабочих обязанностей, из-за такого не стоит портить настроение ни себе, ни женщине рядом. Она ведь не заслужила мои насмешки.

– А, мисс Мелтон, приветствую Вас, – деловито улыбнулся мистер Харрис, проведя пятерней по волосам, заправляя их назад. Вот тут, я уже прикусила язык, как только открыла рот, потому что язвительные замечания на счёт приветствия так и рвались наружу. Сударь изволил поздороваться.

Жестом указав на массивное деревянное кресло с мягкой обивкой перед собой, мистер Харрис, кажется, расслабился

и напрягся одновременно, судя по дёргающейся улыбке на его лице. Не удивлюсь, если вчера я тоже устроила шоу, но сегодня уже не помню о своих проделках. Как и говорилось мной: алкоголь – зло, под ним я не контролирую саму себя. Если этой ночью между мной и Диего всё же что-то было, то я даже не удивлюсь. Пусть этот козёл хотя бы признается.

– С какой целью я понадобилась Вам прямо сейчас? – начала я, потому что его глаза бегали по мне, рассматривая каждый дюйм тела.

Клянусь, если ты хочешь трахнуть меня на этом столе, то я лично выбью из тебя всё дерьмо.

– Как Вы знаете, мисс Мелтон, – начал он, вновь выделив мою фамилию, что жутко раздражало, – на следующей неделе пройдёт первый футбольный матч.

– На следующей неделе? – ахнула я, выпучила глаза. Я надеру задницу этого испанца, как только он появится на горизонте.

– Тренер Фуэнтес не говорил Вам об этом?

– Нет, – проскрипела я зубами.

– Что ж, я скажу: на следующей неделе пройдёт матч между командами нашего университета и колумбийского. Надеюсь, Вы понимание, чего я желаю?

– Надрать их задницы? – выгнула я бровь, всё ещё яростно пытая из-за хренова тренера, который, по-видимому, решил уведомить нас об этом за час до матча.

Храни Боже твои яйца, Фуэнтес, потому что я готова

их отрезать.

– Безусловно, – кивнул мистер Харрис.

– Будет сделано, это всё? – обратилась я, поднимаясь с места.

– Не торопитесь, – улыбнулся он, – хотелось бы узнать, как Вы чувствуете себя в нашем университете и нравится ли Вам команда?

– Мне всё нравится и устраивает, – сухо ответила я, хотя жутко желала добавить, что моё положительное мнение длится до тех пор, пока он не пристаёт ко мне со слишком раздражающими расспросами, которые я принимаю за двусмысленные, – это всё?

– Вероятно, Вы торопитесь, мисс Мелтон. Не смею Вас держать.

Пробубнив прощанье, я поблагодарила Бога, что этот разговор завершён. Меня настораживает подобный откровенный интерес к своей персоне, ещё не хватало того, чтобы он метил в мои папики. Боюсь, но для того, чтобы я легла под него – не хватит всего алкоголя в мире.

Ярость вновь закипела в груди, и я уже знала, куда меня понесут ноги. Туда, откуда меня увёл Алан – поле, где я хотела избавиться от скопленных эмоций. И, чёрт возьми, дай долгой жизни тому, кто вновь решит мне помешать.

Захватив новый холст и краски в кабинете, где уже дважды была в течение этого часа, я твёрдым шагом направилась в сторону поля. Стук моих ног эхом отдавался в пустых

стенах университета, что даже было хорошо, мне точно никто не должен помешать. Надеюсь, что все вымерли на ближайшую пару часов, иначе я лично позабочусь об апокалипсисе.

Заняв то самое место, я вновь засунула наушники в уши, включила музыку и положила холст на колени.

Какова же была моя радость и облегчение, когда мне всё же удалось перенести эмоции во внешний мир с красками, занимающими место на траве по правую руку. На протяжении пары часов, я чувствовала взгляды на себе, но не придавала этому значение. Мало ли, кто решил попятиться на меня.

Отложив холст в сторону, я выдохнула и расслабилась на траве, расставив руки позади себя и вытянув ноги, подставив лицо под тёплые солнечные лучи.

Одинокость иногда очень полезно. Невозможно постоянно слушать болтовню у своего уха, либо же вовсе переносить чьё-то присутствие рядом. Мне искренне жаль людей, которые не наслаждаются подобными минутами наедине с самим собой.

Открыв глаза, я снова встретилась с нависающим Диего надо мной.

– Ты хренов неуловимый мститель, который уже второй раз подставляет своего дружка к моему лицу, – поморщилась я, – сделай шаг в сторону, и желательнее в сторону кабинета.
– Поверь, последнее, о чём я думаю, как бы подвести его

к тебе, – холодно выплюнул он слова.

– Либо проваливай, либо я надеру твой зад по причине того, что оставалась не в курсе игры на следующей неделе.

– Не хотел поднимать панику, Грейси.

– Ещё раз произнесёшь подобную кличку, и я перережу тебе горло палитрой, Фуэнтес.

Клянусь, что на лице Диего проскользнула тень улыбки после моих слов, но он быстро взял эмоции под контроль и вернул маску отстранения на лицо.

Решив ответить тем же равнодушием, я выпрямилась и расправила одежду, после чего подхватила краски с травы.

– Парнишке явно с тобой повезло, – бросил он мне в спину, из-за чего я резко повернулась на пятках к хрену горячему тренеру.

– Ещё раз упомянешь моего друга в своей речи, и язык отрежу тебе уже я.

Брови Диего дёрнулись, а я вновь продолжила свой путь. Не знаю, почему я просто не сказала имя Алана, а назвала его другом, но что сделано, того не исправить. Теперь ему точно известно, что между нами дружба, а в моей душе поселилась какая-то непонятная надежда того, что он обратит на меня внимание не только как на объект для насмешек, но и девушку. Сейчас я переступаю границу учителя с учеником, но ничего не могу с собой поделать. Он влечёт меня больше положенного. И с сегодняшнего утра, я убеждена, что это взаимно. Не даром Донна уловила момент на тренировке.

– Чёрт, Грейс, тебя где носит вторые сутки!? – подскочила Саманта с кровати, как только я появилась на пороге комнаты.

– В аду, если быть точной, – поморщилась я, бросив сумку на кровать и упав следом.

Нависая надо мной, Саманта рассматривала моё лицо, словно я под ножом хирурга, который решает вырезать лучшую часть на теле.

– Я ничего не помню, – покрутила я головой, – можешь даже не спрашивать. Единственное, что могу сказать: я проснулась в чьей-то квартире голой и поскакала на тренировку.

– Сколько ты вообще выпила? – удивлённая моим ответом, вскинула брови соседка.

– Этого я тоже не помню, – выдохнула я, – но знатное количество. Я вообще пить не умею. Хотите меня в здравом рассудке – не давайте мне ничего, где больше четырёх градусов.

– Я запомню, – кивнула Саманта, а я поднялась с кровати и подхватив полотенце с ванными принадлежностями, поспешила под душ, который смывает этот поганый день с корнем.

Не знаю, сколько я могла простоять под тёплыми струями ещё, если бы голову не начало клонить не в ту сторону. Мысли заострились на Диего: его руках, по которым бежали линии вен, мускулах, которые я желала потрогать, щетина, о которую я хотела потереться щекой и футболка, под которой

скрывается тело Бога. Закрыв глаза, я повела рукой вдоль тела к тому месту, где всё завязалось в узел и было готово вспыхнуть. Вторая рука устремилась к груди, но представляла я ладони человека, с кем быть непозволительно, а то и вовсе нельзя.

– Грейс! – раздался голос Саманты, как гром среди ясного неба, из-за чего я резко скинула с себя руки.

– Да? – с дрожью в голосе, отозвалась я, боясь, что была поймана с поличным.

– Алан пришёл и ждёт тебя.

– Иду, – вздохнула я, вспомнив друга, которому обещала разрушить нашу дружбу то ли любовными отношениями, то ли разбитым сердцем.

Алан оставался Аланом: заботливым, смешным, отзывчивым и дружелюбным, чего не сказать обо мне, потому что я вытащила колючки, замечая блестящий взгляд друга на себе.

Парочку часов, мы просто болтали с Самантой и Аланом, пока они рассказывали мне вчерашние события на вечеринке, которые я, к сожалению, не знаю или не помню.

Какой-то парень на спор разделся и бегал по крыше близлежащих домов абсолютно голым, девушку с третьего курса накачали алкоголем так, что она блевала дальше всего, что видела. Надеюсь, эта сумасшедшая не получила спиртной удар, как солнечный, и сейчас жива, и здорова. На свете много ублюдков, готовых воспользоваться подобной удачей не только в сексуальном плане, но и с целью вымогательства

какими-нибудь не самыми лучшими снимками. В таком случае, девушке обеспечен позор и жизнь в клетке.

Нашу лёгкую и непринуждённую атмосферу нарушила сучка—Полли, вломившаяся в комнату так, словно она её собственность.

– Мы идём? – улыбнулся мне Алан.

– Идём, – кивнула я.

– И куда вы? – вступила Саманта.

– Свидание, – подмигнул ей друг, а Полли посмотрела на меня так, что в её глазах от меня не осталось и мокрого места.

Вькуси, сучка.

Не знаю, чем я кичилась, потому что ничего хорошего из этого не выйдет. Хотя, кто знает. Мы знаем друг друга с детства. Мы – лучшие друзья. Он всегда был рядом, но чувствую ли я к Алану романтические чувства? Нет. Я совершенно не понимаю, какие нужно подобрать слова, чтобы он понял моё отношение, но, видимо, их придётся найти.

Заняв место в уютном кафе, куда меня привёл Алан, я уставилась в меню.

На самом деле, чувствовала я себя не в своей тарелке, хоть и находилась с ним. Отношения между нами изменились и это полностью моя вина.

Ещё хуже мне стало тогда, когда, подняв глаза, я застала Диего с девушкой, вошедшей в кафе. Мне захотелось провалиться сквозь землю на том же месте, где я сидела пятой

точкой.

Она, чёрт возьми, красива. Невероятно красива и примерно моего возраста.

Легкие светлые локоны ниспадали на её плечи чуть выше груди, обворожительная улыбка, которую она посвящала ему. И будь я трижды проклята, потому что он делал то же самое, смотря на неё.

Диего и улыбка, такое вообще возможно?

Чёрная футболка облегла каждый бицепс его тела, как и джинсы, которые прятали то, что я так желала увидеть. Девушка с ним настолько миниатюрна, что обогнуть её талию – Диего удастся лишь одной ладонью. В горле застыли рвотные позывы, когда они заняли столик.

Я имела бешеное желание пересечь на другую сторону, чтобы не видеть лица своего тренера, который занимал диванчик через один стол от нашего. Что-то внутри меня бушевало и выводило из себя. Я практически не слышала рассказа Алана, занимающего место, напротив. Впервые в жизни я позволила себе абстрагироваться и не послушать друга. Мне стыдно, но я лишь кивала головой где, то было необходимо, пока мой взгляд впивался в затылок девушки напротив Диего.

В лёгкие и вовсе перестал поступать кислород, когда он оголил идеальные зубы, растянувшись в улыбке, смотря на свою собеседницу. Слишком быстро воздух в помещении наэлектризовался, а мне стало так душно, как никогда ранее. В

эту же секунду я подскочила с места и промямлила какие-то невнятные извинения для Алана о том, что мне необходимо на свежий воздух.

– Гри, – остановил он меня, когда я уже поравнялась с ним, – всё в порядке?

– Да, – слишком быстро и не естественно закивала я, – мне нужно на свежий воздух. Я вернусь через несколько минут.

Отпустив руку, Алан проводил меня взглядом, который я чувствовала на своей спине до тех пор, когда дверь за мной не закрылась.

Путь мой лежал через столик Диего и его спутницы, чёрт меня подери, но каким-то непонятным способом мне удалось вскинуть подбородок и пройти мимо, зацепив тёмный взгляд тренера. Одним взглядом – он делает так, чтобы всё моё нутро затрепетало, а колени подкосились. Но я успешно создаю вид безразличия.

Только выйдя на улицу, я наконец-то более-менее выдохнула и пустила воздух в лёгкие, которые успели высохнуть за несколько минут в кафе. Отойдя ближе к небольшому проёму между кирпичными зданиями, я облокотилась спиной на стену и подняла голову к небу, закрыв глаза.

К счастью, время было позднее и тёмное, по этой причине на улице практически не присутствовало народу, что было мне только на руку. Мне не нужны лишние вопросы: *с Вами всё в порядке? Вы живы? Вам помочь?* Со мной всё очень даже в порядке, просто в одном помещении со мной, нахо-

дится человек, который заставляет моё тело не повиноваться мне так же, как и разум. И этот человек, мать твою, с какой-то сукой. Слишком молоденькой и хорошенькой сукой. Пусть она пылает огнём вместе с ним.

Жадно наполняя лёгкие кислородом, я отчаянно пыталась найти в себе силы вернуться назад, но ноги приросли к плитке и не позволяли сдвинуться с места.

– Будь ты проклят, слишком горячий Фуэнтес, – еле слышно, пробормотала я, хватая воздух губами.

Рядом с моим ухом прозвучал щелчок пальцев, отчего я резко распахнула глаза и встретила с взглядом Диего, который смотрел на меня выпуская сигаретный дым, который тут же уносился прочь вместе с ветром.

– Что? – сипло прохрипела я, после чего откашлялась.

– Не издавай таких звуков, – резко сказал он и дрожащей рукой поднес сигарету ко рту.

Сглотнув, я попыталась успокоить бешеное дыхание, которое всегда становилось таковым рядом с Диего.

– Каких? – я старалась показать, что мне плевать на него и его присутствие, поэтому в привычной мне манере – я промурлыкала.

– Таких сексуальных, – от его слов пламя внутри меня загорелось с большей силой, а ноги и вовсе перестали держать меня. От возбуждения я невольно прикусила губу, что не осталось незамеченным Диего, который внимательно проследил за моим жестом и в следующую секунду громко рявк-

нул, – блядь.

Отбросив сигарету на асфальт, Диего, не глядя, потушил окурок ногой, пристально впиваясь в меня взглядом, из-за чего я поёрзала на месте. В следующую секунду я оказалась за углом, его жадные губы на моих и рука, которая тут же проскользнула под подол платья, ведя вверх по внутреннему бедру к самому эпицентру пожара.

Как только горячие пальцы проскользнули под трусики – колени меня предали и подкосились, но Диего быстро подхватил моё содрогающееся тело, обведя рукой талию и прижав к себе настолько сильно, что между нами не смог проскользнуть и лист бумаги. Глухой стон вырвался изо рта, когда первый палец вошёл в меня, а его зубы прикусили мою нижнюю губу.

Стена между нами окончательно рухнула, а разум затуманился.

Дрожащими руками, я начала спешно расстегивать ремень на его джинсах, а следом пуговицу и ширинку. Вместе с этим, я пыталась ещё и дышать, хотя совершенно позабыла, как это делается, потому что его палец двигался во мне, а губы и язык сплетались с моими.

Я обезумела. Страсть и желание полностью поглотили меня так, как никогда и ни с кем ранее.

Джинсы со звуком повисли на его коленях, а рядом зашуршал пакетик, который он откуда-то успел достать. Не иначе, как магия вне Хогвартса.

Опустив глаза, я оглядела мужчину перед собой, а точнее то, что было ниже его живота. Проглотив новую порцию воздуха, я отвела взгляд и проглотила слюну, пока внутри всё сжалось и пульсировало. Горячие губы вновь возникли на коже, а дыхание начало обжигать шею.

Сильные руки оторвали тело от земли, следом, мои ноги обвили вокруг талии и закрыли кольцо разделяющего пространства между нашими телами.

– Смотри на меня, – хрипло приказал Диего, когда я закрыла глаза, скрепив руки на его шее и запустив пальцы в тёмные волосы.

Открыв глаза, я встретилась с прожигающим взглядом тёмных глаз, которые смотрели намного глубже, чем я того желала. Из моего рта вырвался пронзительный стон, а Диего издал рык, заполнив меня полностью. Прислонившись к моему лбу – своим, он задвигался, а я закусил губу, не решаясь закрыть глаза под его приказом, хотя наслаждение пронзало каждую клеточку, которое я начала получать с первой же секунды,

Его движения ни капли не намекали на нежность, что приводило меня в ещё большую агонию. Я вовсе позабылась и растворилась в этом мужчине без остатка. Вокруг нас не было ничего. Я не думала, что мы на улице. Не думала, что кто-то может пройти мимо и увидеть. Не думала о том, что Алан находится за моей спиной через стену, которая разделяет нас. И я не думала о том, что мои стоны услышит даже

глухой, проживающий в паре кварталов от нас.

Жадно впившись в мои губы, Диего ещё сильнее прижал меня к стене и сжал пальцы, которые наверняка оставят следы на моём теле, как и мои ногти на его шее. Хотя я старалась не делать этого, запуская пальцы в его волосы и немного дёргая их назад, из-за чего он издавал рык в мой рот, а я ответный стон – в его.

Вернув дрожащие ноги на пол, Диего покрутил меня вокруг собственной оси так, что теперь я осталась лицом к стене и спиной к нему. Подол платья взметнулся вверх и накрыл талию вторым слоем, а крепкие руки притянули мой зад ближе, заставив спину выгнуться, словно дуга.

Войдя в меня, он задвигался ещё быстрее, а я застонала ещё громче. От нарастающего давления внутри меня, я заерзала на месте и сильнее почувствовала пульсирующий член.

– Чёрт, Грейс! – рыкнул он, притянув за волосы и впившись губами в мою шею, где наверняка остался след его зубов. Я улыбнулась, но не той улыбкой, которая доставалась Алану, а той, что делает из меня самую настоящую адскую бестию.

Когда руки сжали мою талию жёсткой хваткой, я задрожала и вспыхнула. Следующим рывком, к кульминации пришёл Диего, который тяжело задышал у моего плеча.

– Проклятие! – прохрипел он и стукнул кулаком о стену в паре дюймов от моего лица, но я даже не вздрогнула от столь резкой смены его настроения.

В следующую минуту, он поднял джинсы и вернул их на место. Как только до уха донёлся характерный звук застегивающейся молнии, я повернула лицо и увидела спину, которая скрылась за углом.

Судорожно, я натянула трусики и расправила платье, пытаясь привести волосы в нормальное положение после того, как они изрядно пошоркались о стену позади. Под рукой ничего не было, поэтому свой внешний вид – я подправила интуитивно.

Войдя в кафе, я попыталась сделать уверенную походку. От Диего и его спутницы и след простыл. Их столик был пуст. Заняв диванчик напротив, я провела пальцами по волосам, но вышло не особо, потому что Алан посмотрел на меня со смесью замешательства.

– Эм, помада, – указал он пальцем в левую сторону.

Внутренности у меня расплавились под кипящей лавой стыда. Поджав губы и поднеся дрожащую руку к лицу, я попыталась, не глядя, вытереть помаду, которая явно была размазана. Мне стало так стыдно и тошно от самой себя, поэтому я опустила глаза в стол перед собой, предварительно послав нервную улыбку Алану.

– Ты в порядке? – послышался его немного надорвавшийся голос, над моей головой.

– Да, – хмыкнула я, – я.. всё в порядке.

– Гри, что с тобой? – потормошил Алан моё плечо, но уже заняв место рядом.

– Прости, мне просто стало плохо, – соврала я, покачивая головой, но всё ещё не поднимая глаз, по которым друг легко всё поймёт, – тошнит.

– Хочешь уйти? – тихо спросил он.

– Нет, – отрицательно закрутила я головой, хотя стоило согласиться, – это вроде... первое свидание.

– Мы можем уйти, Гри, ходим в другой раз, – пожал он плечами, из-за чего мне стало ещё только от самой себя. Алан озабочен моим здоровьем, а я всего лишь переспала с тренером за углом на своём первом свидании с другом.

Алану всё же удалось увести меня из кафе, чему я одновременно была благодарна и унижена. Уверена, узнав произошедшее, он не пожелает даже одним глазом взглянуть в мою сторону. Что тут говорить, я и сама чувствую себя ничтожеством.

Проводив меня до комнаты, Алан оставил поцелуй на моей щеке, а я так и не смогла посмотреть ему в глаза.

Я проследила за его удаляющейся спиной взглядом до тех пор, пока она не скрылась с вида и зашагала к выходу из кампуса. Не хочу идти в комнату и подвергаться допросам Саманты, либо сучки-Полли, которая так и ждёт, когда я облажусь.

И она выиграла. Я облажалась. Я чертовски облажалась.

Глава 6

Всю ночь я не могла заснуть из-за воспоминаний сладкого момента. Касания Диего все ещё чувствовались на моей коже так реально, что мне казалось, будто он рядом. Даже когда я всё-таки смогла погрузиться в царство Морфея, сновидения были о нём. К утру мне уже хотелось не петь от счастья, а проклинать гребаного Фуэнтеса за мокрые трусики.

В душе по-прежнему сидит червячок, который битый час твердит мне о том, что он просто воспользовался мной, и я была совсем не против. *На тот момент.* Хотя кого я обманываю, если бы он сейчас снял одну футболку передо мной – я бы уже растеклась лужицей и пошла за ним даже в огонь. Но грёбаный червяк вдобавок напоминает мне о безумно красивой девушке с самой красивой и жизнерадостной улыбкой, с которой он пришёл. Впервые в жизни я испытываю огненное чувство в груди, которое разжигает во мне не костер, а чёртово пламя, пожирающее меня, не давая сделать вдох, – ревность. Никогда бы не подумала, что когда-нибудь испытаю это колющее чувство. Кажется, каждый не задумывается об этом. Но в себе я была абсолютно уверена: холодная, безжалостная, грубая и эмоциональная – разве такая, как я, могу испытывать ревность, вызванную светлыми чувствами *влюбленности*? Диего, сам не задумываясь и не делая ничего намеренно, меняет мою жизнь в корни и меняет саму

меня.

Из сна меня вырвал противный звон, и если бы это был будильник, то я бы не задумываясь швырнула его в стену, но, к сожалению, это – телефон. С самого утра кто-то решил испортить мне жизнь своим присутствием в этом мире, разбудив меня пораньше. Обязательно продам все органы из этого паршивца на чёрном рынке, как только пойму кому от меня что нужно.

– Что? – грубо рявкнула я, как только приняла вызов.

С той стороны трубки послышалось знакомое фырканье.

– А мы с отцом слепо надеялись на твое перевоспитание в Принстоне. Но я была права: Америка явно ни лучшее место для жизни, потому что ты стала ещё злее. Кто же тебя так обидел, *Грейси*?

Только не это, чёрт возьми.

Мама. Практически каждый из нас, услышав это слово, представляет что-то нежное, тёплое, искреннее, родное. Как вы можете угадать, я точно не вхожу в это число счастливиц. Но смело могу сказать, что могу терпеть мать дольше, чем отца, потому что последний до одури невыносим.

Моя мама забеременела мной, когда ей было всего семнадцать. Ее родители, насколько я знаю, были категорически против брака моих родителей, но, когда они всё-таки поженились, родители мамы предложили забрать меня к себе, из-за чего оскорблённая пара молодых родителей перестали общаться с ними. В итоге: я никогда не видела своего дедушку

и бабушку по линии матери, но что-то во мне подсказывает, что они совершенно другие, относительно родителей отца. И я слепо верю во встречу с ними. Я хочу узнать их. Я хочу узнать тех, кто даже на расстоянии испытывает ко мне безусловную любовь.

Проглотив ком в горле, я выдавила из себя приветствие, на что мама вновь фыркнула:

– И тебе здравствуй, Грейси. Как проходит учёба? Ты ещё не передумала? Отец купит тебе билет в бизнес-класс сразу же, когда ты попросишь. Ты ведь знаешь об этом, так?

Ну конечно, она звонит, чтобы лишний раз напомнить о своей правоте. Хотя даже такое внимание с ее стороны кажется мне приятным.

– Все нормально, спасибо, что интересуешься. Как ваши с папой дела?

– Честно? Я максимально устала от постоянных встреч с заказчиками, но твой отец отказывается ходить на них один. Чувствую себя зверюшкой в цирке, которую используют для привлечения внимания.

Я хрипло рассмеялась. Это так похоже на отца: без мамы он, кажется, ходит только в туалет.

И нет, это не безумная любовь. Мои родители не питают к друг другу никакой любви, кроме как дружеской. Забавно, но они всего лишь друзья. Когда-то они даже твердили мне, что между супругами не может быть любви, любовь – выдумка. И я слепо верила им.

– Что-то серьезное, мам? – спросила я, когда в замке комнаты начали ковыряться ключом – Саманта.

– Пока нет, а должно что-то случиться, чтобы родная мать позвонила своей любимой дочери?

Может быть, для матери, решающей позвонить своей любимой дочери, не нужны никакие причины. Но мы не в том положении, где я лучшая дочь, а мама заботливая и вечно переживающая. Хотя она переживает: за свою репутацию, на которую может плохо сказаться мое поведение, выпад и прочая хрень, которая меня не волнует.

– Нет, если это всё, то мне срочно нужно бежать. Передай папе привет, – не дожидаясь ответа от матери, я сбросила вызов и уткнулась носом в подушку.

Дверь распахнулась и в комнату ввалилась Саманта, держа в руках вешалки с одеждой. Она быстро сократила расстояние до своей кровати и рухнула на нее, не боясь смять ткань платьев.

– Я выдохлась. Наш профессор по истории моды уехал на повышение квалификации. Зачем он это сделал? Он сто процентов подставил меня, потому что он знал о моей взаимной ненависти к миссис Робин. Она – Драко Малфой только в юбке. И, клянусь, когда-нибудь ей точно прилетит учебник в лоб, а то и больше чем один, потому что я больше не выдержу двухчасовой пытки с ней в аудитории, – устало пробормотала она в покрывало, затем, будто что-то щёлкнуло в её голове, Саманта резко подняла голову и устремила взгляд

на меня:

– Что ты здесь делаешь в такое время?

– А сколько сейчас времени?

Я хотела потянуться за часами, но оторвать свою голову от подушки оказалось труднее, чем я думала.

– Час дня. У тебя разве нет лекции, тренировки? Полли сказал, что ты вчера напечатала всей команде сообщение о какой-то новости, которую объявишь за десять минут до начала тренировки.

Дальше я не слушала то, что Саманта говорила. Ее слова подействовали на меня, как электрошокер – я быстро вскочила с кровати и ринулась в другой конец комнаты к шкафу, наспех напялила на себя джинсы и обычную футболку на размер больше нужного. Только тогда, когда я наконец смогла сделать передышку, зашнуровывая кеды, поблагодарила Саманту:

– Спасибо тебе, Сам. Вчерашний день преподнёс мне не малое количество сюрпризов, которые я пыталась осмыслить всю ночь, из-за чего легла только под утро.

– Ну и как прошел процесс?

Тяжело вздохнув, я открыла дверь и, готовясь выйти и убежать в сторону футбольного поля, кинула Саманте отрицательный кивок головы.

– Стало только хуже.

Она пожалала плечами и пообещала закрыть за мной дверь, поэтому я со всех ног умчалась на лекцию, придумывая себе

причину опоздания.

– Извините, профессор, можно войти, – я осторожно открыла дверь и попыталась найти маленького мужчину, который ведёт у нас историю искусства.

– Мисс Мелтон? Да, конечно, проходите, – сказал голос за столом, – прошу сесть вас с Оливером, Рори и Беллой. Вы пришли последней и свободное место в группе только с ними.

Дойдя до нужной парты, я села за свободный стул и посмотрела на своих одноклассников, с которыми буду выполнять задание вместе: светловолосый парень, который в первый же день отличился, пошутив надо мной, и брюнетка со своим другом азиатской внешности.

– Я Рори, а это Бель, – лучезарно улыбнулся парень, показав на свою подругу, которая сейчас обратила все свое внимание на телефон, – Белла, – шепнул он ей, и девушка подняла на меня глаза.

– Привет.

– Ну, меня ты уже знаешь, принцесса, – пошло улыбнулся Оливер и подмигнул мне. Если бы это сделал любой другой парень, то меня бы вывернуло на него, но слова Оливера я не принимаю всерьёз.

– Какое у нас задание?

– Мы уже все сделали. Ну, вообще-то я всё сделал, – всё также широко улыбнулся Рори. Бель мельком взглянула на парня и хмыкнула.

Входная дверь хлопнула, отчего даже Бель, которая была больше заинтересована в телефоне, чем в нас, повернула голову в сторону звука. На её лице промелькнул целый спектр эмоций и остановился на отвращении.

– Мудила на горизонте, – скорчив гримасу, Рори окинул оценивающим взглядом входящего парня и поморщился, – это ее парень. Он бросил ее со словами о её бездарности, бесполезности, неприглядности...

– Хватит. Спасибо, Рори, все всё поняли, – рывкнула на него Бель, продолжая смотреть на того парня, который уже сядил на место.

Оливер хмыкнул:

– Тогда докажем ему обратное. Ты – лучшая, Бель из сказки. И когда он узнает это – он посадит тебя на стол и до блеска вылизет твою киску, – довольно улыбнулся Оливер, словно Чеширский кот, но тут же заметил наши лица, на которых отобразился ужас, – вы – девственники? Вот это, блядь, дела. Реально не знаете, что такое куни? Ок'ей, дядя Оли расскажет вам: куни – это рай женщин, когда...

– Боже мой, скажи еще раз сто слово куни, Оливер, – застонала Бель, пока Рори пытался закрыть уши руками.

– Если ты просишь, то куни, куни, куни, куни, куни, куни, куни...

Кажется, этот парень явно не понимает сарказма.

– Всем пока, я сваливаю.

Оливер наконец замолчал, отчего Рори с Бель посмотрели

на меня с благодарностью.

– Пока, принцесса.

Выйдя из аудитории, я сразу же направилась в сторону раздевалки.

Все девушки стояли на поле, переодетые в форму, и ждали меня – непутёвого капитана, который проспал лекции и забыл про свою команду. Как только я подошла к ним, всё внимание с яростно говорящей брюнетки, которая стоит у нас на защите, перешло на меня. Донна шепнула мне «привет» и приобняла за плечи. Почувствовав её поддержку мне стало легче говорить:

– Спасибо за то, что услышали меня и пришли.

– У нас просто не было выбора, капитан, – выплюнула Полли, сдувая прядь волос со лба.

Если она скажет ещё хоть слово – я за себя не ручаюсь.

– Заткнись и слушай, – рявкнула я на неё и перевела взгляд на других девушек, – на следующей неделе у нас будет матч с колумбийским университетом, а что это значит? А это значит больше работы в десять раз. Вы должны пахать на поле, словно лошади. Вы должны уходить с тренировок потными, уставшими, убитыми. Вы должны слушать мои указания. Мы обязаны выиграть. Всем всё ясно?

Единогласное «да», и громкое «да» Донны и злое «конечно» Полли. Плевать, пусть бесится сколько ее душе угодно. Моя задача выиграть, ее задача не мешать мне выигрывать.

– Какого хрена тут происходит? – рявкнул мужской бари-

тон позади нас, и конечно же я сразу узнала, кому он принадлежит.

Как только мы все повернулись, чтобы посмотреть на тренера Фуэнтеса, я сразу заметила, что смотрит он буквально на всех, но не на меня. Диего тщательно избегает встречи со мной даже глазами.

Он будет вести себя, как подросткок-девственник, которого смущает одно слово куни? И это всё из-за того, что мы занялись сексом? Охренительно.

– Раньше пришли, чтобы потренироваться дольше нужно. Это же не запрещено? – спросила у него Полли.

Он смерил ее холодным взглядом своих карих глаз.

– Неужели? Я не вчера родился, Бейкер. Выкладывай.

Неожиданный резкий ответ тренера настолько удивил её, что она растерянно хлопала ресницами, сжав губы в линию. Никогда бы не подумала, что её можно заткнуть.

– Вам лучше спросить капитана команды, тренер, – наконец сказала Полли, сжимая руки в кулаки, будто вот-вот и нападет.

И он впервые за то время, пока находится здесь, посмотрел на меня. Цвет его глаз из-за солнца стал похожим на текучее золото, очерчивающее солнечное затмение. Пусть даже на лице застыла типичная маска безразличия, я до сих пор видела в нём того, кто взял меня за углом и просил посмотреть на него. В груди сжалось сердце, отчего я даже, кажется, дёрнулась. Как же он красив. Я с первого дня нашего зна-

комства знала, что он самый привлекательный мужчина из всех, что населяют нашу планету, но теперь я вижу красоту не только на лице, на его теле – он, красив и внутри. Вечно загадочный, холодный, чёрствый, полный безразличия, но один миг – и он становится горячим, словно феникс, эмоциональным, дерзким и властным. Он настоящая загадка для меня, которую мне уже не терпится разгадать.

– Что здесь происходит, Мелтон? – снова по фамилии. Ему нравится ходить по второму кругу, возвращаясь каждый раз к одной и той же точке старта?

Я пожала плечами, стараясь смотреть ему в глаза, а не на накачанные руки, мышцы живота, которые плотно облегает футболка. Если я подавлюсь слюной, он победит.

– Просто рассказывала девочкам о матче на следующей неделе, так ведь?

Девушки кивнули.

– Хорошо, тогда за работу. Сегодня мы не будем отрабатывать игру. В наш сегодняшний план входит игра в тройках. Один нападающий, защитник и ваш вратарь.

– Вратарь? – поморщилась одна из девушек.

Тренер закатил глаза, даже не поворачивая голову в ее сторону.

– Если у вас проблемы со слухом, то идите вон, мисс Арен. Первая тройка: Мадонна, Полли и Мелтон. За работу.

Роль нападающего была определена мне, Полли защитником и Донна стала вратарём без ворот. Встав на линию, мы

с Полли испепеляли взглядом друг друга и ожидали свистка Диего, когда все правила университета уже перестанут на нас действовать, и мы сможем хорошенько избить свой объект ненависти. В её случае цель – я, в моём – она.

Как только до нас донесся громкий звук свистка, мы кинулись друг на друга. Я с мячом бежала к Донне, чтобы перекинуть мяч за линию, а Полли бежала на меня, расставив плечи и готовясь сбить меня с ног сразу же, как только я стану в зоне досягаемости.

– Мелтон, откуда у тебя растут ноги? Быстрее, – кричал Фуэнтес, раздражая меня.

Хотелось развернуться и кинуть мяч прямо ему в голову, но боюсь подпортить его чудесное лицо.

Пока я отвлеклась на тренера, Полли уже добежала до меня и приготовилась толкнуть меня, чтобы перехватить мяч, но я резко проделала крюк, из-за чего оставила её позади себя. Возмущённая Полли кинулась за мной.

– Молодец, Бейкер! Со спины нельзя, запомни, ты, твою мать, не крыса. Догони её и сбей нахрен. Не позволяй ей добежать до Донны, – продолжал кричать Диего.

Он поддержал Полли, а не меня.

От осознания этого в горле встал ком, но сразу же перешёл в грудь, срастаясь с бешеной яростью. Хотелось показать ему, что Полли, за которую он так ярко болеет, гораздо хуже меня.

Мне осталось всего пару футов до Донны, но я предпочла

отомстить. Я развернулась и кинулась на Полли.

– Ты что блядь творишь, Мелтон? – во все горло крикнул Диего, но я уже не слышала его.

Добежав до Полли, которая смотрела на меня с открытой злобой, я опрокинула её через спину, отбросив мяч в сторону. Как только она с громким хлопком достигла земли, я пнула ее в бок, взяла мяч и побежала до Донны. И чёрт возьми, она была полнейшем шоке, из-за чего не смогла поймать мяч, прилетевший в неё.

Встав на месте, я попыталась привести дыхание в норму. Я нашла опору в своих коленях, положив на них ладони и присев. Яростный стук сердца отчётливо слышался даже в пятке, руки дрожали, как от первой победы, а голова ходила кругом. В глазах начало темнеть, и ощущения того, что я вот-вот и упаду, настигли меня. Нельзя. Я победила эту суку. Я должна выйти из игры достойно, а не на руках Донны, которая будет тащить меня в медпункт. Звёздочки в глазах хохотали надо мной, а чувство собственного достоинства рычало им в ответ.

– Ты как? Это было охренеть как круто, Грейс. Ты реальная машина для убийства, и я просто обязана повесить твое фото в виде плаката на стену, – затараторила Донна, подбежавшая ко мне. Активно жестикулируя, она продолжала что-то говорить, но я уже не слышала её. Мир вокруг меня вдруг стал шататься, а звук выключился, будто кто-то случайно нажал кнопку пульта.

Резкий хлопок, и я уже в руках Донны, которая держит меня на весу.

– Что с тобой? Может тебя отвести к врачу?

– Не надо, – прохрипела я не своим голосом. Весь звук слышался мне так, словно я на несколько метров под водой, – всё в порядке. Просто отнеси меня к трибунам, пожалуйста.

Меньше всего меня волновало самочувствие Полли, которую я грубо перекинула через себя и сильно пнула. Она не умрет, и на этом хорошо. По крайней мере Полли заслужила это: своим поведением она давно добивалась того, что я начну применять силу. И мне плевать, что теперь меня могут исключить из команды. Я смогу обойтись без спорта, а вот дальше терпеть выходки Полли я бы не смогла.

Донна по моей же просьбе оттащила меня к трибунам, посадила меня на стул и села рядом, испуганно всматриваясь в мое лицо, тело и даже воздух вокруг меня.

– Ты молодец, – тихо сказала она, как в заключение, – поставила её на место.

– Наверное, – с трудом рассмеялась я, но вышло только криво приподнять один уголок губ. Ощущения все ещё были странными, и казалось, что это тело вовсе не моё.

Я повернула голову в сторону поля, где недавно носилась здоровой лошастью, и искала глазами Диего. Больше всего мне не хочется, чтобы он разочаровывался во мне.

– Она ушла вместе с Эрикой. Кстати, выглядит она лучше тебя. Такое чувство, будто не ты ее, а она тебя сравнила с

землѣй, – сказала Донна, подумав, что я ищу Полли. Ещё чего. Я не стану волноваться за её здоровье.

– Грейс, – раздался голос рядом с моим ухом, и я резко подняла на звук голову, отчего голова закружилась ещё сильнее. Диего быстро подхватил меня и кивнул Донне, чтобы она пошла прочь. Подруга с вызовом посмотрела на него, готовясь чуть что встать на мою защиту и сразиться даже с медведем. Но Диего лишь смерил её злым взглядом, и та сдалась. Как только она ушла, часто оборачиваясь, Диего сел на её место и оказался лицом к лицу ко мне.

– Ты могла пострадать.

– Значит, теперь ты переживаешь не за Полли, а за меня, – мне хотелось истерически смеяться.

Руки Диего от злости задрожали.

– Какая же ты глупая, Грейс. Скоро матч, и ты нужна команде не только как капитан, но и как лучший игрок.

– Стоило мне сбить её с ног, и я стала лучшей. Неплохо, – хмыкнула я, хрустнув пальцами.

– Блядь, заткнись. Просто заткнись. Какая же ты сложная. Почему, почему, почему с тобой так всё сложно? – крикнул мне в лицо Диего, сжимая голову. Он запустил пятерни обеих рук в волосы, отдёргивая их и становясь похожим на сумасшедшего учёного, – я устал от всего. От того, что мне пришлось здесь работать, от того, что Мария снова связалась с дурной компанией, и меня нет рядом, чтобы вправить ей мозги. Жена Рома забеременела, а мой брат – трус, и боится

ответственности в виде ребенка. Я устал от тебя, Грейс, потому что ты невыносима. Ты ведёшь себя как ребенок, чёрт возьми.

Ещё минуту мы просто смотрели друг другу в глаза. Только сейчас я смогла заметить большие синяки под его глазами, взгляд его ореховых глаз перестал быть холодным и стал усталым. Он открылся мне. Открылся, с другой стороны. Теперь я знаю, что у него есть брат-говнюк, какая-то Мария, за которой он присматривает, как за младшей сестрой. Диего Фуэнтес раскрывается мне, но это только удваивает количество вопросов, загадок, мыслей.

Сильные руки обняли меня со спины. Из-за головокружения, которое ещё играет с моим разумом, я не смогла даже дёрнуться. В следующую секунду из-за спины вышел Алан, улыбнулся, притянул меня к себе и жадно поцеловал в губы.

А я не смогла сопротивляться.

Глава 7

Когда Алан оторвался от меня, точнее, я осознала произошедшее и отстранилась от него, спина Диего уже не маячила на горизонте. Только что было уничтожено то, что вот-вот зародилось или пыталось зародиться.

Можешь ожидать того, что на матч он наденет футболку с именем Полли, болея не за команду, а за неё. Как сделал это сегодня.

Мне хотелось орать на Алана, стуча по его груди, но, таким образом, я лишь дам ему понять, что за мной дело не чисто.

Я вообще не понимаю, как он не увидел мой взгляд, обращённый к Диего. Это же Алан. Тот Алан, который знает меня всю жизнь так же, как и я его. Чёрт, да он знает почти всё. Девяносто девять и девять процентов меня. Он – мой лучший друг. Я делилась с ним всем, но он всё разрушил чувствами.

Либо сделал это нарочно.

– Что ты делаешь? – прошипела я.

– Я не понимаю, что тебя смущает, Гри, я просто поцеловал тебя, – спокойно произнёс Алан, и из-за этого спокойствия, мне хотелось накинуться и задушить его голыми руками

– Мы не одни! – взревела я, заняв оборонительную пози-

цию, пытаюсь обосновать собственную ярость в его глазах, дабы не выдать произошедшее между мной и Диего.

– Что тебя смущает?

– Мы, чёрт возьми, не одни! Вот, что меня смущает! Это не вежливо!

– С каких пор тебя вдруг начала волновать вежливость?

Пыхтя, я открывала рот, напоминая рыбу, которой не хватает кислорода, пытаюсь что-то сказать в свою защиту. Он прав. Мы оба знаем, что он прав. Когда меня волновало чьё-то мнение?

Тогда, когда ты увидела его, – оживилось подсознание, но я послала его к чёрту.

– Я должна доделать проект, – легко соврала я, чтобы отделаться от Алана и податься на поиски Диего.

– Проект? – выгнул он бровь.

– Да, – протараторила я, торопливо передвигая ногами, но пытаюсь сбавить темп. Уж довольно подозрительно я спешу, при чём с тренировки, которую не соизволила завершить.

Я даже чувствовала прожигающий спину, взгляд Полли, которая возвращалась на поле вместе с Эрикой.

Дорогая, сейчас мне бы очень хотелось, чтобы Алан запал на тебя так же, как и ты на него, но, увы, друг выбрал не верную дорожку.

Кроме того, что моя спина горела из-за зелёных глаз, я чувствовала остальные – ошеломлённые от других девочек. Я знаю, как всё выглядело: я и Диего орем друг на друга;

возникает Алан; я целуюсь с ним; в это время уходит Диего. И, кстати, я сбила с ног Полли, за которую так яро болел тренер. Сюжет довольно простой и понятный каждому. Не трудно соединить концы с концами, чтобы получить вполне понятное определение. Как бы мне не хотелось, чтобы всё было так, но видели все и всё.

На сегодня тренировка завершена.

Несясь со всех ног в тренерскую с надеждой обнаружить там Диего, я лишь попросту питала надежды. Надеюсь найти его там, я была слишком наивной.

Пусто.

Вместе с надеждами, отвалилась часть моей души.

Ноги вновь понеслись на поле. Видимо, тренировка не завершена, потому что сейчас я как бомба, готовая рвануть. Слишком много во мне было эмоций, от которых необходимо избавиться.

Практически телепортировавшись на улицу, я обнаружила команду на поле в том же положении, в котором оставила.

– Работаем! – крикнула я, хлопнув в ладоши, после чего посмотрела на траву, куда уселась Полли, рядом с которой был Алан, рассматривающий её лёгкие гематомы.

– Она не может тренироваться, Грейс, – нахмурился друг, подняв на меня глаза.

– Если я свалила её с ног, то после колумбийского, мы будем отдира́ть лепёшку от травы. Либо работаем, либо не-ем, – заявила я, из-за чего в глазах Полли вспыхнула ярость,

заставившая её выпрямиться и расправить плечи.

Так-то лучше.

Только сейчас я поняла, насколько мы похожи. Она пытается доказать что-то Алану, а я – Диего. Только беда в том, что мой наблюдатель исчез без каких-либо объяснений, так и не дав мне объясниться. Да и к чёрту.

По сравнению с Диего, я была самым настоящим зверем, который издевался не только над собой, но и над остальными.

К концу тренировки, девочки бездыханно валялись на траве полностью мокрые, и если команда заболит, то это будет полностью моя вина. Но я готова нести наказание за свои поступки. Я надеру десяток задниц одна, если это потребуется.

Итого, что я получила на последующую неделю: ничего. Ни одного взгляда от Диего. Когда он обращался ко мне, то смотрел куда-то в сторону, словно я – пустое место. Пылинка под его ногой. С одной стороны, мне было обидно, внутри я рвала и метала, но снаружи оставалась неприхотливой и равнодушной даже к Алану. И слава всем Богам, потому что он старался не трогать меня по пустякам. Да и я сослалась на то, что с каждым днём, к моему носу приближается день первой игры.

И что я сделала ещё из-за собственного гнева? Согласилась на выставку. Это было спонтанное и взбалмошное решение. Я просто прошла к профессору Фаринсону и сказала

«да», что он изначально не совсем понял, но потом до старичка дошёл смысл, и он принял моё согласие. Все мои шаги были только ради того, чтобы Диего посмотрел на меня. Внутренне, я буквально кричала, чтобы он увидел меня.

Снова мимо. Он не замечал.

В порыве ярости, я высказала все претензии на счёт формы, которую считала ничем иным, как одежку для шлюх. Это я, кстати, так и высказала мистеру Харрисону. Меня абсолютно не смущал подбор слов. Я называла вещи своими именами. Ректор опешил от моего резкого тона, но согласился в срочном порядке заменить нашу форму. Теперь у каждой девочки есть новенькая и красивая экипировка футболистки Принстонского университета, а не девочки на прокат.

За неделю, я успела исписать девять холстов. Эмоции так и лились из меня в виде красок. Что ж, эти картины сгорели ярким пламенем, за которым я наблюдала с величайшим удовольствием. Чёрт с ними тоже, как и с Фуэнтесом.

Собрав все эмоции в кулак, я вошла в раздевалку, где девочки уже натянули командную форму, улыбаясь и разглядывая друг друга.

– Грейс, это просто отпад! – заверещала Америка, когда увидела меня в такой же одежде. Нашим отличаем были лишь фамилии и номера на спине.

Другие девочки тоже поблагодарили меня за то, что я не стала целовать задницу ректора и высказала все претензии прямо в лицо.

Спасибо Диего, благодаря которому, в груди полыхала ярость, сметающая всё на своём пути. Хоть где-то от его игнорирования был толк.

– Всем привет, – как чувствуя мои мысли, раздался голос тренера за спиной, на который все перевели взгляд.

На протяжении недели, я, не боясь, бросала ему вызов и смотрела в глаза, но не получала ответного. Из-за присутствия Диего – разум снова канул в небытие, прокручивая его последние для меня слова на поле или руки, прижимающие к себе. Растормошил меня лишь голос старого доброго ректора.

– Тренер Фуэнтес и мисс Мелтон, прошу пройти за мной, – заговорил мистер Харрис, как только ступил на порог раздевалки. Ничего нового, как всегда ни Вам «здравствуйте», ни «До свидания». Как на счёт того, чтобы преподать ему уроки вежливости и намёка на то, что можно сказать какие-то наводящие и подбадривающие слова для команды?

– И Вам добрый вечер, многоуважаемый ректор, – иронично произнесла я, повернувшись в сторону двери, – не хотите что-то сказать команде? Мы вроде как собираемся представить сейчас спортивную жизнь университета.

– Эм, да, – помедлив, пробубнил он себе под нос, явно обескураженный моими словами, – желаю отличной игры. Тренер Фуэнтес и мисс Мелтон, буду ждать вас в тренерской.

И где, нахрен, тут тренерская? Мы не в своём универси-

тете.

Со своими словами, он покинул дверной проём. Что за холодность и не заинтересованность к собственной команде? Каждый раз, он проявляет интерес к моему мнению об университете, но при этом, даже не может или не желает подбодрить лицо университета. По неприхотливости и отстранённости, он напоминает моих собственных родителей, которые переживают лишь за имидж идеальных заботливых мамочку и папочку, вспоминаящие о дочери только тогда, когда «образцовой» семье необходимо выйти под свет софитов.

Могу уверенно заявить: в семье не без урода. На одном из таких вечеров, я, несовершеннолетняя любимица Грейси, накидалась шампанским так, что не узнала собственную мать и попросила найти миссис Мелтон у неё же. К счастью или сожалению, ничего большего я сделать не успела, родители быстро скооперировались и уволокли меня в машину с Джошуа, который доставил моё весёлое тело, желающее продолжения – домой. И подобных моментов моей жизни – не малое количество. Однажды, я даже успела зарядить в нос какого-то чиновника, но этот слизняк зашёл слишком далеко, когда положил свою жирную руку на мою задницу. Причём, на безымянном пальце его левой руки блестело обручальное кольцо. Выглядело это так, словно сардельку крепко перетянули тонкой ниточкой, по-иному не назовёшь. Не знаю, как в пьяном угаре, мне удалось разглядеть эту линию среди сгустка кожи, но этот урод получил по заслугам и мне

плевать, что я опозорила родителей. Я защитила свою честь.

Оставив команду, я первой проследовала за ректором, не став медлить, дабы не искать нужную дверь. Я специально повиливала задницей, лишь бы зацепить и приковать глаза Диего к себе. У меня получилось, потому что подобный взгляд я ощущала возле кафе тем вечером.

– На игру прибыли важные гости, – начал Харрис, как только мы вошли в тренерскую, – не подведите меня. Это слишком важно для нашего университета.

Козел, ты даже не мог сказать приятных слов для команды. Я выиграю только ради себя, а не ради твоих жалких «гостей».

– Что-то ещё? – ледяным тоном спросила я.

– Боюсь, что нет, – кивнул он, покачавшись на пятках и скрестив руки за спиной, – желаю удачи.

Со своими словами, он покинул кабинет с видом человека, который является не ректором одного университета, а сразу всего объединения лиги плюща.

– Может, ты перестанешь меня игнорировать, я – капитан команды, твоя правая рука, от меня невозможно избавиться! – закричала я зубами, обращаясь к Диего, ведь за неделю, нам так и не удалось остаться наедине, чего я страшно желала.

– Да срал я на твою команду и капитана! – прорычал он, сделав рывок к двери, но я резко схватила его за руку и остановила.

– Тебя злит, что он поцеловал меня? – с надеждой и иронией в голосе, спросила я.

Резко завернув голову в мою сторону, Диего, окинул меня взглядом ледяных глаз, смерив со стеной позади.

Стена. Я. Он. Наши губы и тела.

Проглотив скопленную слюну, я почувствовала, как внизу живота – вспыхнул огонёк. Я не могу забыть те минуты, они, словно буря, проносятся в голове почти ежесекундно. Уверена, мы подумали об одном и том же.

Отпустив руку, я попятилась назад, смотря в его глаза практически не моргая. Мои мнимые шаги закончились ровно тогда, когда поясница вписалась в стол. Каждое моё движение – Диего отслеживал словно коршун.

Руки у меня дрожали, как и ноги, поэтому я смогла лишь опереться на поверхность позади, дабы не сравняться с плиткой.

– Он поцеловал меня. И я ответила, – вновь заговорила я, – и знаешь, кого я представляла на его месте?

– Прекрати! – прорычал Диего, не двигаясь с места.

– Тебя, – продолжила я, проигнорировав его слова так же, как и он не замечал меня неделю.

– Хватит! – вновь рыкнул он.

На губах вновь начинала расползаться улыбка дьяволицы, потому что не пожелав он меня слушать, то уже давно мог быть на поле или в раздевалке.

Диего продолжал стоять на одном месте, а я собралась с

силами и отлипла от стола, зашагав на выход, но не успела, потому что дверь закрылась прямо перед моим носом. За долю секунды, я вновь оказалась у стола, а после и на столе. Рука Диего скользнула за мой затылок и запуталась в волосах, потянув их назад.

Губы, руки и тело мужчины, которого я желала всеми фибрами души, разместились между моих ног, награждая жадными и не терпеливыми поцелуями, которые поднимали каждую волосинку на коже. Откинув голову к потолку, я закрыла глаза и издала протяжный выдох и стон.

– Грейс... – прохрипел Диего у моей шеи.

У нас мало времени, а точней, его вовсе нет, поэтому дрожащими руками, я начала спешно расстёгивать ширинку на его джинсах, пока Диего поднял мою футболку вверх, открывая грудь.

Как только моя рука добралась до того, что скрывалось под чёрными боксерами и задвигалась – Диего зарычал. Развернув меня спиной, он уложил меня животом на поверхность стола и, стянув бриджи, резко вошёл, из-за чего я не удержалась и издала громкий стон. Но мне было плевать, если кто-то сейчас зайдёт и увидит нас. Я так сильно желала этого мужчину, что осознание и страх сдаются и покидают разум.

Закусывая нижнюю губу, дабы быть тише, трясущимися руками, я крепко держалась за уголки стола.

Каждое движение – выбивало из меня всякое сожаление

и ярость, длившуюся неделю. Мне так нравилось, как его крепкие руки хватают мою талию, оставляя следы от сильной хватки; как горячие губы выпиваются в шею; как тёплая ладонь подбирается к груди и сжимает её. Всякое действие в Диего – возбуждает меня и сводит с ума.

Быстрые толчки, которые я принимала с удовольствием и радостью, начали усиливаться и увеличиваться в темпе и напоре. Повернув моё лицо к себе, Диего впился в мои губы, и я вздрогнула, обмякая в его руках, словно хлеб в молоке. Через минуту, к своему завершению – пришёл он, резко двинувшись во мне и застыв.

– Зачем ты это делаешь? – прохрипел он у моего уха, положив лоб на плечо.

– А зачем ты это делаешь? – выдохнула я.

– Грейс, – прорычал Диего, покинув моё нутро и отстранившись, из-за чего я вдруг почувствовала себя одиноко.

Звук приближающихся ног, заставил нас встрепенуться и завершить дальнейший диалог. Вернув форму меньше, чем за секунду, я спешно подняла пару тетрадей, свалившихся со стола. Но я не учла одного «но», мои чертовы волосы сейчас напоминали солому.

– Этого больше никогда не произойдёт! – отрезал Диего, заняв место за рабочим столом, а я скрутила волосы в пучок на макушке.

– Мы оба знаем, что решаешь тут не ты, – заулыбалась я, из-за чего его лицо стало багрового цвета, а мои щёки и без

того, оставались покрасневшие.

Дверь в кабинет распахнулась, и на пороге появилась та сучка, которая была с ним в кафе, из-за чего ярость во мне вновь дала о себе знать с новой силой.

Что б ты знала: сейчас он трахался со мной.

– Мелтон! – прорычал тренер в свойственной себе манере, наградив меня смирительным взглядом, – ещё слово и вылетишь из команды!

– Диего! – сердито пискнула сучка, но я не обратила внимание, даже если она решила защитить меня.

– Значит, я буду лишена всего лишь пары минуток наедине с Вами, не велика потеря, – выдала я, из-за чего его лицо перекосилось ещё больше, потому что я давала не двусмысленные намёки. Если эта сучка не тупая, то поняла, о чём я веду речь.

Со своими словами, я расправила футболку и вышла из кабинета, услышав, как она начала ругаться, что еле нашла эту каморку среди коридоров.

Не понимаю, что движет мной, когда я практически в открытую заявляю о своей связи с тренером, но я не крашенная блондинка, чтобы в мозг проник отбеливатель, поэтому мне известно это чувство – ревность. Мои начавшиеся размышления вылетели из головы также спешно, как позади дёрнула чья-то рука, но она не принадлежала Диего, который может обвести мое запястье пальцем.

Завернув голову, я встретила лицом к лицу со своей со-

перницей, как я её считала. У неё действительно есть что-то, что незримо притягивает к себе. И я легко могу поставить её в свои ряды.

– Благодарить не буду. И вообще, мне не нужна была помощь от его пассии, – довольно резко бросила я.

– Я не его пассия, – поморщилась она, – мой брат – засранец. Самый ужасный засранец из всех возможных, но будь он не моим братом, я бы надрала его задницу и послала нахрен. Дашь мне пять?

– Что? – ахнула я, разинув рот и жадно хватая воздух.

Она. Его. Сестра.

Чувство стыда за собственный тон – дало о себе знать с той же резкостью, как и Диего усадил меня на стол.

– Мария, – улыбнулась она и протянула руку, на которую я посмотрела с каким-то ужасом и благодарностью. Она защищала меня несмотря на то, что не знает ситуации. И это о ней он говорил на поле.

– Грейс, – решила ответить я, вложив свою ладонь в её.

– Не обращай внимания на моего старшего брата, он уже давно позабыл о вежливости и нормальном общении с людьми.

– Он что, социопат? – наконец улыбнулась я, но с долей нервозности.

– Мария! – раздался грубый голос за её спиной, на который мы тут же перевели внимание.

– Иду, иду, – вздохнув, закатила она глаза и повернулась

ко мне, – приятно познакомиться, Грейс. Как на счёт потусить вместе? А то я часто нахожусь в обществе социопата, либо человека, стремящегося к подобной личности.

– Согласна, – кивнула я, на что получила широкую улыбку Марии, которая тут же поспешила к Диего, готового сжечь нас на том самом месте, где мы стояли.

Не став смотрел вслед Марии, потому что Диего испепелял меня взглядом, я развернулась и продолжила свой путь.

В раздевалке стоял бунт, девочки с воодушевлением обсуждали предстоящий матч. В их разговоры с удовольствием включилась я, решив подбодрить команду перед первой игрой. Ни на одном лице я не наблюдала волнение. Все были довольно спокойны, что мне, безусловно, нравилось.

– Девочки! – громко заговорила я, привлекая к себе внимание, – наш ректор настолько коммуникабельный, что не в силах даже промямлить нормальные слова поддержки. Это сделаю я.

Десяток лиц и глаз повернулись ко мне, в ожидании красноречивой речи, но это явно не было в моих планах, хотя, конечно, я могу.

– Скажу только то, что мы всю неделю работали, как проклятые, и знаете, что? Надерем задницу этим сучкам. Нахрен целые кости, передние зубы, ноги или руки. Мы должны растоптать их. Когда я говорю должны, значит, имею в виду обязаны. Мы не рассматриваем позицию: главное не победа, а участие. Пусть те, кто так считает – засунет это выражение

в задницу, и продолжает утешать себя вторым местом. Мы никогда не будем вторыми. Наша обязанность быть первыми, потому что мы – лучшие. С какой стати какие-то задротки будут с нами тягаться в силах!?

– Мы тоже в лиге плюща, – пробубнила себе под нос Полли, чем заслужила вспышку моей ярости, но я быстро вернула себя в чувство. Желает быть второй – пусть будет, но не в моей команде.

– Меня это мало волнует. Либо победа, либо нахрен. Другого не дано. Привыкайте быть первыми, я не рассматриваю других вариантов.

Девочки дружно закивали. Видимо, моя речь всё же удалась на славу и подействовала на команду. Это не были какие-то подбадривающие слова или мотивация, я действительно придерживаюсь данной позиции. Мне не нужен проигрыш. Я сильная. Я это знаю.

– Теперь живо на поле! – раздался позади голос Диего, но я решила не награждать его взглядом, даже если он меня сейчас слышал.

Как бы мне не хотелось остаться наедине с Диего и повторить, я проводила взглядом девочек, но не всех. Рядом остановилась моя любимица в виде Донны, с которой я легко нашла общий язык. И сейчас я была счастлива как никогда, что она решила пойти в ногу со мной, иначе мои – занесут меня куда-нибудь в сторону Фуэнтеса, а я хочу быть на него злой. По крайней мере, я стараюсь сохранять хладнокровие

и равнодушие в его присутствии, хотя на душе скребут кошки. Мне его критически мало. Он обрывает всё сразу.

Ладно, один раз нам помог Алан с его чертовым поцелуем в самый неподходящий момент, из-за чего я зла на него.

Проходя мимо Диего, я посмотрела на него из-под лба, зацепив взгляд карих глаз, которые так манили меня в свои сети. Задев его локтем, я прошла мимо.

Я должна ненавидеть тебя, чёртов Фуэнтес.

Команда девушек Колумбийского университета ничем не отличалась от их парней. Они раза в три больше нас, а одна из девочек команды противника больше Донны в два раза. В два, черт возьми.

Они нас сожрут.

Подарком судьбы было именно то, что она играет в нападениях, то есть я буду её главным соперником. Кого нужно благодарить? Бога или судьбу?

Выиграв жеребьевку, колумбийцы выстроились параллельно линии. Каждая из сучек смотрела на нас с таким призранием, какому позавидовала бы даже Полли. Всю игру мы сохраняли счёт равным, стараясь не уступать противникам. Должна признаться, что это далеко не школьный американский футбол, из которого я выходила всегда сухая с кубком в руках. Здесь мне приходилось работать вдвое больше, но это лишь усилит вкус победы. Мы носились по полю, как ужаленные, стараясь не попадаться под руку большим девочкам из колумбийского университета, но также стараясь зарабо-

тать максимум очков. Когда осталось совсем немного времени, в моей голове уже промелькнули картинки того, как нами будет гордиться Диего. Сколько бы раз я себе не напоминала, что я делаю это все для себя, каждый раз мое второе «я» смеялось.

Не лги хотя бы себе, детка, – раздражал голос в голове, заставляя меня заикливаться не на игре.

В этот момент, когда моя совесть решила также противостать второму «я», мяч попал в руки моему Тайтэнду – Полли. В последние минуты она должна была играть, как игрок линии нападения, а не принимающим. Ее цель – защищать квотербека. Но что-то пошло не так, и я прекрасно понимаю, что.

Девушка из Колумбийского университета, которая была выше меня в три раза, шире меня, а ее тело было похоже на одни сплошные мышцы, бежала рядом со мной. И Полли воспользовалась ситуацией, опасно прищутив глаза, она кинула мяч мне. Хавбек-Америка пыталась принять мяч у меня из рук, но было уже поздно: та самая огромная девушка уже отбросила меня на несколько футов, нарушая правил игры.

Я не успела понять, что произошло, когда мяч уже вылетел из моих рук, а сама я летела в противоположном направлении. Большая девушка смотрела на меня с самодовольством. Она знает, что ждёт ее за это, но ей было наплевать – она сделала то, что хотела всю игру, следуя за мной по все-

му полю в течении всей игры. Приземлившись на землю, я с большой силой ударилась головой об поле, которое было намного твёрже, чем наше поле в Принстоне.

Они специально продумали эту комбинацию, зная, что чёртово поле – грёбаный бульжник?

В глазах резко померкло. Последнее, что я видела, был Диего, который мчался ко мне, медперсонал и улыбающаяся Полли, подмигнувшая мне, когда я уже отключалась.

Глава 8

После удара, который пришёлся на мою голову, хотелось удариться ещё раз, чтобы вправить мозги на место, но, к сожалению, такой громалы в юбке на горизонте уже не было. А жаль. От меня не ускользнул обеспокоенный и сочувственный взгляд Диего, который бежал в мою сторону, когда я отключалась.

Как ему удаётся так легко накидывать маску безразличия на лицо? Как только я оклемалась и пришла в сознание – его вновь подменили на холодного и отстранённо. Единственные прозвучавшие слова:

– Ты в норме?

Мой кивок.

– Ладно.

На этом все переживания закончились. Он ушёл.

Сейчас я в норме, но удар напоминает о себе без предупреждения, когда в мозг слово тыкают иглой. Я не стала сообщать о таких нюансах медсестре, осматривающей меня, потому что с подобным встречалась в школе. Ничего страшного. Через день я уже буду свеженькой, как огурчик с чистого поля.

– Грейс! – воскликнули где-то с боку от меня, – Грейс, подожди.

Завернув лицо в сторону зова, я нашла глазами Марию,

спешащую ко мне. Улыбка на её лице была точно такой же, как и те предыдущие два раза, когда я видела эту девушку. Она вообще перестает улыбаться хоть когда-нибудь? Даже не знаю, чем её можно обидеть или ввести в состояние грусти.

– Я так рада, что ты в порядке! – пропищала она и кинулась на меня с объятиями, из-за чего я немного опешила, но приобняла её в ответ. Странно обниматься с человеком, которого ты не знаешь, но, вероятно, Мария так не думает, – я сильно напугалась, когда тебя унесли без сознания.

– Судя по тому, что я тебя помню и могу говорить, то могу считать себя в полном порядке, – кивнула я, разъединяя объятия сёстры Диего.

– Тогда ты просто не можешь отказаться от сегодняшней вечеринки в честь победы! – завизжала она, запрыгав на месте.

Победы. Девочки смогли победить без меня.

Я не могу сказать, что меня беспокоит больше всего: то, что команда обошлась без меня, либо гордость, потому что им чудом свыше была дарована победа над громилами, которых каким-то образом нужно называть слабым полом. Как ту команду и слабый пол – можно поставить в одну ширинку? Они антоним данного выражения о девушках.

– Какой вечеринки? – глухо спросила я, первый раз услышав о подобном мероприятии. Да чему удивляться, я ещё не видела команду без состояния отшибленной.

– В честь вашей победы, и ты обязана там быть!

– Я не могу, – отрицательно закутила я головой.

– У тебя нет другого выбора, Грейс, ты – капитан команды, – сверкнула она очаровательной улыбкой, – при хорошем раскладе: напьёшься и отсосешь кому-нибудь.

– Сейчас я не уверена в том, что зарядили мне, а не тебе, – поморщилась я.

– Да ладно тебе, не строй из себя девственницу со стажем, – смешно зашевелила она бровями, над чем я не удержалась и рассмеялась.

Ох, Мария, единственный человек, кому я могу это сделать – твой брат.

Конечно, я оставила эту мысль при себе, ответив:

– Я подумаю.

– Встречаемся в восемь у кампуса, – широко улыбалась она, зашагав в сторону, откуда пришла, – никаких возражений!

Смотря вслед Марии, я не совсем понимала, когда успела дать своё согласие. Видимо для неё, оно было чистой формальностью.

Какие же они разные, буквально две противоположности. Мария – озорная, весёлая, бесстрашная, не обидчивая и жизнерадостная, в то время как Диего – закрытый, холодный, равнодушный, одним словом – тайна, покрытая мраком. Диего говорил о том, что у него есть брат, только его – я ещё не наблюдала. Судя по тому, что он боится ответственности в виде ребёнка, но имеет законную жену – парень странный.

Женился, но поджигает булки из-за беременности собственной жены. Кто ещё есть в его семье? Уж не брат ли та золотая середина в их семье, потому что характер Диего и Марии виден невооружённым глазом.

– Принцесса, – возникла на моём плече рука, и я заочно знала, кому она принадлежит так же, как и упоминание ласкательного имени. По этой причине я закатил глаза.

– Чего тебе?

– Хочу предложить скоротать время, возможно, что даже очень приятное для тебя, а после и для нас.

– Не будь я вежливой, то послала бы тебя нахрен.

– Ты уже это сделала, – усмехнулся Оливер у моего уха.

Скинув руку с плеча, я искоса посмотрела на пошлую улыбочку, дарованную мне.

– Оливер, я лучше полизу асфальт, чем потрахаюсь с тобой.

– Детка, ты зря отказываешься, – расплылось его лицо в ещё большей улыбке, когда я зашагала в нужном направлении.

Закатив глаза на очередную реплику своего секс-преследователя или же претендента на данную должность, я покинула стены университета в направлении кампуса.

Но и тут меня поджидала неудача.

Поцелуй Алана в щёку был таким же быстрым, как человек, который должен развести пиццу за час, иначе оплатит её сам.

Мой лучший друг теперь метит на должность моего парня. Я что, обнюхалась кокаином и сейчас мне всё мерещится?

– Привет, – улыбался он, шагая рядом и пытаясь поймать мою ладонь, которой я то и дело поправляла волосы, чтобы не позволить ему это сделать.

Нет, он не метит. Он уже считает, что занимает данное место в моей жизни. Когда я проспала этот момент?

– Привет, – невнятно пробубнила я, очередной раз заправляя волосы за уши. Клянусь, таким образом девушка даёт понять, что смущается, тем самым парень может легко додумать, что она испытывает к нему чувства.

Я ничего не испытываю, хотя мне очень хочется обратного. Чёртово сердце.

Какого это: целовать человека, который является твоим лучшим другом практически всю жизнь!? Он знает всё. Господи, он знает намного больше, чем необходимо, даже моего первого парня и как всё было. Он что, терпел и не показывал вида? Не может же человек, испытывающий чувства к другому – выслушивать весь его бред и не ощущать покалывания в сердце.

– У тебя месячные? – тихо спросил Алан.

– Господи, Алан! – воскликнула я, кинув в него взгляд, наполненный ужасом.

Он даже знает мой цикл.

И он прав: где месячные? Всю неделю я лишь мысленно

убивала Диего, который очередной раз взял меня на столе и показал равнодушие после секса.

– Но у тебя должны были начаться вчера, – пожал он плечами, вгоняя меня в краску, которую я никогда не испытывала в его обществе.

– Хватит обсуждать эту тему, – процедила я.

– Хорошо, – сказал Алан, и меня жутко выбесило его *хорошо*, поэтому я сверкнула глазами в сторону друга, дав понять, что пребываю не в самом лучшем расположении духа.

Проводив меня до самой двери, Алан снова оставил поцелуй на моей щеке и помахав рукой на прощанье, скрылся за ближайшим углом.

Войдя на порог, я закрыла дверь и прижалась ней спиной. Всё зашло слишком далеко, стало ещё более запутанней. И самое главное, что я позволяю расти и путаться этому клубку дальше.

– Дерьмовый день? – спросила Саманта, на что я распахнула глаза от неожиданности, потому что не заметила её присутствия.

– С каждым днём хуже и хуже. Чёртова вечеринка должна принести хоть каплю веселья.

– Ты идёшь?

– Мне не оставили выбора, – вздохнула я, отстраняясь от двери и следом упав лицом в подушку.

Видимо Саманта очень доходчивая, потому что не стала устраивать мне допрос с пристрастием, пытаясь выведать

причину бесконечных расстройств в моей жизни. Серьёзно, я жду того момента, когда меня уже объявят приёмной.

Уткнувшись носом в ткань, я буквально пыталась задохнуться и лишиться себя жизни хотя бы на пару часов. Примерно так же, как меня вырубili на поле. Прекрасные часы без головняков.

– Грейс, – поглаживала тёплая рука моё плечо.

Я уже было хотела вымолвить имя Диего, но успела прикусить язык, увидев фигуру Саманты, склоняющуюся надо мной.

– Сколько время? – распахнула я глаза, переведя взгляд на окно, где уже заметно стемнело.

– Четверть восьмого.

– Твою мать! – соскочила я с кровати, подхватывая полотенце и одежду, в которой собиралась быть сегодня на вечеринке.

Под душем я ополоснулась так быстро, как только могла, два раза порезав ногу бритвой на одном и том же месте, а лучше бы полоснула шею. Это всё непонятная магия университета, где я ещё никуда и никогда не пришла вовремя. Сейчас мне кажется, что я даже опоздаю на собственные похороны.

Расправив на теле утонченное белое платье с закрытыми руками и грудью, но открытыми ногами, я наспех высушила волосы и встряхнула ими, придавая прикорневой объём и лёгкую небрежность, разбросанную по плечам.

Саманты в комнате уже не было, вероятно, ускользнула к Полли, которая наверняка будет на вечеринке. Я до сих пор помню улыбку этой сучки, направленную мне в ту секунду, как глаза погрузились во тьму. Она специально сделала пас, тем самым бросив меня под гусеницу танка. Как-нибудь, я отплачу ей той же монетой, эта сучка уже доконала меня. Пора перестать жалиться над ней и включить стерву, которая легко сотрёт её в пыль по щелчку пальцев.

Шагнув в туфли, я подхватила телефон и побежала на выход, потому что время перевалило за восемь, показывая, что я уже опоздала на две минуты.

Одно могу сказать точно: бегаю я на шпильках ничем не хуже, чем в ботинках. Мне даже удалось снести с ног парня, вошедшего в двери. Чудом он успел отклонить голову назад, в ином случае – косяк дерева мог ровно пройти по его милу личику.

– Решила заморозить меня? – заулыбалась Мария, увидев меня, трусцой бегущую в её направлении.

– Отключилась на несколько часов, – вздохнула я, остановившись около Марии, пытаюсь выровнять дыхание. Чёрное платье на её теле – было будто изрезано и более открыто сверху, чем моё. Хотя длинна оставалась одинаковой.

Добравшись до дома братства буквально в квартале от кампуса, мы вошли в открывшуюся перед нашими лицами дверь, из которой выскочил какой-то парень и поскакал по траве, будто годами сидевшего заложника, выпустили на во-

лю.

Проводив его взглядом, я направилась за Марией, которая не стала наблюдать за придурковатым парнем, скачущем на газоне. В руках моих тут же оказался стаканчик, который вручила моя вечерняя подруга.

– За Грейс! – заорала толпа, из-за чего я распахнула глаза и оглядела людей в доме, взгляды которых были направлены на меня.

– Не делайте вид, будто я не отключилась, – закатила я глаза и осушила стаканчик до дна, после чего, посмотрела на девочек, особенно на Полли, лицо которой помрачнело, когда мы встретились глазами. Сучка явно понимает, что вина полностью на её плечах, – это ваша победа.

– Победа наша благодаря тому, что ты измывалась над нами на поле ежедневно, – улыбалась Донна, подойдя ко мне и обняв, – я рада, что ты жива. И я отомстила ей за тебя.

– Отомстила? – вылупила я глаза, переживая за то, что Донну могут исключить на несколько игр, либо же вовсе из команды.

– Типа того, – кивнула она, – я могла оставить ей косоглазие, петляя по полю. И её отстранили на следующую игру с нами.

– Отлично, мой следующий мяч впишется в её физиономию, как только она появится у меня на глазах, – и второй в лицо Полли, но продолжение я добавлять не стала, а лишь улыбнулась и подхватила второй стаканчик с алкоголем.

Взметнувшиеся красные стаканчики в воздух, опустошились со криками «за победу» и «за кисок». Втрое, конечно, принадлежало парням с братства, у которых член вместо мозга.

После третьего стакана, в голове тараканы уже начали готовить план дальнейших действий. Но первым они выбрали танцы. Сумасшедшие танцы: на столе, полу, диване, столешнице. Этот дом – рассадник бактерий и венерических заболеваний, как и любое подобное братство университета.

Мария от меня не отставала, даже больше: она была на шаг впереди. По её талии, плавно двигались мужские руки, и она не торопилась их скидывать. Я не дам ей посетить кровать какого-нибудь идиота с хламидиозом. Сколько бы не было во мне алкоголя сегодня, я чувствую, что отвечаю за голову сестры Диего. И не только за голову.

Воспоминания его касаний – ментально вспыхнули в голове. Закрыв глаза, я двигалась в танце, представляя, как его сильные руки обвивают мою талию и привлекают к себе, пока разум постепенно начинает дурманить аромат парфюма, едва уловимого табака и тот самый запах, который принадлежит ему после секса.

Выпитое спиртное дало о себе знать не только в сознании, но и в физиологическом плане. Ухватив руку, Марии, я потащила ее на второй этаж, где обычно можно найти туалет. Желательно, если он будет свободным. Одну я её не оставлю. Нет уж, увольте. Потом не найду эту девушку и через

год. Скажут, что последний раз её видели со мной. В итоге: Диего сломает мой позвоночник или найдёт что-нибудь поизворотливее.

Дёрнув первую ручку – я наткнулась на неудачу, потому что она оставалась закрытой. Следующая – поддалась легче, но не позволила себя открыть.

– Скорей всего, эти парни сломали её сто лет назад и годами перекидывают друг на друга ответственность за её восстановление, – пожалала плечами Мария, отодвинув меня в сторону и дёрнув ручкой так, что она могла отлететь и восстановлению бы уже не подлежала, – я же говори...

– Что? – сделала я шаг в комнату за ней и застыла.

Спина. Слишком знакомая спина, закрывающая тело какой-то шлюхи.

– Да вы охренели! – взревел Диего, но, когда повернул голову, его губы вытянулись в тонкую ниточку.

Проглотив ком, я попятилась назад, но наткнулась на чьё-то тело, шедшее мимо. Мужские руки вмиг оказались на моей талии, пока я не могла отвести взгляд с Диего, который вновь нацепил маску равнодушия.

– Принцесса, я уже считаю, что происходящее между нами не является совпадением, – промурлыкал довольный голос Оливера, чьи руки покоились на моей талии.

– Боже! – запищала наконец-то Мария и выскочила из комнаты, захлопнув дверь с широко распахнутыми глазами, в тот момент, как Диего заорал «стоять».

Когда она полетела к лестнице, я вырвалась из хватки Оливера и рванула за ней.

Если Мария бежала от смущения из-за увиденного, то я бежала из-за другого – от человека, который вчера усадил меня на стол в тренерской и на нём же взял. Сегодня он делает это с другой.

– Обе стоять! – раздался грубый голос за нашими спинами, от которого наши ноги обоюдно приросли к асфальту.

Я просто застыла, не найдя в себе силы повернуться в его сторону, хотя спиной слышала и чувствовала приближающиеся шаги. Мария переняла мою позицию, и тоже не двигалась с места. Если бы сейчас из-за угла выехала фура, то легко могла оставить пару лепёшек в виде нас.

– Какого хрена ты тут делаешь? – гневно заговорил Диего, что пробудило во мне силы повернуться к нему лицом.

– Моя команда выиграла первую игру, – ответила я.

– Не ты, – фыркнул Диего, дав мне невидимую пощечину, – я к тебе обращаюсь, Мария!

– Пришла на вечеринку, – наконец заговорила она, завернув к нему лицо, вслед за мной.

– Ты меня плохо понимаешь? Тебе мало того, что уже есть? – повысил он голос, терзая её тёмным взглядом, в котором не было никакой эмоции, лишь злорадия.

– Что ты несёшь!?! – закричала она, – я не могу прийти вечеринку?

– Не можешь, блядь! – заорал Диего в ответ так сильно,

что на моём лбу, проявились первые капли пота.

– Не указывай мне, что я должна делать, – не стала медлить Мария, – я не маленькая девочка!

– Мне плевать! – продолжал орать Диего, когда сестра начала всхлипывать, – ты сейчас же поедешь домой. Я лично усажу тебя в такси.

– Я никуда не поеду! – закричала она. Ещё с минуту они смотрели друг другу в глаза, испепеляя одним лишь взглядом.

Первая слеза скатилась по лицу Марии:

– Почему ты так поступаешь? Почему ты делаешь это с собой, Диего? У тебя был шанс на нормальную жизнь, – кивнула на меня она и резко выплюнула со всей злобой: – но ты и его потерял!

– У меня есть отношения, – запротестовал Диего, защищаясь.

Мария посмотрела на Диего со всем призрением. Развернувшись, чтобы уйти, она кинула ему напоследок:

– Засовывание члена в девушку не является отношениями. Ты болен, Диего. И мне тебя очень жаль, но ты должен понять, что то, чем ты занимаешься, тебе не поможет, – оставив последнее слово за собой, она убежала в обратную сторону от братства, вытирая слезы на бегу.

Кажется, ей гораздо хуже, чем мне.

Отрывки ее слов крутились в моей голове, но размышлять о их значении, сейчас не было времени.

Диего стиснул челюсть и со всей накопившейся злобой посмотрел на меня:

– Что ты, блядь, забыла с моей сестрой?

Смотря на него с ужасом, я не могла и моргнуть. В глаза будто вставили зубочистки, которые помогали слезному отделению постепенно начинать крутить механизм, помогающий им выйти наружу.

– Почему ты так поступаешь? Зачем этот метод кнута и пряника? – проигнорировала я его вопрос.

– Метод кнута и пряника? Боже, Грейс, – злобно рассмеялся Диего, но взгляд карих глаз продолжал оставаться холодным, – ты же не думала, что если мы потрахались пару раз, то теперь я стал тебе чем-то обязан? – рывкнул Диего, награждая меня пустым взглядом.

– К сожалению, я именно так и думала, – эхом ответила я.

Он прав. Никто никому ничего не обещал, но почему тогда моя душа рвётся на части, как и сердце, покрывшееся корочкой льда, которая начала трескаться?

Диего достал пачку сигарет из кармана штанов, вытащил одну и поджёг. Втянув в себя дозу никотина, он выпустил дым и последний раз посмотрел на меня перед тем, как удалиться в том же направлении, куда ушла Мария.

– Мы просто трахались, Грейс. Потому что ты этого хотела, ты смотрела на меня своими глупыми глазками, жадно раздевая и придумывая фантазии о свадьбе и пятерых детях. А я не хотел этого, я не хотел ничего, связанного с тобой. И

до сих пор не хочу, – он сплюнул и не оборачиваясь ушёл.

Я начинаю ненавидеть тебя, Диего Фуэнтес.

Глава 9

Боль. Каждый из нас хотя бы раз в жизни испытывал это болезненное ощущение. Пусть это будет физической болью или моральной – плевать. Потому что каждая приносит достаточно мучений.

До этого момента я ощущала лишь физическую боль, когда меня опрокидывали на футбольном поле во время игры, когда мяч прилетал в голову, когда падала и стирала колени и руки в кровь. *Но это делало меня сильнее, заставляло вставать и двигаться дальше, невзирая на ощутимое чувство боли.*

Я никогда в жизни не чувствовала *такого*.

Когда Диего бросил меня, стоящую на дороге с стеклянными глазами, в которых отражалось разочарование, – я думала, что умру. И нет, я не утрирую. Та боль, которая сжимала моё сердце в сильном кулаке, не давая разуму овладеть мной вновь и заставляя меня рыдать, – убивала меня изнутри, выжигая клеймо на сердце в виде имени моей боли. А у моей боли как раз-таки было имя – Диего. Который отныне для меня – никто. Мне хочется стереть все воспоминания о нём, о его существовании в моей жизни, пусть и таком коротком, но болезненном. Я хочу забыть всё, что связано с ним, чтобы не чувствовать эту боль.

Но она не уйдет. Потому что я никогда не смогу забыть

Диего Фуэнтеса, который вѣлся в мою голову, обвил лианами все жизненно важные органы и затуманил разум.

Продолжая стоять на дороге, я смотрела на удаляющуюся спину причины моих страданий. Я не лучший человек, но чем я это заслужила? Может, родители были абсолютно правы, и Америка – не лучшее место для моего проживания. Но это уже не важно, ведь даже если я покину Принстон и вернусь в родной Лондон, воспоминания останутся. Они будут преследовать меня всю жизнь. А мне, мать твою, всего восемнадцать. Неужели я всегда буду чувствовать грёбаную боль от мудака—Фуэнтеса? Неужели мне придется избегать мужчин, чтобы снова не ощутить это?

Слезы стекали по лицу, соединяясь на подбородке. Я не стирала их, как напоминание причины, по которой теперь обязана отпустить затею узнать Диего. Он ясно дал понять, что ему наплевать на меня и то, что я чувствую. А я чувствую чёртову влюбленность. *Спасибо, что не любовь.*

Разве, когда люди разбивают сердца другим, они не страдают? Почему Диего не испытал ничего, разбивая всю меня на мелкие осколки?

Ответ прост: он – игрок, который просто трахал тебя, – подала голос совесть, а буйное второе «я», которое периодически спорит с ней, согласилось. Единогласно.

Как я вообще могла влюбиться в него за каких-то пару недель? Тем более, когда он всячески отвергал меня, давал понять, что я – никто в его жизни.

Прекращая мучить свою голову, я медленно дошла до кампуса, по пути купив шоколадное мороженое с кусочками орешков. Ребята кричали мне вслед слова поздравления, но я молча обходила их, направляясь в свою комнату.

Это не моя победа. Я как раз-таки проиграла.

Распахнув дверь, я поплелась к нужной кровати и грохнулась на неё. Челюсть Саманты отпала от вида моих красных заплаканных глаз, но она изо всех сил держалась, чтобы не начать болтать без умолку. Открыв мороженое, я достала одноразовую ложку из прикроватной тумбочки и принялась есть мороженое, смотря куда-то в одну точку.

– Ну всё, я больше не могу сидеть на месте и смотреть, как ты страдаешь, – вырвалось из Сам.

Девушка подлетела ко мне, села на пол и обняла мои ноги, положив голову на мои колени. Как ни странно, но мне не хотелось отвергать её, хотя обычно я со всем справляюсь сама. Но когда Саманта подняла на меня свои глаза, я резко передумала и отпрыгнула от неё.

– Не надо жалеть меня. Мне не нужна твоя жалость, – железным тоном отчеканила я сквозь зубы и запустила новую ложку мороженого в рот.

Но жалостливый взгляд Саманты никуда не делся. Наоборот девушка с ещё большим сожалением смотрела на меня, склонив голову, будто мои слезы – её вина. Когда-нибудь сердобольность погубит её, сломав все, чем она жила.

По своему опыту знаешь? – рассмеялось второе «я» и тут

же потухло, вспоминая, что также виновато во всех моих проблемах.

Саманта тяжело вздохнула и осторожно присела ко мне, словно я злая собака и чуть что укушу её.

– Расскажешь мне? Обещаю хранить твой секрет и унести с собой в могилу.

– Мне очень хочется тебе рассказать, но, кажется, ты не сможешь понять меня.

Девушка сжала губы в тонкую линию и задумалась.

– Я попробую понять тебя, Грейс, – кивнула она через минуту размышлений.

Переведя дух, я рассказала ей обо всём: начиная с раздевалки, где мы впервые встретились, заканчивая сегодняшним днём. Она все время, пока я рассказывала, молчала, изредка понимающе кивая.

– Так значит тренер Фуэнтес? – растягивая спросила она с улыбкой.

– Именно.

– Прямо на столе? А это удобно? Стол ведь, ну, твердый, в кровати удобнее, наверное. Я не знаю, я не пробовала на столе. Думаешь, стоит?

– Саманта, – возмущено заверещала я, – ты не помогаешь.

– Прости, прости. Просто...извини, но я всегда думала, что ты – сука, – быстро выпалила она и тут же прошептала извинения, – ты никогда не рассказывала ничего мне, приходила поздно и делала вид, словно меня нет. Но сейчас я

понимаю, что было, и приношу свои извинения за то, что думала о тебе такое. Мне так стыдно.

Девушка закрыла ладонями лицо, но ее красные щеки я всё-таки успела увидеть.

– Не извиняйся. Наверное, я и вправду вела себя с тобой, как сучка. Ты ведь простишь меня?

Саманта удивлено посмотрела на меня и энергично закивала.

– Конечно, боже, ты ещё спрашиваешь. Можно теперь я тебя обниму?

Неужели это первый человек, которого я встретила в Америке, спрашивает разрешение, прежде чем обнять?

Я не успела дать своё согласие, как Саманта налетела на меня, положив наши туши на кровать, легла под боком и крепко обняла меня.

Кажется, я поторопилась с выводами.

– Он очень горячий? – тихо спросила она, выводя круги на моей руке.

– Мгхм, – промычала я, делая вид, что мне нужно подумывать.

Он охренительно горячий, потому что иначе мы бы не отдались ему на улице, на столе, – довольно промурлыкало второе «я».

– Кажется, у меня шизофрения.

– Что? А, это у вас англичан шутки такие. Алан первое время тоже как-то странно подшучивал надо мной.

Вот ты и опять думаешь о Диего. Парень был прав: мы и вправду забыли обо всем, кроме него, фантазируя план свадьбы и воспитания детей, – начала совесть, но второе «я» тут же завопило:

Кому ты веришь, женищина? Он же сказал нам все эти гадости только для того, чтобы проверить нас. А вы так легко поверили. Стыдно, девочки.

Не знаю, нормально ли то, что в своей голове, я спорю сама с собой и говорю «мы», но я впервые за все это время согласна со вторым «я»: Диего специально оттолкнул меня. *Надеюсь.* Но даже если это так, то у него должны быть на это веские причины. Долго размышляя над ситуацией, я решила для себя дать ему время. *Отныне он не будет существовать в моей жизни, кроме как тренером.*

– Кстати, Грейс, каждый год мы с Оли и Полли в конце сентября выбираемся в поход. И как раз завтра тот день. Может, присоединишься к нам? – Саманта поднялась на локтях и с интересом стала ждать моего ответа.

Не помню, когда я в последний раз ходила в лес, а тем более с ночёвкой. Это кажется мне диким, но интересным. Если бы родители были рядом, то точно не отпустили бы меня, а это значит, что?

– Я с вами, – твердо сказала я, заставив Саманту улыбнуться, – только можно я возьму с собой подруг?

– Подруг?

Я кивнула, не понимая причину, по которой Саманта так

удивляется факту наличия у меня подруг. Разве я такая социопатка? Или совсем больная на всю голову злая истеричка?

– Конечно бери. Вместе веселее. Значит завтра утром выезжаем, – Саманта ещё раз обняла меня и подскочила к двери, – пойду скажу Оливеру, Полли и Алану, что ты поедешь с нами.

Оливер? Да ну вас нахрен. Если этот придурок поедет с нами, то он не только вынесет мне весь мозг, но и доведёт до нервного срыва Полли, которую он пару раз называл девушка-каждый-день-месячные. Хотя, последнее будет как раз таки кстати.

Быстро вытащив телефон из сумки, я напечатала Донне и Марии предложение присоединиться к нам и, не дожидаясь ответного сообщения, уснула.

Утром мне пришлось проснуться от того, что меня трясло, но как-то нежно, поглаживая плечо большим пальцем. Если бы человек хотел испортить мне день, начиная с прерывания сна, то точно не ласково поглаживал, а вообще скинул с кровати. Любопытство взяло надо мной вверх, и я смогла открыть один из глаз, который склеился из-за вчерашних слез.

– Доброе утро, – улыбнулся Алан, продолжая меня гладить. Разве я похоже на домашнюю кошку, которой нужна ласка? *Может и нужна, но не от Алана,* – присоединяйся.

Сначала я не поняла, что он имел ввиду, но как только

увидела, кто ещё стоит в нашей комнате – это ушло на второй план. Подскочив на месте, я подтянула с ноги, обхватив колени, и натянула одеяло практически до ушей. Если Саманта решила собрать всех наших друзей, то ей, наверное, стоило разбудить в первую очередь, блядь, меня. А если бы я спала голой? Этот вопрос я и озвучила.

– Тогда я бы ещё сильнее обрадовался сегодняшнему дню, принцесса. Но у нас все ещё впереди. Целый день вместе, – последнее Оливер пошло прошептал, но я даже не дёрнулась. *Придурок.*

Саманта стукнула его в плечо, отчего он сделал вид, что смертельно ранен, и упал на соседнюю кровать.

– Не беспокойся, Грейс, даже несмотря на то, что ты поздно приходишь ночью, я все равно знаю в чём ты спишь, – сказала Саманта, складывая вещи по сумкам. *Мои вещи в сумку. Мои. Какого чёрта?*

Я не успела выразить все своё возмущение из-за Алана, который с хмурым лицом настиг меня, сел рядом и скрестил руки на груди. Как-то обиженно надув губы, он тихо спросил:

– Почему ты приходишь поздно ночью, *Грейс?*

Даже не Гри, он не назвал меня собачьей кличкой – точно обиделся. Вся эта игра в чувства только треплет мои нервы, потому что мне не хочется терять Алана, но я также не собираюсь отказываться от всего.

От всего, это от Диего, да? – хихикнуло второе «я», под-

начивая совесть. Только сейчас мне не хватало моих отклонений в виде разговоров в голове.

Вернувшись к миру, я все также увидела Алана рядом, хмуро глядящего на меня.

– Поздние тренировки. Ты же видел девушек из Колумбийского университета. И они далеко не единственные, они все такие большие. Как капитан может быть размером с муравья? Вот поэтому я и занимаюсь по вечерам в качалке, чтобы стать сильнее, – медленно врала я, придумывая что-то максимально правдоподобное. Алан знает меня, слишком сильно знает меня, поэтому ему не составит труда расколоть враньё. Если только любовь не затмила ему разум.

Друг посмотрел на меня тем самым взглядом, говорящим я-знаю-что-ты-врёшь, но тут же сменил его на ты-такая-красивая-Гри. *Слабак. Даже он сломался перед напором чувств.*

– Тебе ничего не нужно менять, Гри, ты итак лучше всех, – Алан с немотивированным восхищением посмотрел на меня, продвинулся ближе, нежно взял мой подбородок и попытался поцеловать меня, но на этот раз я отскочила. Неосознанно я посмотрела именно на Полли, которая наблюдала за всей этой картиной с гримуаром и свечкой в руках. Она стояла в дверях, облокотившись на дверной косяк плечом. Все её внимание было, естественно, обращено на нас. И, может быть, я бы подмигнула ей, как она мне в тот раз, но я не смогла. В её глазах застыла пелена боли, руки дрожали, и

казалось, что она вот-вот заплачет.

Только этого нам не хватало. Нам не нужно сочувствие. Оставь смазливые чувства другим, – заверещали голоса в голове.

Видимо, меня и вправду хорошо приложили, раз теперь все решения за меня принимают вопли в голове.

– Ребят, – громко позвала всех Саманта, – надо распределить обязанности.

– Мы с Аланом поедem заправлять машину, – сказал Оливер.

– Хорошо, тогда я и Донна будем собирать вещи, а Полли, Мари и Грейс поедут в магазин, – мы с Полли тут же хотели запротестовать, но Сам быстро осадила нас, – решено. Вам, девочки, стоит перестать грызть друг другу глотки. Встречаемся в десять на парковке кампуса.

– Сейчас даже нет десяти утра? – завопила я как не в себе, – какого чёрта мы собрались делать в лесу в такую рань?

– Купаться, там есть речка, принцесса.

– Есть зефир, жареную картошку и мясо, Гри.

– Дышать свежим воздухом, – повела носом Мария.

– Играть в правду или действие, капитан.

– Если тебе что-то не нравится, то можешь не ехать, – тише всех сказала Полли, но я всё же услышала её мышинный писк.

Саманта укоризненно посмотрела на неё, на что та лишь подняла руки вверх в знак капитуляции.

– Вот поэтому вы пойдёте вместе, а Мария будет вас разнимать, если вы решите поубивать друг друга, – сказала Сам тоном, не терпящего возражений.

Спустя десять минут мы втроём шли в Таргет. Мария шла посередине, потому что пару раз я попыталась заехать Полли в челюсть из-за её вечных шуток, которые она отпускает в мой адрес. Сука не знает границ, и я покажу ей, что значит оказаться в отключке.

Воодушевлённая сегодняшними планами, Мария абстрагировалась от мира и начала двигаться быстрее нас, позволяя мне наконец треснуть Полли, но совесть запретила.

Ты реально станешь ее слушать? Дорогая, плевать мы на неё хотели. Полли заслужила, чтобы ей сломали челюсть, – ворчало второе «я».

– Я точно больная. Мария, это нормально, что у меня в голове происходят дебаты?

Девушка обернулась, чтобы посмотреть на меня, и хихикнула.

– У меня тоже такое было. Правда, тогда я нюхала кокаин.

– Ого, наш капитан – наркоман, – рассмеялась Полли, делая вид, что ужаснулась.

Я пихнула её в плечо, заставив пошатнуться.

– Да нет же, это тебя стоит поблагодарить за такие глюки. Ты же решила подставить меня на игре, – зарычала я на неё. Хотелось сделать гораздо большее, чем просто накричать на неё, но опускаться до её уровня – я не стану.

Полли лишь весело пожала плечами.

– Брось, она бы так и так выкинула тебя до Северной Каролины. Я просто дала ей повод.

– Вот уж спасибо, как камень с души упал, – раздражённо фыркнула я, ожидая того, что Мария встанет на мою сторону.

Но у неё свои планы.

Мария резко остановилась, заставляя сделать тоже самое и нас. Полностью развернувшись к нам, она окинула каждую хмурым взглядом, на что мы съежились. Со стороны вся эта ситуация напоминала маму и провинившихся детей.

– В чём дело? Полли, в чём твоя проблема? А твоя, Грейс? – серьёзно спросила Мария. Неужели она всерьёз станет разбираться в этой ситуации, – я знаю вас не так долго, но всё это время я вижу одно: вы вечно огрызаетесь друг с другом.

– Тебе стоит спросить причину у Полли, – с предвкушающей улыбкой я посмотрела на девушку. Полли рассерженно дёрнула подол платья, смотря по очереди на каждую из нас. Когда её взгляд остановился на мне, я сладко пропела, – просто Полли безответственно влюбилась в Алана, но увы, её тощая задница не привлекает его. Теперь она винит в этом меня.

– Заткнись, – сквозь зубы прошипела Полли и со всех ног ринулась в Таргет, который был уже поблизости.

Впервые в жизни я почувствовала себя ужасно из-за по-

ступка по отношению к другому человеку. Наверное, я как никто должна понимать Полли, ведь сама не далеко ушла. Жалость к ней и отвращение к себе запульсировали в груди, отчего я попыталась найти помощь в Марии, которая смотрела на удаляющуюся спину Полли, но, почувствовав мой взгляд, обернулась.

– Не надо. Не говори мне, что она сама виновата. Вы обе хороши, – прервала она меня, когда я уже собралась оправдываться.

– Мария, в этом всё́м нет моей вины.

– Нет, – она отрицательно замотала головой, – есть. Ты можешь поговорить с ней, объяснить, что ты – не соперница ей. А вместо этого ты топчешь всё́, что у неё есть к Алану.

– погоди, ты на её стороне? Ну уж нет, она – сука, и заслужила все, что я ей уготовила, – сжав руки в кулаки, я со всей силы прижала их в бедра, вдавливая.

– Никто не виноват в том, что Алан любит тебя, а не её. А также никто не виноват в её ненависти к тебе. Поставь себя на её место, Грейс, – продолжала Мария давить на больное.

– Он не любит меня. Может влюбленность, но не любовь. Нет, нет и ещё раз нет, – заскрипела я, пытаюсь донести эту истину не до Марии, а до себя. Как никогда хотелось верить в это.

Мария улыбнулась.

– Пусть будет по-твоему. Но, пожалуйста, поговори с Полли наедине в лесу. Это должно прекратиться, потому что

страдают все, а не только вы. Пойдем, мы уже опаздываем.

Она со шлепком схватила меня за шею и повела к дверям Таргета.

Схватив большую тележку, она впихнула её мне, со словами о том, что теперь я рюкзаконосец без рюкзака. Петляя между стендами с едой, я пару раз ловила себя на том, что неосознанно искала глазами Полли. *Она не могла далеко уйти.* И пусть моё второе «я» ворчалось и билось в конвульсиях, я всё равно попыталась видеть в Полли только хорошее. А такого, к сожалению, мало. Зато я точно знаю, что она хорошо играет в американский футбол, красиво поёт, и она отличная подруга. Думаю, этого достаточно для того, чтобы ненавидеть её чуть меньше.

– Полли! – крикнула на весь магазин Мария, когда увидела знакомую макушку. Полли попыталась сделать вид, что нас не слышит, но как только Мария заорала ещё раз, значительно громче чем в первый, она сдалась и поплелась к нам. Неудивительно, что смотрела она на Марию, а не на меня. Зато теперь я лишний раз убедилась – Полли обидчивая.

– Нельзя кричать на весь магазин, – рассерженно пропыхтела Полли, как только подошла к нам.

Мария улыбнулась своей фирменной лучезарной улыбкой наркомана.

– Почему нет? Пусть все знают твоё имя, красотка.

– О боже, тебе шестнадцать? – устало спросила Полли, вытирая пот со лба.

– Что? Нет, мы ровесницы, – махнула рукой Мария, следуя куда-то в сторону напитков.

– С виду не скажешь, – все также недовольно проворчала Полли, когда улыбчивая бестия отошла от нас, но, вспомнив, что я рядом, она резко перевела взгляд зелёных глаз, в которых не было привычных огоньков вражды, на меня, – чего тебе, *Гри*?

Последнее слово она буквально выплюнула мне в лицо, из-за чего мне пришлось провести ладонью в тех местах, куда попал её змеиный яд.

– Успокойся, *девочка-каждый-день-месячные*, давай хотя бы сегодня без вражды.

Она назвала меня кличкой собаки, я назвала её прозвищем Оливера. 1:1.

Полли вздрогнула и посмотрела на Марию, которая уже летела к нам с алкоголем, пачкой сока и газированной водой.

– Куда нам столько выпивки?

– Ты собираешься оставаться трезвой? Я впервые уезжаю в лес с ночёвкой, и поверь мне, я очень хочу найти медведя и подраться с ним, будучи в хлам, – весело объявила свои намерения Мария, закинув всё в тележку.

– Здесь нет медведей.

– Плевать, Полли, я найду их, где бы они ни были. Пойдёмте к стенду с едой.

Не смея возражать ей, мы двинулись за Марией, изредка кидая друг в другу равнодушные взгляды.

Когда покупки были оплачены и разложены по пакетам, каждая взяла по одному, хныча о том, что стоило отправить за продуктами парней.

– В следующий раз мы поедем заправлять машину, – проворчала Мария, сдувая пряди со лба, когда мы почти подошли к кампусу.

– Поверь мне, следующего раза не будет, потому что я убью их раньше.

– Не выйдет, я миллион раз пыталась прибить Оливера, но он, как грёбаный таракан, – вяло пробубнила Полли.

– Оливер кажется милым, – вздохнула Мария и мечтательно улыбнулась.

Сестра Диего влюбилась в главного идиота страны?

Мы с Полли резко обернулись на неё и ошарашенно посмотрели, ожидая, когда она произнесет слово шутка. Мария пожалала плечами обходя нас и теперь двигаясь впереди.

– Ты тоже это слышала? – спросила я Полли, на что та кивнула. Ладно, по крайней мере у меня не глюки.

– Вот и они, – крикнула нам Мария и кинулась вперёд на стоянку, где заметила знакомую красную машину, раскочивая на бегу пакет.

Полли тихо рассмеялась, но также, как и я, ускорила шаг, чтобы догнать нашу бестию.

Пока Оливер помогал Донне и Марии затолкать все пакеты с одеждой и продуктами в багажник, Алан облокотился на машину и смотрел в телефон. Мы с Полли быстро вручили

Оливеру пакеты, передавая эстафету, и направились Алану.

– Ого, покажите шеи, я должен полностью убедиться в том, что вы не перегрызли глотки друг друга, – улыбнулся Алан, делая вид, что рассматривает наши шеи с разных ракурсов.

Если Полли была рада даже такому вниманию от него, то я была раздражена.

– Очень смешно, Алан.

– Что с тобой сегодня с самого утра? – удивлённо спросил он.

– А что со мной?

– Ты ворчишь. А что это значит? А это значит, что у тебя плохое настроение. Кто тебя обидел, Гри?

– Брось, я в порядке. Просто не выспалась, меня же никто не предупреждал, что в лес нужно ехать в одиннадцать утра.

– Уверяю тебя, природа изменит твое настроение, – улыбнулся Алан.

Выдавив кривую улыбку и сморщенное одновременно лицо, говорящее о том, что слабо верю в данные слова, я заняла место в машине, и чёрт меня дери, рядом сел Оливер, губы которого растянулись в пошлой улыбке, добавляя шевеления бровями в виде волны. Не удержавшись, я прыснула. Оливер придуток года, но его тупые шутки начинают нравиться, и мне действительно становится страшно.

Воткнув наушники в уши, я нашла песню, которая будет гроыхать настолько, насколько это было бы возможно, дабы

заглушить голоса ребят.

Алан занял место за рулём, предварительно оглядев салон, в который утрамбовалась наша веселейшая компания. Надеюсь, после меня и Полли – лес останется на месте, потому что мы испепеляем друг друга даже взглядом.

Как только в ушах заиграли первые дробы Yungblud feat. Dan Reynolds – Original Me, я сползла по спинке и отвернулась к стеклу, дабы не наблюдать ухмылки соседа.

– Эй! – воскликнула я, когда из уха выдернули наушники, из-за чего я злобно взглянула в сторону Марии, которая сверкнула в ответ улыбкой.

– Мы собираемся петь, Грейс.

– Господи, да вы, вероятно, шутите? – поморщилась я, но по лицам рядом поняла, что шутки ушли в сторону.

– Мы... Мы едем! Мы! Мы! Мы едем! – заверещала Мария, и остальные хоть и смеясь, но поддержали её, даже Полли, которая выкрикивала слова.

– Это какой-то хренов апокалипсис? Вы пересмотрели фильмы про чирлидинг? – закатила я глаза, скрестив руки под грудью.

Команда энтузиастов проигнорировала мой вопрос, продолжая верещать эти слова ещё сотню раз.

Отдых превратится в ад, если они будут каждый раз выкрикивать подобные слова: «мы едем», «мы едим», «мы идём», «мы в туалет», «мы спать» и тому подобное. Даже моя широкоплечая и устрашающая Донна присоединилась к

орущим бред, предав меня.

Как только машина остановилась в глухом лесу, где максимум, кто может нас обнаружить – святой дух, я немного испугалась. Мало ли что водится в этой степи: медведи, волки, койоты и подобные животные, готовые с удовольствием вырвать мою глотку раньше когтей Полли.

Я ни разу не ходила в поход, ибо это «не царское дело», как считают родители, а я занимаю ту позицию: встать поперёк их слова.

Как только в наши руки попали пакеты, рюкзаки, мешки с походными вещами, я немного согнулась под тяжестью груза. Мы сюда не на месяц приехали, а на пару дней, но выглядит так, словно на всю жизнь.

– И чего вы заткнулись? – оглядела я людей, шагающих рядом со мной, – где же: мы! Мы идём!.. Мы! Мы идём!?

И я зря задала этот риторический вопрос, потому что они тут же подхватили мою идею, начав горланить слова.

Зачем я подала им такую хорошую идею? Теперь кучка этих громовещателей будет орать каждый свой шаг.

Как только палатка была поставлена, еда готовилась, а мы уже вдоволь искупались в речке – в лесу заметно стемнело, и я впервые почувствовала себя трусихой, потому что идти за ближайшее дерево одной, казалось мне не лучшей затеей. Но гордость мне не позволяла попросить кого-то из девочек пойти со мной.

– С тобой сходить? – поднял голову Алан, как только я

приняла вертикальное положение, найдя в себе немного бесстрашия, которое где-то потерялось на пути к поляне, на которой остановилась наша компания.

– Господи, это всего лишь лес, Алан, – произнесла я, придав словам уверенности. Я просто не хочу, чтобы он шёл за мной. Не будь между нами того, что произошло за последнее время, я бы легко дала своё согласие.

Зашагав в сторону кустов, я чувствовала, как предательски подрагивают колени, но выпрямила спину, направляясь к темноте, готовой скрыть мой силуэт.

Согласилась бы я на подобное предложение, будь оно сделано Диего? Да. Потому что я идиотка.

Где, чёрт возьми, моё чувство собственного достоинства?

После брошенных в мою сторону слов, я твёрдо решила его ненавидеть, либо же встать на данный путь.

У тебя плохо получается, Грейси, – смеялся мне в лицо разум, добавляя мерзкое ласкательное от родителей.

Очерчивая фонариком от телефона собственный путь в никуда, я и сама не поняла, как добрела до скрытого от людских глаз озера, над которым возвышались невысокие скалы в высоту примерно с двухэтажное здание. Тут мы не были. Это место даже лучше речки. Тишина и пустота этого места одновременно отпугивала и завлекала к себе ближе. Я поддалась второму чувству и подошла к воде, проведя по ней пальцами.

Никаких звуков вокруг. И мне так не хватает этой тишины. Обычно возле меня кто-то крутится рядом, но не тут. Заняв место на траве, я наконец-то вздохнула полной грудью, напроочь позабыв о том, зачем шла в кусты.

Мысли крутились вокруг Диего, за это я проклинала себя. Я не должна думать о нём, я должна ненавидеть его. Почему у меня ничего не получается? Разве это сложно: перестать о ком-то думать ежеминутно.

Легко проведя пальцами вдоль линии живота, я закрыла глаза, представляя сладкие моменты, проведённые с ним. Над головой завертелись звёздочки, потому что моя крыша начала конкретно смещаться с фундамента. Я не остановилась, я пошла дальше: проскользнула рукой под топ, восстанавливая тот момент, когда он сжимал мою грудь. По телу за секунду поднялись все мурашки.

– Грейс! – с паникой, выкрикивали моё имя, в следующую минуту, тёмная фигура Саманты появилась на горизонте с фонариком в руках.

Увидев меня, она тут же ринулась в мою сторону, а я быстро убрала руку от тела, сделав вид, что поправляла лифчик. На самом деле я панически переживала за то, что меня застали в таком уязвимом состоянии. Не хватало того, чтобы кто-то посчитал меня конченной извращенкой, которая пришла поразвлекаться с самой собой на пруд.

– Чёрт, Грейс, мы тебя потеряли! – запыхалась Саманта, и кипишно затыкала по экрану. Тут разве есть связь?

– Нашла этот пруд случайно, и не смогла уйти, – пожалала я плечами, смотря практически в темноту. Тусклый свет этому чарующему месту дарила лишь луна, но в этом и есть своеобразное колдовство.

– В последнее время ты сама не своя.

– О чём ты? – нахмурилась я, кинув в соседку взгляд.

– Ты стала очень грубой и резкой. Я уже думаю, что встретила на пороге какую-то другую Грейс, и она исчезла.

– Я такая и есть, Сам, просто не люблю сюсюкаться.

– Это ведь из-за него? – внимательно смотрели на меня и без того чёрные глаза.

– Нет, – покрутила я головой, отчасти, сказав и правду, и ложь.

Хреново ли мне из-за Диего? Наверно, но думаю, виной тому слова. В ушах всё ещё эхом звенит последняя брошенная фраза в мою сторону: «мы просто трахались, Грейс». Я не вхожу в число тех, кто стал бы выяснять отношения или закатывать истерики после секса. Он не первый, и даже не второй. Но почему-то именно от его слов, болезненно жжёт в груди.

Катись к чёрту, Диего Фуэнтес.

Саманта поднялась с травы и подала мне руку, чтобы я сделала тоже самое. С поддержкой улыбнувшись мне, она сплела наши пальцы и повела нас к ребятам. По середине нашего места горел костёр, а возле него расположились три палатки и несколько брёвен. Алан, Донна и Оливер обсуж-

дали прошлый матч по лакроссу, в котором Принстону не удалось одержать победу. Полли что-то готовила на костре, а Мария читала ей кулинарную книжку, чтобы та сделала всё точно по рецепту.

– Сыграем в правду или действие? – спросила Саманта, как только мы пришли к ребятам. Все обернулись на нас, прерывая свои разговоры.

Оливер лукаво улыбнулся и потёр ладонями друг об друга. Кажется, этот засранец что-то придумал.

– Отличная идея.

– Я начинаю, – подняла руку вверх Мария и потрясла ею в воздухе, – Саманта, почему ты поступила на факультет моды и дизайна?

– Потому что это единственное, что я умею – говорить о моде.

– Неправда, просто ты ненавидишь мужчин, а на этом факультете их меньше всего, – влезла Полли.

Я в шоке уставилась на Саманту, которая в смущении переминалась с ноги на ногу, отпустила мою руку и села на одно из брёвен. Неужели я и вправду не знаю ничего о своей соседке из-за того, что слишком много времени проводила в мечтаниях об Диего. От такого признания самой себе захотелось вывернуть всё, что я ела в этом месяце. Причем вывернуть всё именно на Диего.

– Хорошо, теперь моя очередь, – начала Саманта, но её прервали.

– Подожди, если ты ненавидишь мужчин, то как Оливер может быть твоим лучшим другом со школы? И как ты собралась заниматься сексом в конце концов? Для этого процесса нужен мужчина, ты ведь знаешь об этом? – не унималась Донна, пытаясь понять, что она сейчас услышала.

Надо было видеть лицо Мадонны, когда Саманта с лёгкостью ответила:

– Конечно, я знаю, что в сексе нужен мужчина. Но меня это интересует меньше всего. Я – лесбиянка. И моя ненависть к мужчинам не распространяется на Оливера и Алана, – Сам щёлкнула Донну по челюсти, чтобы та ее захлопнула. – Оливер, как часто ты играешь со своим другом?

Все разом рассмеялись с такого откровенного вопроса. Оли единственный, кто возмутился. Сморщив аккуратный носик, он твёрдо заявил:

– Я не занимаюсь рукоблудием. Для этого у меня есть девушки, которые бегают за мной по всему Принстону.

– Успокойся, чувак, за тобой давно уже никто не бегает, – Алан хлопнул его по плечу, сдерживая смех.

Оли перевёл возмущённый взгляд на него и быстро скинул руку с плеча.

– Иди в задницу, – обиженно прошипел он и обратился к нашей кучке девочек: – Мой вопрос для Марии. Ты девственница?

– Да.

– Серьёзно? Ты ни разу не трахалась? Где ты жила? В мо-

настыре? Ты вообще видела себя в зеркало, ты же... горячая.

Щёки Марии покраснели. Девушка нервно поправила пучок на голове и принялась качать стаканчиком с алкоголем в руке. Мы с Полли дружно рассмеялись с этой картины и дали друг другу пять. Но как только осознали, что сделали, сразу отпрыгнули друг от друга на несколько футов, избегая встречи взглядами.

– Я жила в Сабаделе, где Диего был одним из главных бандитов города. Естественно, никто не хотел связываться с младшей сестрой самого Диего Фуэнтеса, чтобы не оказаться без члена где-нибудь в Аликанте, – робость спала, и на смену ей пришла злость. Переведя дух, она обратилась к Алану, – сколько у тебя было девушек, которых ты по-настоящему любил?

– Нуль, – не задумываясь ответил он.

При этом он смотрел на меня с расслабленным лицом, будто я как никто должна была знать его ответ ещё до того, как он его огласил.

– У вас кодекс какой-то что ли? – спросил Оливер, переключая внимание Алана на себя.

– О чём ты?

– Ты смотрел на неё так, будто это она виновата в отсутствие любви в твоей жизни, – хохотнул Оливер, сам не понимая, как метко он попал.

Тишина, в которую погрузилось наше место, была далеко не той, которая доставляет удовольствие. Песни сверчков

становились всё громче, словно мы в каком-то фильме, и кто-то затупил.

Полли вышла вперёд и с надменным лицом сучки прошипела:

– Моя очередь. Грейс, как давно ты спишь с тренером Фуэнтесом?

Она серьезно это только что сказала?

С трудом сглотнув ком, я попыталась что-то сказать, но, проигрывая каждый вариант ответа, поняла, что я в западне. Как она узнала? Где она нас увидела: в кафе или в тренерской? Вероятно, в кафе, ведь в тренерскую никто не заходил, пока мы там были. Хорошо, пусть даже если так, то зачем она говорит это?

Посмотри на Алана. Как только Полли выплюнула вопрос, его лицо сменилось маской ужаса. Она выставляет тебя сукой в его глазах. Ты теряешь друга, Грейс. Пускай ты и потеряла его давно, когда он влюбился в тебя, – объясняло второе «я», а совесть повторяла то же самое. Хоть где-то мои глюки пригодились.

Сменив испуг на равнодушие, я холодно ответила ей:

– Не понимаю, о чём ты. Я выбираю действие.

– Конечно, ты не понимаешь. Зато я всё понимаю. Как ты выходила из тренерской с такой мерзкой улыбкой, будто он трахал тебя на столе, – с отвращением кричала Полли, пока другие стояли в стороне, не понимая в чём дело.

Мария встала между нами, обращаясь к рычащей Полли:

– Я была там и могу твердо заявить, что никто ни с кем не трахался. Оставь это, Полли.

Глаз этой стервы нервно дернулся. Кажется, она рассчитывала не на такой исход.

– Вот тебе действие: сегодня ты спишь в палатке с Полли. Всем спокойной ночи, – донёсся до нас командный голос Саманты.

Все тихо разошлись по палаткам, оставляя Сам и Донну заканчивать готовку. Полли исчезла в зарослях леса, предварительно сказав, что ей нужно пройтись перед сном. Никто не стал её отговаривать, а я тем более. Расположившись в палатке, я укуталась в одеяло и начала засыпать.

Полли поступила ужасно. Сегодня она впервые вела себя, как нормальный человек, но вновь всё испортила. Мне стоило поговорить с ней, но как только я к ней подходила, у неё сразу находились занятия поважнее. Может, пора оставить эту затею. Это её выбор, и если она хочет, то пусть ненавидит меня. Решив, что со следующего дня перестану обращать на неё внимание, я начала погружаться в сон. В эту секунду до меня донёсся тихий голос Полли, которая минуту назад зашла в палатку:

– Прости меня. Ненавидеть тебя становится всё сложнее.

Глава 10

Все выходные я провела в комнате, отсиживаясь в тёплой постели в компании ноутбука и чашки чая, которую мне периодически приносила Саманта. Сотрясение больше не дало о себе знать, из-за чего пропали голоса в голове, и осталась одна я наедине со своими мыслями, которые пожирали меня, словно чёртовы дементоры. Пару раз я даже попыталась писать картины, чиркать наброски в блокноте, но из этого ничего не вышло – вдохновения нет. Все, что я имею на данный момент – ощущение пустоты внутри. Ни ребята, ни рисование, ни музыка, ни тренировки не помогают мне справиться с непреодолимым ощущением, будто в моей жизни что-то идёт не так, из-за чего каждый миг я ощущаю себя, как не в своей тарелке. И дело даже не в Диего. Ещё до его появления в моей жизни я чувствовала себя одинокой. И, вроде бы, Алан всегда был со мной, но это лишь ухудшило положение. То время, которое я смогла провести наедине с собой и своими мыслями, я потратила на попытки объяснить, в чём же дело.

После того случая в лесу, Алан весь следующий день избегал меня и только на следующее утро решился подойти.

– Это правда? – быстро сказал он без приветствия, когда поймал меня в коридоре. Настороженный взгляд так и умолял меня сказать «нет», но я не хотела лгать, а тем более ему

– моему лучшему другу с детства.

Чувствуя, как все тепло моего тела пришло к лицу, отчего загорелись щёки, и стало невыносимо душно, я попыталась сделать вид, что мне кажется смешным его вопрос. *На самом деле мне хотелось реветь навзрыд от несправедливости.*

– Разумеется, нет. Мария ведь подтвердила, что была в тот день в тренерской, и ни о каком сексе не шло и речи, – я брезгливо сморщила нос, будто идея оказаться с членом тренера внутри своей вагины – это самое омерзительное.

Алан все также пронзительно смотрел мне в самую душу, но, кажется, в его глазах мелькнуло слабое облегчение.

– Прости, что усомнился в тебе. Это и вправду звучит дерьмово, – он шумно выдохнул и подошёл ко мне ближе, за один шаг, сокращая расстояние между нами до минимума. От его близости мне стало не по себе, но это лишь добавило причину моей злости на себя, – мне давно нужно было с тобой поговорить, Грейс, я не знаю как...

– Стой, – быстро выкрикнула я, отказываясь слушать то, что он собирается сказать. Все предельно ясно: он расскажет мне о своих чувствах, что убьёт нашу дружбу, ведь я не смогу ответить ему взаимностью. Решение пришло в голову мне мгновенно, – давай потом, ладно? У меня охренительно много дел, так что я побежала.

Когда я собиралась стартовать, воспользовавшись его ступором, он вмиг схватил меня за плечи, крепко удерживая рядом с собой.

– Нет, Гри, я итак слишком долго держал это в себе. Сегодня и завтра утром у меня одни сплошные тренировки, но это не означает, что тебе удастся избежать разговора. Завтра в восемь в парке, – командным тоном сказал он и добавил уже чуть тише с откровенной мольбой. – Пожалуйста, это важно для меня.

– Без проблем, – ещё какая проблема, – завтра в восемь и без опозданий.

Я улыбнулась другу и уже собралась выпутаться из кольца его рук, но он прижал меня в объятия, вдыхая аромат шампуня в моих волосах. Полностью зарывшись лицом в мои волосы, он прошептал:

– Ты даже не представляешь, насколько сильно это важно для меня, насколько ты важна для меня.

Полный крах.

Поэтому все выходные я провела в гордом одиночестве, размышляя на тему того, как я до такого докатилась.

Битый час Саманта ходила по комнате из угла в угол, не переставая болтать о сегодняшнем показе мод, который устраивал известный журнал мод, чтобы заметить достойных кандидатов на стажировку. Перебирая волосы в нервном жесте, она быстро говорила, задыхаясь от нехватки кислорода.

– А если им не понравятся мои творения? А что если им не понравятся мои модели? – накручивала она себя.

– Прекрати, Сам. Как внешность модели и её тело повлияет на качество твоей работы?

Её глаза стали размером с пенни.

– Влияет всё. Совершенно всё. В прошлом году, когда я только поступила в Принстон, на втором месяце обучения Рокки Тайдер...

– Кто это вообще такой? – перебила я её. И лучше бы этого не делала.

– Грейс, – возмущённо зашипела Сам, – это известный дизайнер. Так вот, он устроил показ платьев, и знаешь что? Одну девушку просто-напросто исключили из списка претендентов из-за её гребаного парня, который распространил её голые фотографии после их расставания. Журнал отказал ей в стажировке из-за этого сукиного сына, потому что это повлияло бы на репутацию журнала.

– Вид модели и эта история – разные вещи, – осторожно заметила я, хотя эта ситуация была реально паршивой.

– Нет, это из одной оперы, – снова возмутилась Саманта.

– Кажется, мне пора на лекцию. Тем более я довожу тебя до пены изо рта, а тебе сейчас это противопоказано, – отсалютовав ей, я открыла дверь из комнаты и в дверном проёме крикнула, – удачи. Без победы можешь даже не приходить обратно – не пушу.

Саманта хихикнула и помахала мне на прощание.

До лекции был ещё как минимум час, но я покинула комнату, дабы не ляпнуть что-то ещё и после чего вовсе не дожить до лекции. Моим познаниям в сфере моды – можно только позавидовать. В отличие от мамы, которая так же, как

и Сам в курсе трендов – я полный ноль. Мне больше интересно, как размножается морской конёк, чем то, какие туфли на мне сейчас. Кстати, я прочитала, как он размножается. Рождает конёк именно мужского пола, вынашивая в себе почти двести маленьких копий. Что ж, смело, могу заявить: мужской пол познал все прелести беременности и родов, даже если это почувствовал всего лишь морской конёк.

Тренировка сегодня должна быть позже, но ноги автоматически принесли меня на поле, где я просто уселась на траву, чтобы поймать тёплые солнечные лучи, которые скоро будут пытаться пробиться сквозь холода зимы. Закрывшись от постороннего мира наушниками, я нашла в плейлисте песню The Weekend – Nothing Without You и, подперев тело локтями, расстелилась на траве, подпевая мелодии. Моё уединение длилось не долго, потому что по правую руку от меня – почувствовалось чьё-то присутствие.

Попытка побыть наедине с собой провалилась.

Открыв глаза, я встретилась с тёмным взглядом Диего, нависающим надо мной.

Он что, твою мать, издевается?

– Какого чёрта твой член снова делает у моего лица? – поморщилась я и отодвинулась в сторону, хотя рот наполнился слюной от одного вида на тело, которое мне уже дважды удавалось касаться.

– Ты слишком много думаешь о моём члене, Грейс, – сухо ответил Диего.

– Ты слишком много думаешь о том, что я думаю о твоём члене, – бросила я слова и вновь подставила лицо к солнечным лучам.

Я думаю о твоём члене, чёрт меня дери.

– Не строй из себя недотрогу и обиженку.

– Господи, Фуэнтес, – засмеялась я, выдавливая из себя смех и лож, но получалось очень даже правдоподобно, – твоё эго размером с Нибиру. Спешу тебя расстроить: я не думаю ни о тебе, ни о твоём члене, ни о вас в целом. Мне плевать, понимаешь?

Ложь. Ложь. И ещё раз ложь.

Диего, кажется, немного опешил из-за моих слов, потому что лицо его помрачнело, а брови встретились на переносице. А это значит что? Что я обладаю отличными актерскими данными. Можно я дам себе пять?

– Есть ещё вопросы? – сухо спросила я, выгнув бровь и повернув к нему лицо, окинув надменным взглядом.

– У меня изначально их не было.

– Так может, ты свалишь и дашь мне насладиться одиночеством!?

– Принцесса! – окрикнули меня, и я уже точно знаю, кому принадлежит пошловатый оттенок слов и голос.

– Господи, да ты издеваешься? – взмолилась я, пробубнив эти слова себе под нос, предварительно вскинув голову к небесам, – где я так согрешила?

Ты помыла спиной стену в каком-то закоулке с трене-

ром, который возвышается над тобой, Грейси, – смеялось надо мной собственное «я», добавляя туда же, – и задницей протёрла пыль на столе.

– Не хочешь пойти со мной на лекцию? – пошевелил бровями Оливер, переведя немного удивлённый взгляд с Диего на меня. *Чёртова Бейкер*. Теперь все будут сомневаться в том, что между нами ничего не было, как только Диего будет оказываться возле меня. Что ж, этот парень определенно плевал на Фуэнтеса, пребывающего рядом, что мне очень нравится.

– Блайт, с какого счастья ты взял, что сегодня мы будем в одной аудитории? – вздохнула я.

– Знаешь мою фамилию? – довольно заулыбался Оливер, – что ещё ты узнала обо мне?

– Идиот, ты играешь в одной команде с Аланом, – закатила я глаза, – логично, что я слышала её и на тебе сейчас форма с твоей фамилией.

– Знаешь, я до сих пор хочу задушить Сам, потому что она могла кинуть действие мне, и тогда мы бы оказались в одной палатке, – вновь заулыбался он игривой улыбкой, намекающей на что-то большее, чем моё колено в его паху.

– Принеси кусок асфальта, я оближу его прямо сейчас, Блайт.

– Детка, я могу дать тебе облизать кое-что другое, – подмигнул Оливер, и почему-то его слова меня рассмешили намного больше, чем должны были. Диего откашлялся, в то

время как Оливер довольно лыбился, а я заливалась смехом. Этакая метаморфоза между мной и Диего.

– Господи, Оливер, кто тебя создал?

– Лучший скульптор, – заиграл он бровями, эротично проводя рукой по атлетическому торсу, на что я поморщилась. Хотя, тело Оливера очень даже неплохо.

– Фу, – бросила я, поднимаясь с травы, – так уж и быть, Оли, я пойду с тобой, но твоя конфетка может высохнуть в штанах.

Стряхнув одежду, я выпрямилась, в это время Оливер подставил руку в знак того, чтобы я просунула свою, словно мы закадычные подружки. Либо мне серьёзно отшибло мозги, либо это всё влияние Диего, но я взяла Оливера под руку.

– Встретимся на тренировке, тренер Фуэнтес, – похлопала я по плечу Диего, когда мы зашагали в сторону входа, оставляя его позади.

Ты сделала это для того, чтобы снова к нему прикоснуться, пусть даже так? – ехидно заметило собственное «я», на что я встряхнула головой, ведь моя шизофрения должны была подойти к концу, как только тело полностью выздоровело после встречи с катком на поле.

Оливер тащил меня по коридорам к тому месту, где у меня должна быть лекция. *И видимо, у него тоже.* Кроме всего прочего, я не вытащила свою руку из его хватки даже после того, как глаза Диего скрыли стены университета. Кажется, меня всё же знатно приложили, потому что мне начина-

ет симпатизировать Оливер. Конечно, не на место парня, но вот на вакансию друга – очень даже. Надеюсь, что его пошлые шутки так и останутся шутками, иначе сейчас я иду за вторым Аланом. А это означает только одно: я потеряю и его, когда он вдруг ни с того, ни с сего он решит, что любит меня.

Алан.

Завтра наша дружба даст трещину и рухнет к ногам. После встречи – я потеряю лучшего друга раз и навсегда, если он, конечно, не одумается и не взорвет над моей головой хлопушку, заявив, что просто пошутил. А мне бы очень хотелось, чтобы он пошутил. Мы забудем все его поцелуи и то, что он делал. Только сейчас я придаю его заботе совершенно иной оттенок: влюблённый. Сюрприз по приезду был не для «лучшей подруги Гри», а для «я по уши в тебя влюблён, Гри».

Отсидеть лекцию по философии в компании шута-Оливера было даже неплохо, потому что своими хоть и тупыми, но шутками, легко помогал мне справиться с мыслями о Диего.

Неужели мне теперь будет необходима компания любого человека, чтобы не терзать себя. В последнее время мои поступки настолько низки, что тошно от самой себя. Я никогда не являлась предметом для подражания и примером, но сейчас уровень моей самооценки скатился куда-то в задницу. Как пара слов какого-то человека, могут повлиять на самооценку в целом?

Разве что этот человек значит для тебя больше, чем

тренер, – заулыбалось второе «я».

Может, мой интерес на уровне любопытства? Ведь Диего не прочесть, как открытую книгу. Он под тысячью печатей, которые хоть зубами отдирай. То ли дело Оливер – зачитайся. Он не скрывает плоскость своего развития, хотя, сегодня у меня появилась доля сомнений в его тупости, когда он заговорил об археологии. Парень ведь действительно говорил вполне серьёзно, упоминая то, что ему нравится данное занятие. По мне, так археологом нужно быть человеку, который ведёт пассивный образ жизни, тянет ли Оливер на такого простака? Очень сомневаюсь, у него петарда в заднице, готовая рвануть.

Кроме всех собранных проблем в голове, бонусом идёт выставка, на которую я согласилась и которая должна пройти в воскресенье. Мистер Фаринсон уже упоминал о том, что я должна определиться с картинами, которые хочу показать. У меня буквально три дня, потому что в этот наипрекраснейший четверг – я ещё ничего не знаю. В моей голове обезьяна, которая, не унимаясь, хлопает тарелками. Чёрт меня дери, но я должна сделать это сегодня, если даже не сейчас. Похорошему, в эту минуту я должна перебирать ногами в сторону профессора с рисунками в руках, что делаю я? Шагаю на тренировку.

Ты в дерьме, Грейси, – хихикал разум, которого я следом послала нахрен.

В раздевалке уже никого не было, впрочем, ничего

необычного, я ведь успешно развиваю в себе черту человека, который вечно опаздывает.

Быстро скинув с себя одежду, я натянула форму и небрежно скрутила волосы в пучок, покинув раздевалку. Жутко ненавижу опаздывать, но тут это становится привычным делом, что меня не особо устраивает.

– Мисс Мелтон, – остановил меня голос, принадлежащий дотошному ректору.

Сделав вынужденную остановку примерно в нескольких футах от цели, я развернулась вокруг своей оси и посмотрела на направлявшегося в мою сторону мистера Харриса. Вопросительно выгнув бровь, я ожидала причину остановки, при этом лицо моё выражало раздражение и недовольство, ибо я уже опоздала.

– Профессор Фаринсон упомянул, что Вы будете принимать участие в выставке молодых художников, который устраивает Антуан. Я горжусь Вами.

– Спасибо, что-то ещё?

– Вы мне кое-кого напоминаете, – улыбался ректор, раздражая меня ещё больше прежнего.

– Я тороплюсь, – процедила я, намекая о спешке, но, вероятно, он решил пропустить это мимо ушей.

– Мисс Мелтон, – вдруг сменился горделивый голос на серьёзный, – тренировки для Вас сейчас запрещены.

– Что? – переспросила я, потому что показалось, что у меня зазвенело в ушах.

– Боюсь Вас расстроить, но после травмы, тренировки для Вас запрещены.

– Да Вы, вашу мать, шутите? – вспыхнула я, повысив голос, зрительно стирая человека напротив себя в порошок.

– Мисс Мелтон, Вам нужно оклематься после случая на игре.

– Я здорова!

– Мне очень жаль, – с толикой расстройства в голосе, повторил мистер Харрис, помогая зажженному фитилю – бензином.

После своих слов, он развернулся и зашагал прочь, оставляя меня кидать невидимые ножи в его удаляющуюся спину. Ярость во мне была неопикуемой. Я всеми фибрами души желала спалить этот университет к чертям, оставив груды пепла.

Вернувшись в раздевалку, я сорвала с крючка одежду, не став менять университетскую форму, и пулей сорвалась, куда глаза глядят.

Глава 11

Профессор Делон, в который раз пожал плечами, глядя куда-то вдаль, но только не на нас.

– Мы не успеем приготовить сочинение, профессор, – вновь сказал Оливер с большим нажимом. На месте Делона я бы уже давно сдалась, но он стойко переносит весь наш гнев. Внутри меня настоящий вулкан, который вот-вот взорвётся от холодного безразличия профессора по отношению к нам. А началось всё с простого вопроса:

– Вы хотите стать успешными людьми в будущем, чтобы есть не хлеб, с которого только что срезали плесень, а питаться в дорогих ресторанах, банально позволить себе всё, что пожелаете? – спросил профессор, как только зашёл в аудиторию.

Конечно же, мы ответили ему согласием. Кто не хочет сладко жить, не заботясь о том, что наступит кризис, и в кармане будет ненавистное перекаати—поле.

– Отлично, раз вы всё понимаете вашу цель и то, к чему нужно стремиться, ваше домашнее задание – приготовить сочинение на тему: кем вы видите себя через десять лет.

Надо было сразу догадаться, к чему клонит этот говнюк, задавая лёгкий вопрос, не требующий ответа, ведь итак всё предельно ясно.

– А смысл? Мы ведь всё друженько решили, что ста-

нем восходящими звёздами. Разве нет, профессор? – спросил кто-то на последних рядах.

– Конечно, мисс Найлс. Каждый из присутствующих видит себя звездой, – на последнем он даже фыркнул, – но уверены ли вы, что так оно и будет? Дадите ли вы мне гарантию того, что обеспечите себе шикарную жизнь в роскоши? – никто ему не ответил, на что он ухмыльнулся и продолжил, – вот именно, что нет никакой гарантии. Но у вас всегда должен быть второй план, здравый план, к которому вы придёте, если ваша шикарная, – он закатил глаза на последнем слове, показывая, что это – смехотворно, – жизнь окажется пустым лепетом. Объём сочинения должен быть не менее двух тысяч слов. И, коллеги, никакой воды. Мы – взрослые люди. Оценивайте себя по достоинству.

Протестующий гул студентов заполнил всю аудиторию, отдаваясь в стенах.

– Две тысячи слов на одну только тему о нашей будущей жизни? Мне придётся описывать мои старческие болячки, чтобы хоть как-то перейти порог в тысячу, – завопил один из нас, но профессор даже не поднял на него взгляд.

– Получается, мне придётся описывать цвет крышки моего гроба на пятьсот слов, так что ли? – Делон снова не обратил внимания.

– Мы не успеем приготовить сочинение, профессор, – сквозь зубы пробасил Оливер.

И второй раз мы заполучили его внимание с тех пор, как

он зашёл в аудиторию. Было отчётливо видно, как крутятся колёсики его в голове, отчаянно цепляясь зубчиками, друг за друга. И его будто осенило:

– Вас всего пятнадцать студентов в моей группе, а значит, что на каждого хватит по профессору. Отлично, значит, вы можете выбрать себе преподавателя в наставники, чтобы совместно раскрывать цель вашей жизни. Это может быть искусство, семья, работа, друзья – разницы нет. Главное, чтобы вы здраво оценивали себя. На сегодня, думаю, всё. Все свободны.

Отказываясь отвечать на наши дальнейшие вопросы, он схватил свою сумку и вылетел из аудитории на тридцать минут раньше окончания лекции. Недовольные студенты последовали его примеру и также покинули стены аудитории с лицами, будто съели целый лимон.

– Охренительно, – раздражённо пробубнил Оливер, накинув на плечо портфель. Взглянув на меня, он кивнул на выход, – ты идёшь? Я так устал от этой хрени, что единственный помощник в этом случае – еда. Тем более Сам написала, что они сидят в кафе и ждут нас.

Мой живот одобрительно заурчал, поддерживая идею Оливера. Как только я направилась с ним к выходу, дверь распахнулась, и вошёл запыхавшийся Делон.

– Слава богу, мисс Мелтон, что вы тут. А то я думал, мне придется искать вас по всему Принстону, – хрюкнул мужчина.

– Что-то случилось?

– Нет, – отмахнулся он, вручив сумку Оли, который опешил от такого действия преподавателя и почти уронил её. Делон ослабил тиски галстука и вздохнул. – Вашим наставником будет ректор Харрис. Вы будете с ним встречаться каждый день после лекций в течение трёх рабочих дней. Удачи вам, мисс Мелтон, – он улыбнулся и забрал сумку из рук Оливера, – Вам, мистер Блайт, также удачи. До скорого!

С этими словами он вновь пулей вылетел из комнаты. По-видимому, он очень не хочет отвечать на вопросы, возмущения и недовольства студентов, потому что каждый раз сбегает, как с тонущего корабля.

Пока я пыталась разложить по полочкам всю информацию, которую нам подал Делон за короткое время, рядом стоящий Оливер начал смеяться, согнувшись в коленях.

– Ты чего? – спросила я у парня, пихая его в плечо. Он пошатнулся и практически упал, но смеяться не прекратил.

– Да мне, Блядь, грех жаловаться, – задыхаясь от смеха и проглатывая буквы, сказал он, – Делон и Харрис – лучшие друзья, которые каждый год спорят на студентов. И в это году их цель – ты.

Я свела брови к переносице, скрестив руки на груди в оборонительном жесте.

– О чём ты вообще?

– Брось, тебе меньше всего сейчас нужно сердиться на меня. На твоём месте я бы давно поджарил задницу ректора, –

ещё сильнее рассмеялся Оливер и упал задницей на ступеньку лестницы, которая вела на задние ряды аудитории.

– Объясни. Нормально. В. Чём. Дело, – я отчеканила каждое слово, начиная внутренне закипать. Если он прямо сейчас не объяснит мне, в чём проблема – я подвешу его на резинку трусов.

Оли улыбнулся, не ощущая моего гнева.

– Каждый год они спорят, как быстро Харрис сможет вывести студента из себя.

– Что? – абсолютно не веря, спросила я, – ты смеёшься надо мной? Они же взрослые мужики, нахрена им эти детские игры?

– Кто их знает. Может, у них дерьмовая жизнь, которую они пытаются хоть как-то скрасить, за счёт бедных овечек в виде студентов, – Оливер пожал плечами, понимая, что никогда не задумывался о причине споров ректора и профессора.

– Ладно, на причину плевать. А в чем собственно суть? Какие правила? Что мне нужно делать?

– Тебе? Ничего. Ректор просто не будет тебе помогать. И всё, совершенно всё, ты будешь делать в одиночку, – сочувственно посмотрев на меня, Оливер встал с лестницы. – Ладно, разберемся. Пошли уже в кафе, иначе мой желудок захочет претендовать на тебя, как на пищу.

Оливер взял меня за руку, сплетая мои пальцы, и вывел в коридор. Огибая студентов, спешащих на занятия, он вел

меня в направлении, в котором его вёл голодный живот. Как только осталось несколько метров до нужной двери, я спросила:

– А что смешного ты нашёл в этом?

Оли, не останавливаясь ни на секунду, посмотрел на меня с непониманием в глазах.

– О чём ты? – но тут же вспомнил, – а, просто мне казалось, что ты любимица Харриса. А тут вышло так, что ты, оказывается, просто интересная игрушка. Извини, но так и есть.

– С чего бы я стала любимицей Харриса? – недовольно сморщив носик, спросила я у Оливера.

Парень улыбнулся, открыв дверь кафе и пропуская меня внутрь, и пошёл следом за мной. Как только мы поравнялись и встали в очередь, он ответил:

– На самом деле он не очень благосклонен к студентам и редко обращается к ним, если поводом разговора не будет являться исключение. А к тебе он с самого первого дня добр.

– Чересчур, я бы сказала, – прошептала я, на что Оливер кивнул. Может, ректор и не испытывает ко мне симпатию, как к девушке, но точно испытывает другую, но какую – я ещё не знаю. Но обязательно узнаю.

Оли взял наш поднос с едой и пошел вглубь кафе, где стоят множество столиков. Заметив наших друзей, мы направились к ним.

– Я же сказала, что у них совместная лекция, – закатила

глаза Полли при виде нас.

Оливер кинул поднос на стол и, как истинный джентльмен, отодвинул мне стул, заставляя меня хихикнуть в кулак, как глупая шлюшка. Две пары глаз удивлённо уставились на нас, а третья прожигала дыру на лбу Оливера. Кажется, мой лучший друг ревнует меня. Если бы кто-то сказал мне об этом раньше, я бы врезала ему. Да я и сейчас не прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.